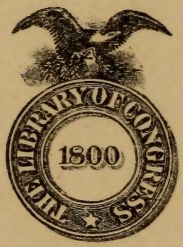
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928



Class PGR 2244
Book .S32

YUDIN COLLECTION

Simonovskiĭ, Gennadiĭ
Russkiĭ zhilblaz.

РУССКІЙ ЖИЛБЛАЗЪ,

ПОХОЖДЕНІЕ АЛЕКСАНДРА СИБИРЯКОВА

ИЛИ

ШКОЛА ЖИЗНИ.

Сочиненіе
Геннадія Симоновскаго.

Simonovskiĭ, G.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1832.

PG3361
.S497R8
1832

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва 1831 года Декабря 14 дня. *Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.*

Отъ Издателя.

Преждевременная и внезапная смерть автора сей книги, столь чувствительная его друзьямъ и ближнимъ, лишила сіе сочиненіе того достоинства, котораго можно бы было ожидать отъ опытности и дарованій сочинителя.

Желая, по возможности силъ своихъ, быть полезнымъ юношеству своими наблюденіями, авторъ намѣревался описать и очертить обыкновенныя измѣненія человѣческой жизни, происходящія болѣе отъ неопытности и поспѣшности: но судьбѣ было угодно опредѣлить иначе!

Сочинитель избѣгалъ декламаторскихъ правоученій, болѣе надоѣдающихъ, нежели приносящихъ пользу, но старался въ вѣрныхъ очеркахъ представить примѣры съ побудительными причинами, и послѣдствіями и если недостатокъ интереса замѣчателенъ въ цѣломъ, то нельзя не

отдать справедливости достоинству нѣкоторыхъ картинъ и живости сценъ въ отдѣльности, удачно схваченныхъ съ природы. Здѣсь нѣтъ героя Романа, но нѣкоторыя дѣйствующія лица обрисованы рѣзкими чертами, со всемъ правдоподобіемъ и правильностію.

Жизнь сочинителя была образцемъ примѣрной строгости, чистой нравственности и твердости въ религіи. Издатель почтетъ за величайшую для себя награду, если сіе сочиненіе произведетъ на юныя сердца тѣ впечатлѣнія, каковыя на долго, къ счастію человѣка, остаются памятны, и принесетъ желанную пользу, составлявшую единственно цѣль сочинителя, благонравному юношеству, а взрослымъ читателямъ хотя нѣсколько минутъ удовольствія.

Предлагая школу жизни, издатель льстится надеждою, что публика удостоитъ оную своего лестнаго вниманія и будетъ благосклонна къ недостаткамъ, происшедшимъ непосредственно отъ общаго удѣла.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Краткое жизнеописаніе отца Сибирякова 1

—— II. Юность и домашнее воспитаніе Сибирякова. Характеръ его матери Наставникъ-студентъ Богословіи Квасовъ. Занятія его съ учителемъ и по дому..... 10

——III. Несчастный случай съ Квасовымъ. Удаленіе его. Новый педагогъ Сибирякова Французъ Виданъ. Методъ его ученія и успѣхи. Сильная аттестація къ Видану матери Сибирякова. Отставка..... 19

—— IV. Пріѣздъ Сибирякова въ губернскій городъ. Директоръ Гимназіи. Сибиряковъ поступаетъ къ нему на воспитаніе. Методъ ученія Гимназическихъ педагоговъ. Образованность Директора..... 31

—— V. Сибиряковъ по экзамену поступаетъ въ классы Гимназіи. Забавы учениковъ. Экзамены. Отличіе Сибирякова передъ другими въ наградахъ. Заговоръ противъ Директора. Перемѣщеніе Сибирякова къ Лашинскому училищу..... 36

Стр.

Глава VI. Пансіонъ для воспитанія дѣвицъ Г-жи Ломберъ. Очаровательная воспитанница Анета, въ которую влюбляется Сибиряковъ..... 43

—— VII. Безмолвное объявленіе въ любви. Сибиряковъ оставляетъ занятія въ Гимназіи и ежедневно посѣщаетъ Пансіонъ. Танцы.. 47

—— VIII. Приготовленіе Гимназическихъ экзаменовъ. Сибиряковъ задариваетъ своихъ наставниковъ. Экзаменъ. Ораторство Сибирякова. Оскорбленное честолюбіе учениковъ. Награда. Разговоръ съ Анетою. 51

—— IX. Сибиряковъ оканчиваетъ курсъ ученія. Частыя его посѣщенія Пансіона и пріобрѣтеніе въ свѣтѣ имени прекраснаго молодаго человѣка. Письмо къ нему отъ отца. Отвѣтъ на оное 58

—— X. Внезапный отъѣздъ Анеты. Отчаяніе Сибирякова. Отказъ ему въ квартирѣ. Помѣщеніе его въ гостинницѣ Зага. Неблагопріятныя обстоятельства. Загъ обираетъ Сибирякова. Отъѣздъ его въ отцовскую деревню. Забавный случай у заставы..... 60

—— XI. Пріѣздъ Сибирякова въ деревню. Слѣдствіе ложнаго свѣтскаго во-

Стр.

спитанія. Деревенское препровожденіе времени. Философическое сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. Намѣреніе Сибирякова вступить въ военную службу..... 69

Глава XII. Знакомство съ военными. Сибиряковъ опредѣляется въ полкъ. Военная жизнь. Отличіе Сибирякова..... 78

—— XIII. Удовольствія провинціальной жизни. Маскерадъ у помѣщика Живалова. Очаровательная Турчанка. Ея таинственность. Грекъ Турчанкинъ..... 81

—— XIV. Ложное печальное извѣстіе. Нечаяный отъѣздъ Сибирякова. Сыновнее сердоболіе. Предположеніе купить деревню съ аукціона. Древнихъ лѣтъ военный артикулъ. Отъѣздъ Сибирякова въ Москву.. 89

—— XV. Путешествіе. Разговоръ на ночлегѣ. Мечтанія 96

—— XVI. Несчастный случай въ дорогѣ. Ропотъ и угрозы крестьянъ. Сельскій священникъ. Встрѣча съ Квасовымъ. Угощеніе. Земскій—сочинитель доноса..... 102

—— XVII. Метаморфозовъ — Секретарь Земскаго суда. Мрачныя думы и сновидѣнія. Судейская. Остроты при-

Стр.

казнослужителей. Размолвка съ Секретаремъ. Счастливый переворотъ обстоятельствъ. Благотворитель Грекъ Турчанкинъ..... 112

Глава XVIII. Сибиряковъ продолжаетъ путь Пріѣздъ его въ деревню къ дядѣ.. 124

—— XIX. Сборы въ боръ по грибы. Деревенскія хозяйственныя причуды и фарсы Помѣщика. Забавный разговоръ дамъ. Описаніе поѣзда. Несчастное приключеніе. Сумятоха. Отъѣздъ Сибирякова..... 129

—— XX. Разсказъ извощика о колдовствѣ. 150

—— XXI. Ночлегъ. Ночный разговоръ постояльцевъ. Продолженіе разсказа извощика..... 160

—— XXII. Прибытіе Сибирякова въ губернскій городъ. Гостинница Зага. Тщетное ожиданіе. Директоръ Гимназіи. Сибиряковъ исключается изъ военной службы и поступаетъ въ учителя Гимназіи..... 166

—— XXIII. Неудачная экзаменовка. Пренебреженіе Сибирякова къ званію учителя..... 171

—— XXIV Сибиряковъ получаетъ извѣстіе о смерти отца. Отчаяніе. Благопріятный случай..... 176

—— XXV. Сибиряковъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Не ожиданное приглашеніе. Посѣщеніе Гру-

Стр.

шина. Утѣшительный разговоръ данное 183
Глава XXVI. Басовъ, данное учителю Латинскаго языка. Римская вечеринка провинціальныхъ ученыхъ. Тосты 191
— XXVII. Сибиряковъ посѣщаетъ судью. Объясненіе съ нимъ. Дань признательности. Примѣры лихоимства. Посѣщеніе Предсѣдателя. Неудачный подарокъ..... 207
— XXVIII. Письмо. Духовное завѣщаніе. Пріемная Губернатора. Сибиряковъ опредѣляется въ Губернаторскую Канцелярію..... 222
— XXIX. Вечеръ у Секретаря. Семейство Лорнетовыхъ. Сибиряковъ влюбляется въ дѣвицу Лорнетову. Секретарша и ея дочь. Пѣніе. 230
— XXX. Балъ у помѣщика Скорѣшенскаго. Посѣщеніе Лорнетовыхъ. Счастливый будуаръ красавицы.. 238

ГЛАВА I.

Краткое жизнеописаніе отца Сибирякова.

„Было-бъ пиво на погостѣ,
А у пива будутъ гости.“

На берегахъ Оки, въ деревнѣ Ивановскѣ, жила благословенная чета двухъ нѣжныхъ супруговъ. Они находили радости другъ въ другѣ, спокойствіе въ деревенской жизни и проводили время весело и счастливо. Къ довершенію блаженства имъ недоставало дѣтей, на коихъ обратились бы попеченія отца и заботы матери и кои бы, утѣшая въ настоящемъ, услаждали будущую старость льстивыми надеждами. Они желали сего и наконецъ желаніе ихъ исполнилось. У нихъ родился сынъ Александръ и который отсюда будетъ извѣстенъ вамъ, Читатель, подъ именемъ *я*. Это весьма обрадовало супруговъ, но болѣе отца, ибо матери хотѣлось бы дочьку. Я родился въ

то время, когда отцу моему было 48 лѣтъ, а матери 30. Они были уже 5 лѣтъ въ супружествѣ и наслаждались совершеннымъ здоровьемъ. Отецъ мой былъ малъ ростомъ, хорошъ собой и хромалъ на правую ногу. Для любопытныхъ я опишу его исторію по изустнымъ преданіямъ стараго моего дядьки. Иванъ Ивановичь— родитель мой, родился въ 1753 году. Росъ и воспитывался дома; наконецъ, когда онъ достигъ 25-лѣтняго возраста, его записали въ гвардію, что сопряжено было съ значительными издержками. Пробывъ въ службѣ годъ — (а онъ къ должности и не являлся), онъ вышелъ въ отставку Прапорщикомъ и слѣдовательно имѣлъ право ѣздить цугомъ, четверкой. Онъ былъ избалованъ и при отцѣ въ деревнѣ занимался однимъ прекраснымъ поломъ и собаками. Отецъ его померъ и ему по раздѣлу съ братьями досталось 600 душъ и ничего долгу. Отецъ мой раскошничалъ и его почитали первымъ хлѣбосоломъ во всемъ уѣздѣ. Къ нему сбирались каждый день человѣкъ до 20 сосѣдей; вина — обливанное море, закусокъ и кушанья было съ излишкомъ. Какъ хо-

заинъ, онъ былъ воленъ, какъ кормилецъ— даже излишне. Онъ не стыдился показывать своихъ фрейлинъ или фаворитокъ Аграфену и Марью и представлялъ гостямъ, какъ хозяекъ дома. Съ Грушей и Машей, такъ величалъ ихъ батюшка, въ большой дружбѣ жили мѣлкопомѣстныя дворянки; а окружные Парисы, — поклонники Вакха, — супруги такихъ дворянокъ, оказывали имъ всѣ знаки учтивости и вѣжливости, засыпали ихъ комплиментами и мадригалами, какія только могутъ возродиться въ пустыхъ головахъ отъ винныхъ паровъ и низкой лести. Псовая охота была любимымъ занятіемъ моего родителя. Сколько борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, сколько охотниковъ, тѣнетниковъ — трудно себѣ представить. Но что все это стоило? Еще труднѣе! Бывало, какъ скоро винной кубокъ обойдетъ по 40 разъ каждыя руки, когда лакеи устанутъ отъ подносу, и пьючія головы склонятся отъ единообразія на то, около чего онѣ находятся: настанетъ молчаніе, прерываемое лишь стукомъ убираемыхъ бутылокъ и храпѣніемъ задорныхъ гулякъ. Сколько разъ бывало

такихъ сонныхъ безмолвій! — Рѣшительно каждый день. Но заутро, кто на зарѣ, кто передъ зарей, кто утромъ, кто послѣ — всѣ требуютъ вина: иной опохмѣлиться, или чтобы быть хмѣльнымъ, другой для подкрѣпленія, а третій по болѣзни, по обыкновенію, по привычкѣ, по должности и проч. Въ 11 часовъ садились на коней и (о бѣдные зайцы!) отправлялись на охоту, сопровождаемые обозомъ съ виномъ и припасами. Тамъ было тоже, что и въ домѣ — съ тою только разницею, что въ домѣ, упившись, засыпали; а съ поля были отвозимы на дрогахъ почти замертво. Отецъ былъ не пьяница, однако разъ до 20 въ день цѣловался съ рюмкой; такъ она ему была любезна! Онъ жилъ такимъ образомъ 4 года. Имѣнье было — половина заложена въ частныя руки, а другая разорена не на животъ, а на смерть. Отцу наскучило закладывать и закладывать; онъ продалъ все имѣніе и, съ уплатою долговъ, получилъ наличными 126 тысячъ звонкою монетою. Продавши деревню, онъ отпустилъ Грушу и Машу, наградивъ каждую тысячью рублями, и пере-

ѣхалъ жить въ Губернскій городъ. Новое житье, новые друзья, новые обѣды и новые расходы. Домъ отца моего сдѣлался домомъ роскоши, который посѣщалъ весь городъ. Деньги сорилъ онъ, какъ будто бралъ оныя изъ неистощимаго кошелька щедрой фортуны. Между тѣмъ, какъ гулъ музыки и звонъ пуншевыхъ стакановъ раздался въ палатахъ моего родителя, позвольте отвлечь вниманіе ваше, Читатель, къ важному дѣлу. Въ числѣ приближенныхъ, которыхъ, мимоходомъ замѣтимъ, у моего батюшки было человѣкъ до 50; въ числѣ приближенныхъ, кои помогали ему расточать денежки, былъ любимецъ его дворецкій Прокофій. — Онъ вкрался въ неограниченную довѣренность своего господина и въ послѣдствіи времени сдѣлался богаче своего барина. Онъ увѣрилъ отца моего, что держать при себѣ дѣвицъ неприлично. Отецъ послушался и сослалъ Грушу съ Машей. Но пиры продолжались, деньги исходили. Потомъ, благодаря хищничеству дворецкаго и дружескому посѣщенію городскихъ собесѣдниковъ, кошелекъ моего родителя значительно убавился и пирушки дава-

лись рѣже. Наконецъ денегъ уже не было. Всѣ видѣли, какъ онъ употреблялъ свое имѣніе и никто не хотѣлъ ему ссудить въ займы, къ кому ни прибѣгалъ онъ принужденый обстоятельствами. Онъ пришелъ въ бѣдность. Уже давно домъ Ивана Ивановича не былъ полонъ гостями, давно унывшій хозяинъ простился съ своею пышностію. Уже отецъ мой хотѣлъ идти въ монастырь, какъ пришла къ нему вѣсть, что родной братъ его Николай, послѣ кратковременной болѣзни, оставилъ міръ сей, отказавъ все свое имѣніе двумъ братьямъ: моему отцу и Дмитрію Ивановичу. Мой отецъ ожилъ новою жизнью. Ему досталось 200 душъ, большое количество земли и лѣсу, и въ 30 тысячъ ломбардный билетъ. Здѣсь дѣлается совершенный переворотъ въ образѣ жизни моего родителя и сколько расточителенъ былъ онъ прежде сего, столько сдѣлался бережливъ, получивъ наслѣдство. Извините меня, Читатель, что я занялъ вниманіе ваше исторіею моего родителя; будьте снисходительны прочесть еще немного и потомъ приступимъ къ исторіи собственно моей. Наслѣ-

довавъ имѣніе отъ брата, родитель мой немедленно вступилъ во владѣніе онаго. Имѣнье было прекрасное, деревня, прозывавшаяся Ключище, была на живописномъ мѣстѣ. Она простиралась по горѣ, внизу текла прекрасная рѣчка, позади была роща, а кругомъ пастбища. Отецъ мой часто гулялъ по окрестностямъ своего селенія. Въ одинъ день Іюля мѣсяца, когда зной солнца дѣлается несперпимъ для пешеходцевъ, когда вечерняя прохлада зоветъ гулять сидящаго въ комнатѣ, когда хоры птицъ, наполняя рощи, провожаютъ день своимъ пѣніемъ, вечеромъ такаго дня вышелъ отецъ мой насладиться прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ. Онъ проходилъ мимо деревни и радовался хорошему житью крестьянъ своихъ. Какая противуположность съ прежними его крестьянами! Онъ радовался; а довольные имъ земледѣльцы, по дорогѣ встрѣчавшіеся, съ веселыми лицами его привѣтствовали. Онъ шелъ далѣе, предавшись размышленію, — шелъ, какъ вдругъ показалась женщина. Отецъ мой вздрогнулъ. Кто это? спросилъ онъ. Это, сударь я, отвѣчала Катерина, дочь ткача. Она была

пригожа собою: полная, румянная, съ голубыми глазами, была бойка и развязна; хотя лице ея не было прекрасно, но изъ сельскихъ дѣвицъ оно было всѣхъ лучше. Отецъ мой пришелъ домой не такимъ, какимъ вышелъ. Катерина занимала его. Онъ день отъ дня болѣе и болѣе находилъ Катерину прекрасною и наконецъ, властію и просьбами, Катерина замѣнила Грушу и Машу. Дѣвушка сія умѣла снискать любовь отца моего. Нѣсколько лѣтъ жилъ онъ благополучно съ нею, оставя свѣтскія удовольствія и занимаясь экономіею; онъ вознамѣрился составить счастіе своей возлюбленной, и торжественно съ нею обвѣнчался. Это въ свѣтѣ случается не рѣдко: помѣщикъ женится на своей дѣвкѣ, помѣщица беретъ къ себѣ для услуги красиваго, здороваго парня, для того, какъ говорятъ они, что бы они исправнѣе исполняли всѣ ихъ желанія. И такъ дочь ткача Захара — Катерина сдѣлалась дворянкою. Я умолчу о лѣтахъ, въ кои Катерина оказывала своему супругу всѣ знаки душевнаго уваженія и преданности, но только упомяну о томъ, о чемъ сказалъ я выше, что, по

молитвамъ сихъ супруговъ, родился у нихъ сынъ Александръ, этотъ-то давно желанный первенецъ — *я*. Съ сихъ поръ я буду называть Катерину Захарьевну моею Матерью, а Ивана Ивановича — отцемъ. Вѣроятно многимъ покажется страннымъ разсказъ мой объ отцѣ моемъ, но это правда; можетъ быть, иные скажутъ: что я говорю о своихъ родителяхъ насмѣшливо, непристойно; — вотъ мое оправданіе: я старался, сколько возможно, и хотѣлъ быть безпристрастнымъ, справедливымъ. Отсюда-то начнется собственно жизнь моя и предлагаемое сочиненіе.

ГЛАВА II.

Юность и домашнее воспитаніе Сибирякова. Характеръ его матери. Наставникъ Жил-Жеблаза Студентъ Богословіи Квасовъ. Занятія его съ своимъ ученикомъ и по дому.

Пропускаю тѣ годы моего возраста, когда нѣмые звуки моего голоса лишь были слышны изъ колыбели, и когда мои крики служили предлогомъ къ нарумяненію щекъ бѣдной моей няньки. Попеченія моихъ родителей обо мнѣ были велики; за мною была приставлена няня Анна и кормилица Арина. Онѣ за мной ходили и, благодаря еще надзору моихъ тетушекъ и матушки, не уходили. Но скоро прошла моя весна; мнѣ минуло 7 лѣтъ и съ сихъ поръ я очень хорошо помню произшествія моей жизни. Хотя краснѣя, но признаться должно, — я былъ шалунъ, какихъ нигдѣ не видывалъ. Не было ни одного человѣка, ни одного животнаго, который бы не испыталъ про-

казъ моихъ. Съ какимъ удовольствіемъ жаловался я своей маминькѣ на дѣвокъ и лакѣевъ и какъ весело было мнѣ смотрѣть на багровыя ихъ щеки, по коимъ катились слезы. — Какъ пріятно было для меня, когда я, начальствуя надъ сворою собакъ, припрaвлю корову или быка десяткомъ шавокъ; мнѣ весело было смотрѣть, когда бѣдное животное мечется во всѣ стороны и всюду встрѣчаетъ моихъ вѣрныхъ шавочекъ. Бѣдныя птицы! и вамъ отъ меня доставалось. Ни одного гнѣзда на дворѣ не было мною опущено. Я разорялъ гнѣзды воронъ и ласточекъ, убивалъ и коршуновъ и воробушковъ. Дворовые мальчишки были моими лошадьми, и я ихъ билъ такъ, какъ ни одинъ сердитый кучеръ не бивалъ лошадей самыхъ лѣнивыхъ; рука моя,—по наслѣдству ли отъ маминьки — (а у ней была сильная ручка,) не положитъ похулки: что ни ударъ, то шишка, или фонарь; что ни толчекъ, все съ ногъ, да съ ногъ... Какъ сей часъ помню я, какъ, бывало, сяду въ свою тележку и меня повезутъ Степка и Тимошка, толпа мальчишекъ, окружая экипажъ мой,

бѣгутъ, повинуясь движеніямъ; плѣть у меня въ рукахъ и я хлыщу ею свою свиту; мнѣ пріятенъ былъ плачь ребятишекъ и я къ нему такъ привыкъ въ послѣдствіи, что мнѣ все равно—что мальчикъ реветъ, что индѣйка кричитъ. Такое злобное сердце было во мнѣ слѣдствіемъ поступковъ моей матери. Вотъ два случая, которые я помню отъ моей юности. Однажды дѣвочка лѣтъ 14 не выпряла опредѣленное количество пряжи и замѣчена была въ похищеніи изъ барскаго столика конфектовъ. Маминька на нее до того разгнѣвалась, что приказала высѣчь и сама присутствовала при этой экзекуціи. Ее сѣкли долго и очень больно. Бѣдная не могла послѣ даже стоять на ногахъ. Маминька этимъ не удовольствовалась: она поставила ее на колѣни и, сколь могу запомнить, привязавъ къ косѣ ея утюгъ, приказала вязать чулокъ. Между тѣмъ преподавала ей наставленія, сопровождая каждое слово крѣпкою пощечиною; но тиранство ея исполнилось: дѣвочка померла, а маминька осталась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ и прежде сего. Я помню, что дѣвочку схоронили

скоро и что тотчасъ пріѣхалъ къ намъ Лѣкарь освидѣтельствовать умершую. Маминька прежде сего много совѣтовалась съ нянею и священникомъ нашей церкви; помню, что Лѣкарю очень много подарили денегъ, и онъ донесъ, какъ развѣдалъ я послѣ, что дѣвочка умерла своею смертію. Но кровь убіенной вопіяла къ престолу Творца, и подозрѣніе, не смотря на донесеніе Лѣкаря, усилилось на маминьку; — былъ отряженъ новой Докторъ, завязалось дѣло, и послѣдствія онаго должны бы быть непріятны; но вѣрно правда заглушалась въ тѣ времена неправдою: оправданіе маминьки, при издержкахъ на 2 тысячи рублей, было принято и судъ кончился. Этотъ случай имѣлъ большое вліяніе на характеръ моей матери. Послѣ сего она сдѣлалась милосердѣе и была жестокою не всегда, но только временемъ. Можетъ быть, тѣнь несчастной жертвы представлялась ей, когда, оставивъ въ покоѣ все окружающее, мать моя ложилась на постелю и предавалась мечтанью. Но о чемъ могла мечтать моя матушка: о грибахъ, молокѣ и смѣтанѣ — мякинѣ, мѣсивѣ и блинахъ.

Другой случай. Ветчина, которую особенно жаловала мать моя, была подана съ неоскобленною кожицею. Вина пала на повара, и когда, по приказанью, призвали, его то маминька, переругавъ его, подпрекнувъ ему и саломъ, которымъ была намазана голова и лице его, и мѣщиною, которая шла для его семейства, и рюмкою вина, которую онъ випилъ на святой недѣлѣ въ барскомъ домѣ, — схватила ветчину, подававшуюся всегда цѣлымъ окорокомъ и такъ сильно ударила его по переносицѣ, что знакъ ея благоволенія носилъ поваръ до самой смерти. Во время обоихъ сихъ случаевъ отецъ мой былъ въ С... по дѣламъ Палатскимъ. Онъ замѣчалъ жестокость своей супруги и не разъ говорилъ ей, что она должна помнить, что сама возведена въ санъ Гвардіи Прапорщицы изъ простой крѣпостной дѣвки.

Какъ бы-то ни было, но мать моя была хитрая, умная и придирливая женщина. Она овладѣла совершенно своимъ супругомъ, и когда ему стукнуло на шестой десятокъ, власть его кончилась и управленіе вотчинами перешло къ моей матери. А вамъ извѣстно, Читатель, коли далъ

мужъ женѣ волю, то не быть добру. Рожденная въ низкости и привыкнувъ къ недостаткамъ — мать моя, сдѣлавшись помѣщицею, сдѣлалась ненасытно-жадною, сребролюбивою; а дивясь всему, она вмѣстѣ была скупою и не имѣла ни малѣйшаго понятія объ образованіи. Знаніе священника нашей деревни она считала мудростію. Отецъ мой мало входилъ въ дѣла — особенно по части экономической. Мать завѣдывала и имѣніемъ и мною. Я по прежнему игралъ въ три листика съ лакеями, правилъ скотину, билъ мальчишекъ и дѣвченокъ, привязывалъ овцамъ вѣники, карнавилъ собакъ, ѣздилъ на коровахъ, разорялъ птицъ и на святой недѣлѣ звонилъ на колокольнѣ. Главное же мое занятіе было *орлянка* и *козны*. Такъ проводилъ я время до 8 года, когда маминька, а болѣе родитель мой (которому всѣ мои игры были извѣстны въ другомъ видѣ, ибо приставленный дядька говорилъ что я: «не по лѣтамъ уменъ,— какъ бы умъ за разумъ не зашелъ — » и слѣдовательно гимнастическія упражненія — чтобы не рано кончить вѣкъ свой — были полезны,) согласились взять ко мнѣ

учителя и, по пріисканіи, явился моимъ менторомъ Ѳедоръ Степановичъ Квасовъ, Студентъ Богословіи Губернской Семинаріи. Это былъ потѣха, а не учитель! Каждое утро мы съ нимъ занимались по получасу кое-чѣмъ и потчасъ уходили удить рыбу; послѣ обѣдали, потомъ, занявшись опять съ полчаса, уходили гулять въ рощу, гдѣ учитель мой, по обѣщанію, растолковывалъ своему любознательному ученику естественные предметы. — Но, ходивъ въ рощу, я имѣлъ совсѣмъ другую цѣль, учитель мой тоже: лишь только войдемъ — я побѣгу къ своимъ шмакамъ (*), которые стояли деревьяхъ на десяти; — смотришь: въ нихъ попали вьюрки, синицы и проч. а учитель мой исправно всегда пойдетъ прогуливаться съ ученицею нашей дѣушкою — Степанидою и объясняетъ ей, какъ самъ говорилъ, естественныя науки. Я не знаю, что это были за науки, но только помню, что разъ мой дядька, поссорившись съ учителемъ, подпрекнулъ ему:

(*) Конопляный снопъ, обвитый веревочкою, въ которую вплетаются силки. —

»Смотри, ты! долгогривый блинохватъ, не больно зазнавайся; вѣдь Стешка-та...« Тутъ учитель мой подбѣжалъ къ дядькѣ, пошепталъ ему что-то на ухо и послѣ сего разговаривали дружно и не сердились и не говорили болѣе о ученицѣ. Учитель мой былъ снисходителенъ до низости, ученъ до безтолковости и робокъ до чрезвычайности. Главное дѣло его состояло въ письмѣ счетовъ: сколько бѣлья отдано и получено отъ прачки, сколько талекъ не додано и сколько возвращено. Горничныя безпрестанно мучили его письмами. Бывало, пишетъ, пишетъ — писемъ двадцать за разъ; иная шалунья и пошутить захочетъ, онъ все пишетъ, оправдываясь тѣмъ, что какъ можно не уважить просьбы милой дѣвушки — (а она хоть совсѣмъ не мила!). О чемъ бы ни заговорилъ съ нимъ мой отецъ, онъ отвѣчалъ все по Славянски, все текстами. Маминька ему благоволила, осебенно за исправныя записки пряжи и холстовъ, получаемыхъ съ крестьянокъ. Въ Воскресенье онъ пѣлъ на крылосѣ и говаривалъ проповѣди. Старухи такъ объ немъ толковали: Учитель-то какъ запоетъ Херу-

вимскую, то такъ и зальется словно варганъ; а какъ выдетъ проповѣдь-то говоритъ, руками таково широко помахиваетъ, глаза-то, то закроетъ, то къ верху взведетъ и говоритъ такъ красно и жалостно, что хоть не понимаешь, а слезы все текутъ; — ужь не сдержишься. «Учитель мой писалъ старухамъ поминанья, нѣкоторыя бумаги изъ конторы, дѣла палатскія и за все, за все получалъ 250 рублей монетою. Но кто спасется на всякой разъ? Учитель мой отправлялъ свою должность, какъ токмо можно, исправно. Писемъ переписалъ множество. Проповѣди Михаила уже раза три проговорилъ, хотя и не различалъ когда и какую онъ говоритъ—все подърядъ, такъ что мы встрѣчали Христа съ пальмами зимою, а крещеніе его слышали въ проповѣдяхъ лѣтомъ;— онъ читалъ скоро и иногда, если одна проповѣдь коротка, онъ двѣ прочтетъ;—старухи плачутъ, учитель мой Цицеронникъ— декламируетъ, и о важномъ ли, о печальномъ ли, о высокомъ ли — онъ все машетъ руками; и союзъ и междометіе, и предлогъ и глаголъ—все произноситъ возвышеннымъ голосомъ, все баситъ безостановочно.

ГЛАВА III.

Несчастный случай съ Квасовымъ. Удаленіе его. Новый педагогъ Сибирякова Французъ Виданъ. Методъ его ученія и успѣхи. Сильная антипатія къ Видану матери Сибирякова. Отставка.

Богословъ прожилъ у насъ два года и всѣ имъ были довольны. Но одинъ разъ у обѣдни : онъ стоялъ на правомъ крылосѣ , мать моя и я около онаго, за нами стояли дѣвки , между ими была Степанида. Мы молились, и когда литургія дошла до того мѣста , когда діаконъ говоритъ : оглашенніи изыдите, елицы оглашенніи изыдите и проч. Учитель обернулся и посмотрѣлъ на насъ. Я на это не обратилъ вниманія и ничего не замѣтилъ ; но изъ этого произошло важное событіе. Маминька пришла домой сердита , очень сердита. Я чтобы поскорѣе убраться , иначе гнѣвъ ея изліется на бѣдную мою голову — (что весьма часто случалось) , ущелъ въ садъ и ходилъ до тѣхъ поръ ,

пока меня позвали. Пришедъ домой, я засталъ учителя моего въ слезахъ и готоваго отправиться въ путь. Что это такое? спросилъ я. »Ничего, Александръ Ивановичь; маминькѣ вашей не угодно, чтобъ я жилъ здѣсь; мнѣ приказано сей-же часъ удалиться...« Куда? опять спросилъ я. »Куда хочу, отвѣчалъ учитель, но чтобы духу моего здѣсь не было...« Постойте, я попрошу маминьку... сказалъ я, и побѣжалъ къ матери. За что вы сгоняете учителя? спросилъ я у маминьки. За то, отвѣчала она, что я не могу унижаться предъ всякимъ животнымъ: этотъ Поповичь вздумалъ назвать насъ — меня и тебя — оглашенными... ты замѣтилъ, когда Діаконъ сказалъ объ оглашенныхъ, Ѳедоръ Степановичь оборотился на насъ. Хотя ничего не сказалъ; но посмотрѣлъ, а это все равно. Сдѣлайте одолженіе, маминька, душенька, хорошенькая, краличка, прекрасная, золотая, не сгоняйте учителя... онъ... онъ... Да, онъ и прибьетъ скоро, закричала маминька, буду ли я терпѣть, чтобы меня смѣла всякая швабра называть оглашенною... Маминька! продолжалъ я, онъ не будетъ...

онъ ненарочно сказалъ... Онъ невзначай взглянулъ. Но мои просьбы были презрѣны и учитель мой, къ крайнему моему сожалѣнію, удовлетворенный, какъ слѣдуетъ, по договору, былъ отвезенъ въ городъ. Это сначала было для меня горестно; я плакалъ и маминька безпокоилась; но скоро все прошло и я сдѣлался такимъ же шалуномъ и столь же ученымъ, какимъ былъ и до учителя.

Между тѣмъ пріѣхалъ мой родитель, бывшій въ отъѣздѣ по дѣламъ своимъ. Онъ извѣстилъ насъ, что нанялъ для меня иностранца — Француза, который вскорѣ и прибылъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35, плотный, высокій, веселаго характера и не кстати болтливъ. Онъ взялъ меня на свои руки и былъ строже, нежели мой Ѳедоръ Степановичъ. Объявилъ папинькѣ, что можетъ учить Логикѣ и Риторикѣ, Исторіи, Географіи, Физикѣ и Математикѣ и проч. Учитель просилъ его запастись книгами. Какое же было мое ученье? Мы съ нимъ читали эти книги — т. е. я складывалъ, а онъ смотрѣлъ, такъ ли разбиралъ я; — вотъ что называется учить тому-то, тому-то

и проч. Если М. Виданъ былъ чего масперъ, такъ это прыгать черезъ веревочку. Онъ имѣлъ даръ объяснить мнѣ это искуство, какъ должно, и я постигъ его совершенно. Занятія наши годъ отъ году подвигались впередъ, а съ ними вмѣстѣ и знанія. Я помню, что на 14 году своего возраста, учившись у Ѳедора Степановича и у Мосье Видана, я зналъ довольно хорошо читать по Русски и по Французски; могъ кое-что пробормотать на семъ послѣднемъ языкѣ, прыгалъ черезъ веревочку и — только. О прочихъ наукахъ я не имѣлъ никакого понятія. Онѣ для меня казались такъ трудны, непоняшны, мудрены и безтолковы, что я садился за нихъ всегда съ слезами и оставлялъ весьма скоро. Да и посудите, Читатель, какое веселье учить заглавный листъ, гдѣ, на бѣду мою, выставляется весь титулъ Сочинителя. Это я кой-какъ превозмогъ. Но что же послѣ? Я начиналъ слѣдующій листъ, *оглавленіе*. Здѣсь я и останавливался. Учитель требовалъ, чтобы я зналъ все это — а каково знать это? выучить всѣ строки оглавленія книги въ послѣдовательномъ порядкѣ и упом-

нить страницы, на коихъ объ этомъ трактуется. — Какъ я ни бился, а больше трехъ строкъ не могъ выучить. Я ужъ выдумывалъ говорить учителю, что это ненужно. «Нѣтъ, говорилъ М. Виданъ, если бы это было ненужно учить, тогда бы и не помѣстили этого въ книгѣ. О бѣдный Виданъ! Учитель мой получалъ 900 рублей и жилъ 3 года. Папинька имъ былъ доволенъ, а маминька весьма недовольна. Онъ разсказывалъ папинькѣ множество военныхъ анекдотовъ, хвалилъ папиньку, льстилъ ему и весьма уважалъ санъ его, такъ что, садился по повелѣнію, говорилъ, когда съ нимъ заговорятъ, и говорилъ часъ, и болѣе, не устава. Онъ разсказывалъ часто о кофейныхъ въ Парижѣ, о роскошной своей жизни, о прелестяхъ Франціи, — о своемъ богатомъ состояніи и, бѣдненькой, всегда старался выставлять себя съ состояніемъ, которое будто бы оставилъ во Франціи, пришедъ за онымъ въ Россію. Онъ былъ, какъ и всѣ Французы, легковѣренъ, легкомысленъ, болтунъ, лгунъ, гордъ, дерзокъ, любезенъ, милъ, дуренъ, хорошъ. — Эта смѣсь неосновательности съ малымъ зна-

ніемъ прекраснаго обращенія съ излишнею вольностію и непріятностію, и, какъ я думаю, онъ долженъ былъ быть или чей-нибудь камердинеръ, или конторщикъ. Онъ не нравился маминькѣ потому, что не зналъ Русской грамоты, не писалъ счетовъ и все прожектировалъ папинькѣ такіе планы, кои приносили издержки, лишая прибыли. М. Виданъ дѣлалъ мнѣ прекрасные круглые змѣи, и досаждалъ маминькѣ, когда шнурки для пусканія оныхъ были дѣланы изъ пряжи, полученной съ крестьянскихъ дѣвокъ и на вощены церковною восковою свѣчкою. Тѣмъ-ли, семъ-ли, но онъ былъ неспособенъ для маминьки и слѣдовательно этого было довольно, чтобы спровадить его изъ дома честно и чинно. Однажды, сумерьками, отецъ мой лежалъ на постелѣ и съ спокойнымъ расположеніемъ духа говорилъ со входящими, желая, чтобы всѣ участвовали въ его радости, необыкновенно былъ нѣженъ къ своей супругѣ, — какая же была тому причина? Вотъ она. Онъ имѣлъ спорное дѣло объ землѣ въ 1764 года, съ Веригинымъ. Это дѣло приходило къ концу и Совѣтникъ, бывшій у моего роди-

теля, увѣрилъ его въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Вотъ причина хлопотъ моего родителя, вотъ причина его теперешней радости. Маминька только ожидала сего времяни. Она сѣла на диванъ и, поцѣловавъ руку папиньки, посмотрѣла ему въ глаза и потомъ опять поцѣловала его въ плечо и щеку. Она начала говорить о его благодѣяніи и попечительности о состояніи крестьянъ, о его большомъ состояніи, объ участи моей и о блаженной старости, которою они льстились наслаждаться, возрастивъ меня, и, по теченію рѣчи, довели разговоръ и до Француза. Скажи мнѣ, Иванъ Ивановичь, зачѣмъ ты держишь этого Француза? Онъ совсѣмъ намъ не нуженъ.

Отецъ. Какъ не нуженъ! онъ учитъ Сашу по Французски. А въ губерніи всѣ дворяне говорятъ по Французски.

Мать. Да помилуй скажи, развѣ ты милліонщикъ? шутка ли платить 900 рублей и за что? за то, что по Французски учитъ? Повѣрь, сударь, что управлять имѣніемъ-то онъ и по Русски можетъ, а въ губерніи-то, когда ему жить удастся, вѣдь не пиры же задавать;

иначе онъ все имѣнье протранжиритъ; а поѣдешъ въ губернію только на выборы, а выборы вѣрно ужъ не на Французскомъ?

Отецъ. Это такъ, Катя; да вѣдь ему надобно же въ свѣтъ-то показаться; или бирюкомъ сидѣть въ своей деревнѣ, да тюже и объ партіи надобно подумать, не на своей же дѣвкѣ жениться.

Мать. Послушай, Иванъ Ивановичь, тебѣ угодно было напомянуть мнѣ о моемъ состояніи (тутъ она поцѣловала его), но если позволишь спросить тебя, чѣмъ я хуже другой какой женщины? какъ могъ ты—такой знатокъ женщинъ, ошибиться въ своемъ выборѣ, взявъ меня... Скажи, развѣ я не люблю тебя? Развѣ я не вѣрна тебѣ? Развѣ я забываю прежнее состояніе мое?... Зачѣмъ же ты захотѣлъ оскорбить меня твоимъ пренебреженіемъ—ту, которая предана тебѣ всемъ сердцемъ... Кончимъ объ этомъ; я увѣрена, что ты сказалъ безъ умыслу. Да и зачѣмъ ученье Сашѣ? Унего есть имѣнье, а съ имѣньемъ и неученый вѣкъ проживетъ.

Отецъ. Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

Мать. О батюшька, Гаврило Тимофѣе-

вичь, ужь можно сказать уменъ; да разуму много, а денегъ нѣтъ.

Отецъ. Другъ мой, Катя, ты свѣту не знаешь. Былъ вѣкъ, что въ обществѣ безъ пошлинъ всякой ври; а нынѣ сядь за столъ и дѣлай de l'esprit. Слѣдовательно Французъ-то и долженъ быть при сынѣ... имѣнья у него довольно, потомъ выучится болтать по Французски, запишется въ полкъ... женится...

Мать. Да... Да... Это все такъ; только Француза-то не должно... а женить, женить его пораньше, а то молодая кровь... О, я это испытала... женить на скромной дѣвицѣ...

Отецъ. Ну полно о женитьбѣ. Да скажи, что сдѣлалъ тебѣ Французъ?

Мать. Вотъ выслушай: онъ мнѣ не нравится первое, потому, что онъ Французъ, второе, что онъ иностранецъ третіе, не знаетъ писать по Русски и четвертое... О, это вина большая... Послушай, ты помнишь, какъ у насъ на дому была всенощная, помнишь—вечеромъ на Знаменье... тогда еще Гг. пріѣзжали, какъ громъ большой грѣмѣлъ... помнишь? вѣдь Французъ-то иновѣрецъ, онъ расколь-

никъ—Лютеръ. Дьяконъ служилъ, мы всѣ молились и Французъ молился... Дьяконъ проговорилъ: «о здравіи и спасеніи честныхъ обитателей дома сего Господу помолимся! Дьячьки запѣли, мы всѣ поклонились; а онъстоитъ и не крестится.—Это явный признакъ недоброжелательства.

Отецъ. Помилуй, Катя, да онъ не понимаетъ.

Мать. А прежде развѣ понималъ, что онъ молился. Нѣтъ, онъ обманываетъ тебя, разсыпаясь мелкимъ бѣсомъ, онъ только и мѣтитъ себѣ въ карманъ. Да я не могу видѣть его, онъ мнѣ опротивѣлъ, сошли его, сдѣлай милость, онъ такой неопрятной.....

Отецъ. Вотъ это уже напрасно. Можетъ быть, что онъ обманщикъ; таковы всѣ иностранцы, всѣ они, какъ вѣтеръ, не думаютъ, а летаютъ; я самъ не люблю иностранцевъ и Видана меня уговорилъ взять Гавріилъ Тимофѣевичъ; а что онъ опрятенъ, онъ очень чисто ходитъ.

Мать. Платье-то у него чисто, да потливъ; онъ голову не маслитъ, волосы длинны, сапоги узки — ужь слишкомъ модны!

Отецъ. Катя! Катя! ты уже много наговорила. Ну, что онъ немного не радѣетъ о себѣ, то правда, однако опрятенъ и говоритъ бѣгло, посвѣтски.

Мать. Да я прошу тебя, сгони, сгони его... Я не могу смотрѣть на него.

Отецъ. Да что же онъ тебѣ сдѣлалъ? Онъ занимается съ Сашей... а мнѣ этого довольно, пріятно.

Мать. Да только прошу одного: сгони его.

Отецъ. Да какъ же безъ причины? Онъ малый хорошаго поведенія.

Мать. Не ужели и этого для меня не сдѣлаешь? (Она поцѣловала его въ плечо.) Онъ мнѣ не нравится.

Отецъ. (Развеселившись.) Да чѣмъ же?

Мать. Ты этого хочешь: онъ за мной ухаживаетъ, волоч. . . .

Отецъ. О, это уже слишкомъ много. Какая нибудь тварь Нѣмецкая, взятая дядькою къ моему сыну — лакей, а не дворянинъ. . . Духу его не будетъ!

Отецъ принялъ суровый видъ. Просьбы матери моей вотще не остались.

Г. Виданъ нежданно, негаданно получилъ отставку и въ порочность службы

его поставили вину ему несовмѣстную —неучтивость. Ужь Французъ неучтивъ! О отцы, о мужья! О бѣдные дядьки! Часто, очень часто случается такъ съ вами! Каждый кругъ имѣетъ свои причины; мать моя выдумала, что Виданъ за нею ухаживаетъ, а другая сказала бы иначе, и все бы это кончилось тѣмъ, что Видана ужь если бы не взлюбили, то съ рукъ бы сбыли.

Лишившись учителя, мнѣ была воля и раздолье. Куда хотѣлъ—шелъ, съ кѣмъ, въ чемъ, какъ — все въ моей власти! Отецъ мой радовался моимъ дарованіямъ и восхищался моею ловкостію. Но скоро прекратилась жизнь моя деревенская. Папинька побывалъ у сосѣда и привезъ вѣсть не радостную для моей матери, что онъ отдаетъ меня въ губернскую Гимназію, что я буду жить у Директора... и что все мое содержаніе будетъ стоить 750 рублей; т. е. говорилъ папинька, 350 за квартиру и столъ, 250 рублей за ученье Директору, 50 на книги, да 50 на подарки Учителямъ, да 50 на платье. Горестно было моей матери разстаться со мною. Она плакала, какъ будто уже меня болѣе не увидитъ.

ГЛАВА IV.

Пріѣздъ Сибирякова въ губернскій городъ. Директоръ Гимназіи. Сибиряковъ поступаетъ къ нему на воспитаніе. Методъ ученія Гимназическихъ педагоговъ. Образованность Директора.

„Золото не въ золото,
„Не побывъ подъ молотомъ."

Я пріѣхалъ въ губернскій городъ съ папинькой, на другой же день отправились къ Директору. Онъ занималъ довольно хорошую квартиру, на лучшей улицѣ и на красивомъ мѣстѣ. Мы вошли въ домъ, комнаты были довольно чисты; въ передней мы не нашли никого и только звонъ колокольчика, прибитаго къ переднимъ дверямъ, вызвалъ къ намъ человѣка, который и доложилъ своему барину. Черезъ нѣсколько минутъ явилась къ намъ маленькая, нескладная фигурка въ синемъ суконномъ сюртукѣ съ воротничками à l'enfant. Рыжіе волосы его, вылѣзшіе по болѣзни, были кудрявые, лице, сморщив-

шееся отъ лѣтъ, рисовалось жилками, глаза были бѣло-гулубые, рѣсницы сѣрыя, носъ малый, голова большая. Папинька отрекомендовался и Директоръ дружески обнялъ его, а потомъ привѣтствовалъ и меня пожатіемъ руки. Они долго говорили о моемъ содержаніи, ученіи, наконецъ покончили — и я остался у Директора.

Папинька далъ мнѣ наставленія, приказывалъ не лѣниться, но быть прилѣжнымъ къ ученью, прибавивъ поговорку: кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ; гдѣ работно, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ домѣ пусто. Помни, Саша, сказалъ онъ, трудъ при ученьи скученъ, да плодъ отъ ученья вкусенъ, и не унывай. Онъ уѣхалъ. Какъ грустно было мнѣ, когда, сидя въ отдѣльной комнатѣ, я вспоминалъ прошедшее. Живо представлялись мнѣ и прелести деревни, и вольность и ласки моей матери. Я видѣлъ это въ картинѣ будущаго, и мысль — что я возвращусь на свою родину, выросту, возмужаю — эта мысль меня утѣшала. Я приготовлялся къ экзамену: по Латинѣ, Россійской Грамматикѣ училъ меня учитель Семинаріи; прочему самъ

Директоръ. Что переносилъ я? Ужъ истинно: пойти въ науку, терпѣть и муку: учитель Граммашики заспавлялъ меня учить все слово въ слово и, уходя по окончаніи класса, подтверждалъ сими словами: на зубъ все знать къ завтрему! что училъ—я не могъ понять никакимъ образомъ. Слова: Орѳографія, Синтаксисъ, Просодія, гласная, существительное и проч. и проч. такъ были мудрены для меня, что я повторялъ разъ сто одно слово, пріучаясь не помнить, но только правильно говорить оное. Сколько трудовъ мнѣ стоило это ученье? Учитель былъ строгъ и, бравши десять рублей въ мѣсяцъ, заработывалъ жалованье истинно радиво. Латинская грамота была для меня еще труднѣе, особенно склоненія и спряженія. Къ тому же мой учитель слишкомъ входилъ въ подробности. На примѣръ: я помню, когда онъ меня заспавилъ склонять слово *Deus*; я началъ и сказалъ, что родительный Deae. Учитель спрашиваетъ: откуда Римляне взяли слово *Deus*? Это онъ спросилъ меня! Директоръ, по случаю бывшій тутъ, сказалъ, что это не можетъ знать тотъ,

кто не давно только началъ учиться по Латинѣ. Да это необходимо, отвѣчалъ мой учитель; кто хочетъ знать языкъ, тотъ долженъ сперва знать его начало, сродство, корни и вѣтви. И это былъ учитель! какъ много дѣйствуетъ такой образъ ученья на душевныя способности! Я помню, очень помню, что, долбя Русскую и Латинскую Грамматики, не понимая что учу, я былъ попугаемъ и зналъ такъ, что, начиная съ перваго листа книги, прочитывалъ не переводя духа до четырехъ страницъ такъ скоро, какъ понамарь, и также разборчиво, и понималъ столько же. Директоръ училъ меня Математикѣ и описательнымъ наукамъ. Позвольте, Читатель, познакомить васъ покороче съ моимъ учителемъ—хозяиномъ. Онъ прежде жилъ въ Сибири и былъ тамъ также Директоромъ. Холоденъ какъ ледъ, однообразенъ какъ зимняя Сибирская природа, выученъ по школѣ: «слово въ слово,» одаренный способностію неимовѣрно затемнять слова свои поговоркою: понимаете ли, нѣтъ ли? безпрестанно сердитый, взыскательный, — онъ былъ впрочемъ по толковѣе учителя,—

однако я не могъ понять его опредѣленія дроби: »что дробь есть часть цѣлаго.« Что за цѣлое? что за дробь? а Географіи и Исторіи мы учились.... Ахъ! какъ это нестерпимо. Онъ заспавлялъ меня учить всѣ имена, чины и званія встрѣчавшихъ Посланника Русскаго, (отъ Іоанна IV) при Елизаветѣ туда отправленнаго. Надобно замѣтить, что я учился по Всем. Истор. издан. Главнымъ Правленіемъ училищъ, гдѣ собственныя имена такъ часты, что едва ли не составляютъ треть книги. Какъ трудно было запомнить: между какимъ градусомъ лежитъ такой-то городъ, сколько жителей съ десятками и единицами, сколько убито и сколько было на лицо воиновъ, въ которомъ году.... Словомъ: я училъ все сплошь, что ни попадалось въ книгѣ, развѣ только оставляя страничное число. Годъ учился я, а знаній моихъ не прибывало.

ГЛАВА V.

Сибиряковъ по экзамену поступаетъ въ классы Гимназіи. Забавы учениковъ. Экзамены. Отличіе Сибирякова предъ другими въ наградахъ. Заговоръ противъ Директора. Перемѣщеніе Сибирякова къ Латинскому учителю.

Наконецъ по экзамену я принятъ былъ въ Гимназію. Быть всегда посреди множества себѣ равныхъ мальчиковъ, для меня было уже не ново; но быть съ ними во всемъ равнымъ—это оскорбляло мое самолюбіе. Какъ бы то ни было, я, живя у Директора, имѣлъ болѣе вѣсу предъ другими учениками; классы продолжались у насъ шесть часовъ каждодневно: четыре до обѣда и два послѣ обѣда. Мы всегда сбирались раньше опредѣленнаго времени; сбирались не для того чтобы общими силами рѣшить какое нибудь темное мѣсто въ урокахъ, для насъ тогда все было свѣтло и ясно; не для того чтобы поговорить о чемъ нибудь,—мы это могли дѣлать и въ классѣ;

нѣтъ, мы приходили ранѣе для того, чтобы стѣна на стѣну, первый классъ противъ втораго, попробовать свои силы и такимъ образомъ возстановить въ новѣйшей Гимназіи древнюю Гимнастику. Помню я: какъ мы размахивали своими ученками, какъ кидались съ яростію львенка на своихъ противниковъ. Ученики третьяго и четвертаго класса приходили, чтобы поджигать насъ и ловкаго Атлета награждали рукоплесканіемъ. Бой переставалъ, какъ скоро приходилъ дежурный учитель, и начиналось предварительно чтеніе Евангелія. Эту должность отправлялъ обыкновенно тотъ изъ учениковъ, который зналъ хорошо церковную печать и имѣлъ ясное произношеніе. По окончаніи чтенія всѣ расходились по своимъ классамъ и начинали заниматься. Въ первомъ классѣ, сколько могу припомнить, я выучился: склонять и частію спрягать по Латинѣ, писать Нѣмецкую азбуку и три главы изъ Катихизиса. Словесность, я помню, что училъ, но что училъ? не помню. Какъ сквозь сонъ бродятъ въ головѣ моей слова: мыслить и мысли свои изъяснять словомъ, суть два небес-

ные дара.ѧ Болѣе ничего не помню. Эта словесность болѣе всего меня мучила. Незнакомыя, неслыханныя и непонятныя слова, въ оной встрѣчавшіяся, такъ трудно было выучивать, что, только благодаря благосклонности спрашивавшаго меня ученика, я зналъ всегда уроки. Что же касается до Французскаго языка, то я, получа еще дома достаточныя для Гимназіи свѣденія, почитался первымъ *знатокомъ* во всей Гимназіи. Но худо, худо вперять это молодому мальчику: я, возмечтавъ, что и въ самомъ дѣлѣ много знаю, оставилъ его совершенно. Въ зимнее время учиться гораздо лучше; хоть мало слушали—(да и что слушать?), по крайней мѣрѣ сидишь на мѣстѣ; а лѣтомъ уйдешь изъ классу, играешь на дворѣ въ свайку, или орлянку, или наконецъ въ ножичекъ — и горя мало, что въ классѣ ждутъ; тамъ все одно отвѣчаютъ: *вышелъ-съ*. Пришли экзамены полугодичные. Какъ бьется сердце ученика передъ Р. Х. не потому, что наступаетъ время экзамена, нѣтъ, это время и большимъ не такъ-то пріятно, сердце бьется отъ радости увидѣть родителей и кончить

учиться. Экзамены продолжаются дни два или три, и здѣсь только и слышно: что тебѣ сказалъ? прекрасно. А тебѣ? мнѣ хорошо. Ну, да вѣдь онъ съ твоимъ отцемъ друженъ; помнишь вотъ въ четвергъ у васъ почти всѣ учители были, у васъ вечеръ былъ... то-то онъ и въ тетрадкѣ тебѣ пишетъ прекрасно—хоть знаешь, хоть не знаешь урока... Вдругъ громко произнесли мою фамилію и я вышелъ на средину; въ это время спрашивали законъ Божій и мнѣ былъ предложенъ вопросъ: отъ чего происходитъ слово: Катихизисъ?—Я, не оробѣвъ, отвѣчалъ: «Катихизисъ есть сокращенное ученіе, какъ познавать Бога и поступать по его заповѣдямъ.» Директоръ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: какой бойкой и остpый мальчикъ! Да, отвѣчалъ Законоучитель, я имъ очень доволенъ, онъ всегда хорошо отвѣчаетъ. Потомъ спросилъ меня: какая въ Россіи вѣра? нынѣ, отвѣчалъ я очень скоро, въ Россіи двѣ эры, Христіанская и Магометанская; первая ведетъ свое начало отъ Р. Х., а вторая отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину. Я спрашиваю васъ не объ эрѣ, но

о вѣрѣ, сказалъ учитель Исторіи, скажите-же? Другаго спросите, прервалъ Директоръ, этотъ знаетъ очень хорошо, и потомъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ: садитесь, очень хорошо, прекрасно. — Послѣ сего вызвали другаго и на вопросъ: какая вѣра въ Россіи, онъ отвѣчалъ: «Христіанская.» Да какая Христіанская, возразилъ учитель, Восточная или Западная, Греческая или Каѳолическая? Нѣтъ, ужъ видно, что онъ не занимается, сказалъ Директоръ, очень худо, садитесь.— Такъ бывалъ экзаменъ, и я, живя у Директора, всегда былъ лучше тѣхъ, которые были не въ состояніи жить у учителей или давать имъ вечеринки; хотя знали и лучше меня, но всегда отпускались съ сими словами: дурно, садитесь. По окончаніи экзаменовъ всѣ отправляются домой. Какая радость! Послѣ полугода увидѣться съ родителями! Прочь всѣ, прочь всѣ занятія! Лошади поданы, и скоро и быстро поѣдешь въ деревню. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь, тѣмъ предметы становятся знакомѣе. Вотъ лѣсъ, въ которомъ иногда я игралъ въ лошадки; вотъ мостикъ, чрезъ которой я переходилъ такъ

часто; вотъ рѣка и то мѣсто, гдѣ я по нѣскольку разъ каждый день купался. При видѣ на все сіе невольно вспомнишь тѣ блаженныя времена цвѣтущей юности, когда подъ отеческимъ кровомъ я безпечно рѣзвился. Радость родителей была равна сыновней; дни не шли, а летѣли. Приходитъ время отъѣзда и я, пробывъ дома мѣсяцъ или мѣнѣе, отправлялся въ Гимназію, но не съ тѣмъ видомъ, не съ тою охотою съ какимъ ѣхалъ изъ Гимназіи. Такъ бывало каждый годъ. Успѣхи мои, за деньги, платимыя за меня Директору, вознаграждались вполнѣ, я переходилъ изъ класса въ классъ съ похвальными листами и книгами. Я жилъ три года и курсъ мой шѣлъ порядкомъ. Надобно знать, что Директоръ не былъ любимъ учителями, какъ за суровость и угрюмость его нрава, такъ и за необыкновенною акуратность и строгость. Ни одинъ учитель не смѣлъ пропустить своего класса — по болѣзни ли или по лѣности; Директоръ все писалъ въ дежурную тетрадь. Таковые поступки его заставили четырехъ старшихъ учителей составить противъ него заговоръ. Пер-

вымъ слѣдствіемъ сего союза было то, что я перешелъ жить отъ Директора къ старшему учителю Латинскаго языка. Это произошло въ то время, когда уже я, награжденный первымъ большимъ похвальнымъ листомъ за прилѣжные успѣхи и отлично-благонравное поведеніе, былъ переведенъ въ четвертый классъ. Тогда благосклонность Директора прекратилась. Въ то же время со мною случилась и другая весьма важная перемѣна.

ГЛАВА VI.

Любовь.

Пансіонъ для воспитанія дѣвицъ Г-жи Ломберъ. Очаровательная воспитанница Анета, въ которую влюбляется Сибиряковъ.

„О вы, которыя разливали столько пре-
„лестей и горя на жизнь мою! Вы, для
„которыхъ только, казалось, дышалъ я,
„и безъ которыхъ я бы отвергнулъ свое
„существованіе, — источникъ моихъ за-
„блужденій и моихъ добродѣтелей! Вамъ
„столь часто посвящалъ я мое сосгояніе,
„мой покой, мое честное имя и, къ вели-
„чайшему несчастію, мои обязанности!...
„Прелестныя женщины, обманчивыя жен-
„щины!... Предметы милые и опасные,
„буду ли я въ состояніи описать васъ
„такими, каковы вы подлинно? возмогу ли
„я говорить о васъ истинну, будучи такъ
„часто вами обманываемъ? Это дорого

«будетъ стоить моему сердцу, но я «жертвую онымъ истинѣ.«

Вейсѣ.

Читателю извѣстно уже, что отецъ мой имѣлъ брата Дмитрія Ивановича. У него была дочь Юлія, которую онъ по совѣту своихъ знакомыхъ, отдалъ въ губернскій Пансіонъ. Въ этомъ Пансіонѣ былъ мнѣ очень коротко знакомъ сынъ содержательницы — большой повѣса, Эдуардъ Ломберъ. Я съ нимъ былъ знакомъ, но не зналъ его матери и не имѣлъ доступу въ комнаты собственно Пансіона; когда же моя кузина Юлія вступила къ Мадамъ Ломберъ, мнѣ открылся случай видѣть прелестныхъ и быть тамъ чаще. Я ходилъ къ кузинѣ и ходилъ очень часто. Что же тому была за причина? слѣдующая. Г-жа Ломберъ содержала Пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. Барышни были милыя, миленькія, хорошенькія, и прехорошенькія, рѣзвы какъ Граціи, красивы какъ прелесть. Общество Дамъ молодыхъ прекрасно; но кругъ барышенъ несравненно лучше. Какъ мила самая осторожность, которую наблюдаешь въ при-

сутствіи молодыхъ дѣвицъ! какъ много дѣйствуетъ на нравъ общество женщинъ! Оно не дѣлаетъ мущину, какъ говорятъ, женообразнымъ; нѣтъ, смягчая характеръ, дамское общество заставляетъ человѣка смотрѣть на все другими глазами—глазами чувства и соучастія. Общество дамъ есть лучшая школа учтивости, удовольствій и чувства. Пансіонъ Г-жи Ломберъ былъ усаженъ прекрасными цвѣтами, ихъ было много, какъ звѣздъ на лазурномъ небѣ.

> Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
> Луна въ воздушной синевѣ.

Какъ роза въ полномъ блескѣ красоты своей превосходитъ все вокругъ нее растущее: такъ отличалась отъ прочихъ милая, кроткая Анета. Какъ радость, всегда ясное лице ея невольно влекло взоры всякаго; какъ истина, откровенная ея наружность уничтожала всѣ замыслы хитрой молодежи. Русые волосы, заплетенные въ локоны, лежали на челѣ ея; томные черные глаза съ какою-то неизъяснимою прелестію вливались во взоры всякаго; ея взглядъ — слово, ея

движенье, — мысль. Прелестный станъ, благородная вольность въ обращеніи, красота, образованіе — все сіе до того очаровывало меня, что я видѣлъ въ Анетѣ, что-то сверхъестественное — идеалъ. Вотъ былъ предметъ моего частаго посѣщенія.

ГЛАВА VII.

Открытіе.

Любовь начинается съ глазъ.

Безмолвное объясненіе въ любви. Сибиряковъ оставляетъ занятія въ Гимназіи и ежедневно посѣщаетъ пансіонъ. Танцы.

„Я не хочу, я не хочу,
„Я не хочу.... а вы влечете...“

Ѳ. Глинка.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Анета дѣлалась для меня любезнѣе. И наяву Анета мнѣ, и во снѣ Анета. Я забывалъ, что я еще школьникъ, совершенно зависимый отъ родителей и начальниковъ; но любовь безумна: я носился въ мірѣ счастливѣйшемъ, я забывалъ свое состояніе, идеалъ мой—Анета, какъ солнце, разгоняло весь туманъ моей зависимости; какъ надежда, она мнѣ льстила въ будущемъ и я мучился въ настоящемъ, думая о грядущемъ. Я чувствовалъ къ Анетѣ какое-то милое ощущеніе до того мнѣ

неизвѣстное. Она влекла меня невольно. Я любилъ ее, но любилъ не такъ, какъ другихъ: въ матери я любилъ виновницу моего существованія; въ Анетѣ виновницу моего счастія. Анета была прелестна, мила, какъ Ангелъ. Любовь моя была чистая. Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ стало извѣстно это небесное чувство, я узналъ его и въ другомъ видѣ: но любовь, происходящая отъ кипенія, такъ сказать, темперамента была мною презираема. Это чувство должно быть основано на внутреннемъ влеченіи, взаимной довѣренности, одинаковыхъ наклонностяхъ; это не страсть, нѣтъ—любовь, добродѣтель даже...

Si l'amour est un crime, quelles sont donc les vertûs? Моя привязанность возрасла до высочайшей степени. Она не убавлялась, а умножалась, вопреки философамъ, со временемъ. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что Анета также ко мнѣ не равнодушна. Да и какъ могъ я любить Анету, не будучи увѣренъ въ ея соотвѣтственности? нѣтъ; я зналъ, что она меня любитъ, зналъ въ лучшемъ моего состояніи, иначе было бы отчаяніе, но я не чувствовалъ онаго.

Однажды, это было лѣтомъ, я намѣренъ былъ идти въ Пансіонъ. Гимназія, много благодаря безпечности учителя-надзирателя, была оставлена или почти забыта. Я долго не думалъ. Сбираюсь и иду. Вошедши въ комнаты, я узналъ, что барышни изволили выдти въ садъ. Это было для меня — какъ не льзя лучше. Я иду туда. Милые голосочки раздавались по обширному саду. Вотъ мелькаетъ бѣлое платьице, вонъ, сквозь кустарникъ, мелькаетъ что-то розовое. — Я направилъ путь свой по густой алеѣ, находящейся на концѣ сада. Я шелъ и думалъ объ милой Анетѣ. Голоски раздавались, я былъ задумчивъ. — Вдругъ шумъ, происшедшій возлѣ, вывелъ меня изъ меланхоліи, я оглянулся и что же? Прекрасная Анета стояла предо мною. Такой неожиданный случай привелъ обоихъ насъ въ смущеніе. Мы стояли и молчали; посмотрѣли другъ на друга, взоры наши встрѣтились и, кажется, сказали все, что ни было на сердцѣ. Ничего не промолвивъ, мы разстались. Сердце мое билось сильнѣе и радостнѣе. Съ того

времени Анета одна меня занимала. Занятія мои въ Гимназіи совершенно кончились. Съ того самаго времени я сталъ болѣе и болѣе замѣчать вниманіе ко мнѣ Анеты — что еще болѣе меня къ ней привязывало. Ни одного дня не проходило, въ которой бы я не былъ въ Пансіонѣ. Приду, устрою танцы и начинаю веселья. Танцы, танцы! прекрасное занятіе! Можетъ ли быть для влюбленныхъ лучше времени вальса и кашильона. Разъ, два, три; разъ, два, три... а милый ротикъ пролепеталъ словечко... оно дошло до слуха товарища и изчезло для зрителей въ быстрыхъ кругахъ танцующихъ. Какъ хороша мазурка, когда пожмешь нѣжную ручку своей дамы, и какъ очаровательно кинетъ она на тебя свои томные взоры, полные огня! ... Здѣсь забывался я... и лишь окончаніе фигуръ скажетъ вамъ: »довольно; вы передъ глазами!«—Весь годъ прошелъ въ однихъ вздохахъ, желаніяхъ и свиданіяхъ. Ни Логика, ни Риторика, ни Исторія, никто изъ умозрительныхъ и описательныхъ моихъ знакомыхъ ни одного раза не видалъ меня.

ГЛАВА VIII.

Приготовленія Гимназическихъ экзаменовъ. Сибиряковъ задариваетъ своихъ наставниковъ. Экзаменъ. Ораторство Сибирякова. Оскорбленное честолюбіе учениковъ. Награда. Разговоръ съ Анетою.

Присмотръ за мной былъ плохъ, знанія мои частію потерялись, частію забылись и разсѣялись въ быстрыхъ кругахъ вальса и патетическихъ по мазуркѣ. Пришли экзамены. Что дѣлать? Семнадцатой годъ, а я еще все въ Гимназіи!... Мнѣ казалось, что въ семнадцать лѣтъ въ Гимназіи не учатся. Не занимаясь цѣлый годъ, могъ ли я надѣяться на выпускъ? Но нужда на выдумки богата; я написалъ къ отцу, что передъ выпускомъ обыкновенно должно развезши подарки учителямъ, какъ всѣ дѣлаютъ, иначе, прибавилъ я, мой выпускъ сомнителенъ. На первой же почтѣ отецъ мой шлетъ мнѣ денегъ.

Я распорядился и накупилъ девять головъ сахару. Директору отвезъ двѣ, старшимъ учителямъ по одной, выключая Математика, которому къ головѣ сахара придалъ штофъ Французской водки. — Послѣ такихъ успѣховъ, я непремѣнно полагалъ что выду. Начались частныя испытанія, и, не смотря на то, что я отвѣчалъ скоро и вздорно, мнѣ никто изъ учителей — ни даже Директоръ не говорилъ: дурно,—садитесь. Двѣ головы сахара удерживали его мщеніе. Мнѣ поручено было писать рѣчь о любви къ отечеству, которую я долженъ былъ произнести съ каѳедры. — Новая пища для моего самолюбія — говорить съ каѳедры рѣчь, когда какъ слушаетъ многочисленное собраніе! Назначили предметы, которые будутъ спрашивать, роздали намъ вопросы и опредѣлили день акта. Наканунѣ я сходилъ въ Пансіонъ, роздалъ шамъ всѣ билеты приглашенія, которые мнѣ поручены были для разсылки, и радовался заранѣе, какъ ангелъ мой, Анета, будетъ на меня любоваться, когда я, войдя на каѳедру, провозглашу ораторски рѣчь о любви къ отечеству.

Насталъ день акта. Въ пять часовъ по полудни приказано было сбираться. Одѣвшись, какъ можно лучше, и раздушившись, пошелъ я въ залу собранія. Всѣ ученики и учители уже собрались. Тебя ждутъ, тебя ждутъ, сказали мнѣ ученики, и я, подошедъ къ Директору, спросилъ его, что вамъ угодно?

Директоръ. Не льзя ли ходить-то по проще. Что это? ноги всегда выворочены; вѣдь вы не танцуете; ученый ходи, какъ ученый, прямо и не ломайся.

Я. Я и хожу точно такъ, какъ меня учили.

Директоръ. Молчите, сударь; понимаете ли, нѣтъ ли, извольте читать рѣчь вашу.

Я взошелъ на кафедру и, поклонившись, лишь только началъ: *Любовь къ отечеству, Пп. Пп.* — какъ Директоръ закричалъ: »ниже кланяйтесь; вотъ тутъ-то не умѣете; понимаете ли, нѣтъ ли, а прыгать такъ ваше дѣло.«

Я не прекословилъ, исполнялъ точно такъ, какъ угодно было Директору. Публика съѣзжалась и уже наѣхало много. Учитель рисовальнаго искуства,

высокой какъ Коломенская верста, стоялъ на парадномъ крыльцѣ и ожидалъ встрѣтить Губернатора. Вотъ послышался колокольчикъ и Директоръ тихимъ бѣгомъ спѣшилъ внизъ, махнувъ рукою музыкантамъ. — Всѣ встали. По лѣстницѣ былъ слышенъ шумъ, и вышелъ Директоръ съ торжественною важностію, какъ хозяинъ, ожидая высокаго посѣтителя. Вниманіе всѣхъ обратилось къ дверямъ. Показался Губернаторъ и оркестръ грянулъ (кажется, *какъ у нашихъ у воротъ*). Всѣ засуетились, всѣ встали. —

Съ раболѣпіемъ шествовало все ученое сословіе за начальникомъ города. Онъ шелъве личаво, милостиво и учтиво кланялся на всѣ стороны и наконецъ занялъ первое мѣсто.

Актъ начался рѣчью Сп. Учин. Истор. о важности и пользѣ Статистики. Рѣчь была плоха и убаюкала слушателей. Послѣ сего читаны были упражненія учениковъ въ стихахъ и прозѣ. По окончаніи каждаго чтенія играли музыканты. Очередь дошла до меня. Съ важностію возшелъ я на кафедру и лишь только

произнесъ первыя слова моего сочиненія: *Любовь къ отечеству, Почтеннѣйшіе Посѣтители...* какъ Директоръ закричалъ: кланяйтесь, кланяйтесь... Это смутило оратора; я продолжалъ не ловко, не складно и отрывистымъ голосомъ. Въ продолженіи моего чтенія, при встрѣтившихся словахъ *Пп. Пп.!* я окинулъ глазами собраніе, увидѣлъ милое личико несравненной Анеты. Пристально она на меня смотрѣла и я, возвыся голосъ и какъ бы ободрившись ея вниманіемъ, продолжалъ свое чтеніе лучше прежняго. Окончилъ, шумъ раздался и музыка съ хоромъ пѣвчихъ начала играть концертъ. Тутъ стали разносить лимонадъ и морожёное, и во время угощенія (хитрость тонкая!) происходили приготовленные экзамены изъ закона Божія, Математики, Исторіи, Словесности и проч. Экзаменъ подходилъ къ концу и раздавались награжденія. Тому-то большой похвальный листъ, тому малый, третьему книга, четвертому рисунокъ, иному краски, инструменты и проч. Но что же послѣ? — «Да, говорилъ плакавшій ученикъ другому, развѣ

я хуже тебя знаю; помнишь, при Визитаторѣ-то какъ я отвѣчалъ; а мнѣ дали малый.» «Послушай, говорилъ другой, ты взялъ мой листъ, вотъ твой; тебѣ малый; тебѣ за хорошіе.» «Нѣтъ, говорилъ третій, этому не бывать. Приду, покажу листъ дома и изорву; ч.... возьми! Учись, учись — и вотъ тебѣ награда! за хорошее поведеніе даютъ большой... О этотъ рыжій неутонъ! (такъ звали Директора) ужъ онъ у меня разкается, только встрѣтишь его гдѣ нибудь въ проулкѣ!» — Но вотъ одинъ ученикъ подноситъ листъ свой своимъ родителямъ. Какъ радъ онъ, что имѣетъ свидѣтельство о своемъ прилѣжаніи. Награда ему — поцѣлуй и посмотрите, какъ онъ доволенъ собою!... Что же касается до меня, я уже охладѣлъ къ такимъ наградамъ. Получивши первый листъ, я его тотчасъ отдалъ человѣку, чтобы онъ отнесъ его домой и, подошедши къ Анетѣ, спросилъ ее: скоро ли она будетъ завиваться? Я получилъ листъ для ея папильотокъ. Ангелъ мой улыбнулся—и вотъ мнѣ награда! Посмотрите же теперь по улицамъ. Повсюду

видны Гимназисты. Иной идетъ и, развернувъ листъ свой, съ гордостію посматриваетъ на проходящихъ. Развернуть листъ тоже значитъ, что поправлять ленточку, которую носятъ вмѣсто медали за 1812 годъ, стараясь повязать ее какъ Владимірскую; развернуть листъ тоже значитъ, что не закрыть креста плащемъ во время дождя и даже погоды. Всякій возрастъ имѣетъ свое славолюбіе и свое тщеславіе. И такъ я кончилъ курсъ и на слѣдующій же день получилъ аттестатъ, гдѣ послѣ каждаго наименованія науки блестѣло: *прекрасно, отлично, превосходно,* означенныя рукою того учителя, который въ продолженіи четырехъ лѣтъ преподавалъ мнѣ свой предметъ.

ГЛАВА IX.

Сибиряковъ оканчиваетъ курсъ ученія. Частыя его посѣщенія Пансіона и пріобрѣтеніе въ свѣтѣ имени прекраснаго молодаго человѣка. Письмо къ нему отъ отца. Отвѣтъ на оное.

И такъ я кончилъ курсъ въ Гимназіи восьмнадцати лѣтъ. Тутъ-то вопъ оказалось, что я не ранній изъ молодыхъ, какъ величали меня дома. Я объѣздилъ всѣхъ учителей, отблагодарилъ за ихъ попеченія, и отъ всѣхъ слышалъ желанія мнѣ всякаго счастія и продолженія курса наукъ въ Университетѣ. Я думалъ про себя: дай Богъ кому нибудь, а не мнѣ; Университетъ мой Анета. Я снова сталъ посѣщать Пансіонъ и видѣться съ прелестною. Началъ ѣздить въ собраніе, гдѣ, къ моему счастію, являлась и Анета. Познакомившись со всѣми лучшими домами, и будучи уже не Гимназистомъ, но прекраснымъ молодымъ че-

ловѣкомъ, какъ мнѣ твердили въ глаза—право не прекрасныя вдовушки, а добренькія старушки передъ своими дочьками,—я пустился во все... (возжами правила свобода.) Каждый день или на балѣ, или на вечерѣ—разумѣется, каждый день въ Пансіонѣ; время не шло, а лѣтѣло. Вдругъ получаю письмо отъ папиньки, въ которомъ онъ меня спрашиваетъ, скоро ли кончатся экзамены и когда присылать лошадей? это мнѣ было и пріятно и не пріятно. Уѣхать въ деревню, разстаться съ Анетою, разстаться съ балами—и слѣдовательно съ весельемъ — было для меня не такъ-то желательно, но родители... Я написалъ къ нимъ, что экзамены наши кончились, что я вышелъ и въ удостовѣреніе своихъ успѣховъ посылаю аттестатъ и похвальный листъ; а прислать за мною чтобы не торопились, потому что нѣкоторыя дѣла могутъ и должны задержать меня.

ГЛАВА X.

Внезапный отъѣздъ Анеты. Отчаяніе Сибирякова. Отказъ ему въ квартирѣ. Помѣщеніе его въ гостинницѣ Зага. Неблагопріятныя обстоятельства. Загъ обираетъ Сибирякова. Отъѣздъ его въ отцовскую деревню. Забавный случай у заставы.

Написавши такимъ образомъ къ батюшкѣ и отославъ письмо со вложеніемъ патентовъ, я пошелъ въ Пансіонъ; но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что Анеты не было. Она уѣхала этотъ же самый день по утру. Это меня какъ громъ поразило. Отсрочка лошадей, сдѣланная единственно для Анеты, меня еще болѣе мучила. Что дѣлать? должно повиноваться обстоятельствамъ. Надобно же за одной неудачей видѣть другую. Учитель мой, у котораго я жилъ уже съ мѣсяцъ, не получая впередъ отъ меня денегъ, сталъ отказывать въ квартирѣ. Тогда уже

мои дѣла совершенно разстроились, я былъ безъ Анеты, безъ денегъ, безъ квартиры. Разплатившись съ учителемъ часами, я переѣхалъ жить въ гостиницу Зага; но и тутъ впередъ требовали деньги, какъ перешелъ! Прежде лишь веселился по баламъ съ Анетой, смѣялся надъ прошедшимъ; а теперь?... Я пошелъ къ одному короткому моему знакомому просить денегъ, и на этотъ разъ я былъ счастливъ. Мнѣ дали пятьдесятъ рублей, но не на долгое время. На сколько бы-то ни было, лишь бы дали. Я пришелъ, отдалъ сорокъ рублей Загу и не много сталъ покойнѣе. Лошади не ѣхали. Скука! Я начиналъ горевать. Двѣ недѣли жилъ я у Зага, деньги зажилъ. — Я размышлялъ, гдѣ бы еще добиться, какъ вошелъ ко мнѣ человѣкъ отъ моего кредитора. Что скажешь, братъ? спросилъ я его. »Баринъ мой, отвѣчалъ онъ, приказалъ кланяться, и приказалъ-де спросить у васъ: не можете ли-де вы возвратить занятую сумму, и что ему-де крайнѣ нужно. Охъ-де!... какъ горько, какъ грустно.« — Я буду сего дня самъ у твоего барина, сказалъ я, и человѣкъ

вышелъ. Тутъ я нѣсколько узналъ, что́ такое долги, и что́ такое быть должнымъ. Доселѣ я не имѣлъ никакихъ нуждъ, доселѣ... я не былъ богатъ, не былъ и бѣденъ и никому не долженъ. Что за ч.... сказалъ я, не ужели мнѣ... не успѣлъ я докончить, какъ вошелъ ко мнѣ содержатель гостинницы съ требованіемъ денегъ; ибо два дня, какъ я живу въ долгъ и съ долгомъ. Денегъ у меня нѣтъ, Маршынъ Ивановичь, а если хотите — вотъ вамъ подъ закладъ, сказалъ я, указавъ на мой чемоданъ съ платьемъ; пріѣдутъ, такъ я выкуплю. Маршынъ Ивановичь умильно посмотрѣлъ на меня и, приближась къ чемодану, проговорилъ: «да что у васъ тамъ такое?» — Платье, отвѣчалъ я. «Не льзя ли посмотрѣть? да помилуйте, вы шутите, чтобы у васъ не было денегъ,» прибавилъ Загъ, улыбаясь, и началъ прилѣжно разсматривать предлагаемое въ закладъ платье. Я смотрѣлъ какъ бы промотавшійся хозяинъ, у котораго съ аукціона покупаютъ имѣнье. «Всего-то здѣсь, говорилъ Загъ, разсмотрѣвъ платье, — всего-то здѣсь, су-

дарь мой... рублей на семьдесятъ. Изъ чего и брапь? того и гляди, что моль все покушаетъ.» Помилуй, Маршынъ Ивановичь, одинъ фракъ вотъ-этотъ синій стоитъ мнѣ со всемъ сто рублей, тамъ плащь, жилеты, бѣлье...

«Вѣдь это такъ снова, сударь мой, да и берутъ-то, я чаю, ваши добрые портные... а ужь что съ плеча, съ того цѣна на половину сбавилась; впрочемъ извольте, я за все даю сто, а больше нѣтъ, какъ вамъ угодно.» — Никакъ бы не отдалъ менѣе четырехъ сотъ пятидесяти, а теперь дѣла плохи, Маршынъ Ивановичь. Такъ и быть, дайте триста... «Что это вы, какъ это можно, я ужь сто даю, да и то боюсь, на шею сядетъ, если угодно сей часъ и деньги.» — Рѣшиться, или нѣтъ, думалъ я; деньги нужны; авось скоро пріѣдутъ, тогда выкуплю. Хорошо, хорошо, Маршынъ Ивановичь, какъ пріѣдутъ за мною, такъ отдамъ. Онъ посмотрѣлъ на платье, потомъ на меня и, взявши щепы, просилъ меня кончить расчетъ за два дни. Я согласился и онъ началъ сто рублей.

Я. Какъ сто! — нѣтъ, сто восемь — сто ассигнаціями.

Заѣ. Ну, такъ *я*, сударь мой, не беру.

Я. Хорошо, хорошо, сто.

Заѣ продолжаетъ: вашихъ *сто:* за квартиру за два дни, да нынѣче третій — девять рублей, за чай по утру съ ромомъ шестнь рублей. —

Я. Да я безъ рому пью.

Заѣ. Очень хорошо — со сливками; да у васъ товарищи были.

Я. Нѣтъ, никакихъ.

Заѣ. И такъ за утренній и вечерній —пять рублей восемьдесятъ копѣекъ долой; за бисквиты къ завтраку, каждый день на рубль, пятьдесятъ копѣекъ, и того четыре рубли пятьдесятъ копѣекъ. За обѣдъ каждый день по три рубли и того девять рублей долой; за чай вечеромъ...

Я. Какъ, за чай? вы ужь считали за чай!

Заѣ. Нѣтъ-съ, ахъ! да, да, да, — ну за ужинъ каждый день по два рубли, и того шесть рублей долой, за табакъ...

Я. Я у васъ не беру табаку, у меня свой.

Заѣб. Ну такъ-съ вотъ что осталось, шестьдесятъ пять рублей семьдесятъ копѣекъ... Вотъ вамъ денежки, сказалъ Загъ, выкладывая цѣлковые; вотъ пятнадцать цѣлковыхъ, а пять рублей семьдесятъ копѣекъ ужь мугрышки.

Я. Какія мугрычи! Что вы? вѣдь мнѣ деньги очень нужны.

Заѣб. Хорошо, извольте; вотъ синенькая... отдалъ и, кликнувъ мальчика, потащилъ чемоданъ мой. Я хотѣлъ собираться идти къ моему кредитору, чтобы возвратить долгъ, но въ чемъ идти? Ни плаща, ни фрака, ничего... ахъ, какъ это худо. Боже мой! говорилъ я, не ужели первый мой шагъ къ свободной жизни заставилъ меня жалѣть о счастливой зависимости!—Боже мой!... Не ужели всю тягость... »Здѣсь ли Александръ Петровичъ,« сказалъ мнѣ знакомый голосъ, и я увидѣлъ нашего человѣка. »Папинька приказалъ кланяться; все, слава Богу, живъ и здоровъ. Вотъ письмо, лошади пріѣхали.« — Я взялъ

письмо, и, прочитавши, увидѣлъ, что ожиданныхъ денегъ не было, и что мнѣ прислано на путевыя издержки пятьдесятъ рублей. Я послалъ тотчасъ человѣка отнести занятыя мною деньги у вышепомянутаго кредитора, и, какъ можно, поспѣшилъ въ дорогу. Укладывать было нечего и, простившись съ своими знакомыми и условившись съ Загомъ о выкупѣ платья, я рано по утру сѣлъ въ бричку и отправился въ дорогу. Проѣзжая заставу, мы были остановлены и когда на вопросъ: «кто ѣдетъ?» человѣкъ мой отвѣчалъ: «Дворянинъ такой-то,» то у насъ потребовали видъ, который я, нимало не медля, и подалъ. Солдатъ понесъ его къ дежурному и возвратившись вскорѣ, сказалъ: «это извольте показывать въ Гимназіи, а здѣсь пожалуйте или подорожную, или билетъ.» Я посмотрѣлъ на свою бумагу и увидѣлъ, что то былъ аттестатъ. Здѣсь я узналъ только, что посланъ къ папинькѣ вмѣсто аттестата билетъ, который я выхлопоталъ тогда потому такъ рано, что Директоръ отправлялся ревизовать училища. Я побѣжалъ самъ къ де-

журному, объяснилъ ему все дѣло и, съ нѣкоторою убавкою путевой суммы, подаренной (разумѣется, солдату), получилъ разрѣшеніе ѣхать... Я поѣхалъ. Радость свиданія, пѣсни извощика и прекрасныя картины природы скоро изгнали изъ головы моей непріятныя мысли, и разстроенныя мои чувства успокоились. Я посмотрѣлъ назадъ и милый городокъ былъ предо мною, какъ на блюдичькѣ. Слезы невольно покатились изъ глазъ моихъ и я подумалъ: Прощай, миленькой городъ, первая моя школа; здѣсь началъ я учиться, здѣсь образовалъ свой умъ, здѣсь образовалъ свое сердце. Тамъ я узналъ Анету и вмѣстѣ съ нею земной рай — любовь; здѣсь я началъ первый мой шагъ независимой жизни и провелъ лучшее время моего возраста. Прощай, прощай! — Бричка неслась и городъ изъ виду скрылся. Деревня моихъ родителей была въ девяносто верстахъ отъ губернскаго города. Путь мой былъ, какъ обыкновенно, и скученъ и веселъ. Здѣсь течетъ широко и быстро величественная рѣка, на которой видны три острова, гдѣ сидятъ ры-

баки и удишь рыбу. — Вотъ улыбающаяся полянка, устланная коврами восточной природы; тамъ большая нива, здѣсь огромный густый лѣсъ; здѣсь не видно ни клочка земли, ни ручейка, ни деревца; — пески — степь — пустыня...

ГЛАВА XI.

Пріѣздъ Сибирякова въ деревню. Слѣдствіе ложнаго свѣтскаго воспитанія. Деревенское препровожденіе времени. Философическое сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. Намѣреніе Сибирякова вступить въ военную службу.

Я пріѣхалъ домой на другой день къ обѣду. О радости родителей было бы и упоминать излишнимъ. Она была одинакова, какъ и прежде. Кузина моя Юлія гостила у насъ. — Мнѣ сдѣлали множество упрековъ за холодность къ сестрѣ, и частое требованіе денегъ. Но если что не нравилось во мнѣ моимъ родителямъ, то это мое обращеніе. Пріѣхать изъ лучшаго общества губернскаго города въ деревню къ старинному помѣщику — тоже, что пріѣхать изъ блестящаго круга столицы къ зажиточному провинціалу. Каждое утро, каждый обѣдъ и вечеръ я слышалъ одно: отставай, Саша, отъ этихъ иностранныхъ

привычекъ, ты вѣдь въ Россіи. Имъ не нравилось на примѣръ, что я не сидѣлъ въ халатѣ при матери и кузинѣ, которой было около четырнадцати лѣтъ, что я не завтракалъ въ десять часовъ и не обѣдалъ въ часъ, поздно вставалъ, и въ жаръ не ѣздилъ по полю и проч. и проч. Отецъ мой былъ въ лѣтахъ и слабъ. Мать сдѣлалась опытною хозяйкою. Ни хлѣба испечь, ни груздя посолить не смѣли безъ ея приказанія. Но что же за гардеробъ? что за экипажи? — Юлія была не дурна собой, но имѣла недостатокъ въ образованіи. Въ бытность мою въ Пансіонѣ я часто краснѣлъ за ея деревенскія привычки. Пріѣхавши въ деревню она сформировалась совершенно по тетушкину вкусу; такъ мудрено ли послѣ этаго, что я имъ казался страненъ. Отецъ мой говорилъ со мною о Французахъ, о геройствѣ Русскихъ во время 1812 года, о гибели войны сей, о славѣ Россіянъ и такъ ненавидѣлъ Французовъ, что при каждомъ повтореніи этаго слова обыкновенно прибавлялъ приличный эпитетъ. Онъ занимался чтеніемъ Четьи Миней,

ѣздилъ въ лѣсъ для компаніи матери, пилъ вино, курилъ табакъ, и очень однообразно проводилъ свое время. По сосѣдству жили многіе помѣщики; но отецъ мой почти ни съ однимъ изъ нихъ не имѣлъ знакомства. Вечеромъ мы разговаривали съ отцомъ моимъ. Онъ любилъ вспоминать прошедшее, и разъ въ какомъ-то восторгѣ съ торжественною радостію онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

Мы пожили, другъ мой, Саша,—пожили, испытали. Были молоды, состарѣлись. Были вѣтрены, сдѣлались опытными. Не дай Богъ никому такими трудами достигать опытности; трудно очень трудно. Намъ — молодымъ все кажется дрянью, все легко, малозначуще, не важно; а стукнетъ за пятой десятокъ, тогда узнаешь, тогда только оцѣнишь: какъ тяжело, какъ вредно и какъ дорого достается намъ эта опытность. Но... къ чему она? разслабленному моему пѣлу едва ли встрѣтятся когда либо подобные случаи; упадшій духъ мой едва ли подымется выше желанія покоя. »Я могу сообщить молодости

плоды своихъ трудовъ, скажутъ мнѣ, я могу представить неопытности результатъ ихъ несчастій.» — Но кто меня послушаетъ? Ты вотъ и сынъ мой, ты обязанъ слушать мои совѣты, — даже исполнять ихъ: но кто въ томъ поручится? Слова какъ дымъ. Примѣръ, примѣръ — вотъ много значитъ. Общество, знакомства, связи — вотъ наука жизни! И я увѣренъ, что едва ли есть одинъ человѣкъ, которой бы шелъ по стопѣ совѣтовъ, не совращаясь и благополучно. Всякой живетъ для себя и для общества, всякой живетъ по примѣру общества. Я говорю о молодыхъ людяхъ, не изключая даже и тѣхъ, въ умѣ которыхъ благіе совѣты и здравый разсудокъ составили нѣкоторую систему благополучной жизни, — и тѣ увлекаются въ бурномъ порывѣ современнаго духа мнѣній. О молодость, молодость!...

Исторія жизни назидательна для всякаго. Поди сюда, Александръ, сядь возлѣ меня. Ты живешь совершенно въ другое время, нежели я жилъ. Образованіе нынѣ и усовершенствовалось и приняло, ка-

жется, лучшее направленіе. Конечно, ни одинъ современникъ не бываетъ доволенъ нравами своего вѣка: но я жилъ въ другой эпохѣ — живу теперь, и слѣдовательно могу имѣть, можетъ быть, ошибочное, но сходное съ моимъ образомъ мыслей понятіе о различіи временъ моей жизни. Я родился давно, въ то еще время, когда на Престолѣ Россійскомъ была Ангелъ-кротости Елисавета Петровна. Я не могу тебѣ ничего сказать о своей юности; но какъ скоро сталъ входить въ понятіе, я помню, что тогда уже царствовала Великая Екатерина. Этотъ вѣкъ блестящій, счастливѣйшій во всей Росс. Истор. подвинулъ Россію, можетъ быть, цѣлымъ столѣтіемъ къ образованію. Молодымъ людямъ было лестно жить въ вѣкѣ славы, но невыгода была вотъ какая: броженіе умовъ, совершавшееся тогда во всей Европѣ, забрело и къ намъ. Пылкіе, скорые — мы радостно приняли эту нежданную гостью и угощали ее, кажется, радушнѣе, нежели самая отчизна сего ужаснаго змія.—Сочиненія Вольтера, Дидероша, Даламберта, Ж. Ж. Руссо и тыся-

чи другихъ быстро разнеслись по всему міру; а такъ какъ Французскій языкъ составлялъ, и теперь составляетъ необходимую, самую важную часть—даже конецъ образованія, то съ языкомъ этихъ кощунциковъ мы нежданно, негаданно, къ несчастію, уже усвоились. Эти Софисты были идолы, на которыхъ мы смотрѣли, какъ на нѣчто духовное. Презирать ихъ значило быть невѣждою; вѣрить или довѣряться имъ—быть несчастнымъ. То былъ, другъ мой, вѣкъ сомнѣній, вѣкъ для молодыхъ людей самый вредный и слѣды его вопъ — лишь преждевременная дряхлость и укоризненное, жестокое раскаяніе. — Дѣйствіе души на тѣло такъ велико, какъ свѣта на зрѣніе, теплоты на ощущеніе, и гораздо болѣе, нежели дѣйствіе тѣла на душу. Нынѣ вѣкъ, вѣкъ блаженства. Умы успокоились. Время и опытъ опровергли все, что тщетно старались Геніи одни утвердить, другіе уничтожить. Время, сила образовательная, творящая, пожрало дѣтей своихъ. Но какъ свершилось это? — Еще въ живой памяти ужасы невообразимые. Вамъ,

потомству трудно вѣрить случившемуся. Это кажется сказкою. Но мы пережили это время ужаса, мы были свидѣтелями эпохи, въ которую разлившійся потокъ уносилъ все, на пути попадавшееся, все низвергалъ, усиливаясь болѣе и болѣе, и наконецъ преткнулся о скалу, которой крѣпость и твердость ему были невѣдомы. И паденіе великаго — велико. Наполеонъ могъ покорить всю Европу; но Россія, Мать народа Славянскаго, непреклонна какъ судьба, и какъ смерть могущественна. Изъ всѣхъ чувствъ, какія только есть у человѣка, самое благодѣтельное и предпочтительно свойственное Россіянамъ —это любовь къ отчизнѣ и близкое къ оной, столь же необходимое и счастливое — это непоколебимая преданность къ Престолу и какая-то сыновняя, безусловная привязанность къ своимъ Государямъ, кои въ Русскомъ Царствѣ, кажется, избраны изъ Царей Царями, да славятъ и счастливятъ свою державу. Я не могу вспомнить то время, когда бурное время готовилось потопить счастливыхъ Россіянъ, гдѣ всякій жилъ,

благословляя судьбу свою, подъ правленіемъ Благословеннаго. Опоры наши колебались, море воздымалось болѣе и болѣе, всѣ преграды, какія ни поставлялъ пламенный патріотизмъ вѣрныхъ сыновъ отечества, почти рушились; грянулъ девятый валъ и русло Александра отполкнуло его вмѣстѣ со всѣми бѣдствіями. Ахъ, Александръ, ты не можешь представить себѣ, съ какою быстротою, съ какимъ единодушіемъ справедливое негодованіе разлилось по всѣмъ мѣстамъ, во всѣхъ концахъ необозримой Россіи. Имѣнье и жизнь — все Царю въ ноги, и ни единаго врага не осталось въ землѣ Славянской. — Ты былъ малъ, ты не могъ этого чувствовать. Но я помню, какъ ты, внимая нашимъ разговорамъ, говорилъ съ дѣтскимъ простодушіемъ: «если Французы придутъ, я ихъ...» пожимая и размахивая своими ручонками. — Отецъ мой плакалъ, онъ не могъ продолжать своего разговора. Вошедшая маминька прервала нашу бесѣду и пригласила къ ужину.

Мать. Ты что-то разстроенъ, Иванъ

Ивановичъ, ужь вѣрно говорили о Французахъ.

Отецъ. Я бы всегда желалъ быть такъ разстроенъ.

Мать. Полно, что это съ тобой; вѣдь тебѣ за это не дадутъ ни креста, ни медали, ни денегъ; охота тебѣ слова даромъ терять.

Отецъ. Не вмѣшивайся, Катя, не въ свое дѣло.

Мать. Что ты говоришь? Малый! барину водки.

Начали ужинать. По окончаніи отецъ благословилъ меня и мы разошлись по своимъ спальнямъ.

Однообразная деревенская жизнь мнѣ наконецъ прискучила. Военная служба, прелесть для молодаго возраста, не сходила у меня съ ума. Я сталъ проситься у родителей опредѣлиться въ службу, но получилъ отпоръ, и сколько ни было попытокъ, мнѣ не удалось склонить ихъ, особенно маминьку. Ей никакъ не хотѣлось со мною разлучиться; а мнѣ минулъ уже девятнадцатой годъ.

ГЛАВА XII.

Знакомство съ военными. Сибиряковъ опредѣляется въ полкъ. Военная жизнь. Отличіе Сибирякова.

Я сталъ дѣйствовать настойчательно. Почти склонилъ уже родителей опредѣлить меня въ полкъ, но причина была та, что, не зная никого изъ военныхъ, они не хотѣли ввѣрить меня самому себѣ, не препоручивъ надежному человѣку. Одинъ полкъ стоялъ въ уѣздномъ городѣ, который отъ нашей деревни находился въ двадцати верстахъ. Я нѣсколько разъ ѣздилъ туда, познакомился съ полковымъ Начальникомъ, Офицерами, а въ послѣдствіи, къ уменьшенію моей скуки, былъ ими посѣщаемъ. Наконецъ, по сильнымъ просьбамъ и убѣжденіямъ, я успѣлъ склонить родителей моихъ опредѣлить меня въ полкъ съ тѣмъ однако, чтобы, какъ только полку должно будетъ оставить нашъ городъ, мнѣ

выдши въ отставку «*и не стражать-ся*,» прибавила маминька. И такъ я поступилъ въ новое состоянie — въ военное. Въ продолженiи моего Юнкерства я болѣе жилъ дома, всегда съ партiею Офицеровъ, и былъ на разводѣ не болѣе четырехъ разъ. Какъ несносно маршировать на жару, стянутому, отягченному и утомленному! Какъ несносно надѣвать этотъ солдатской мундиръ, рубли въ полтора сукна и сѣраго и жесткаго, какъ обвиснутъ эти бѣлые ремни и этотъ тяжелой киверъ, гнѣтущiй къ низу непривыкшую мою голову! Но всего несноснѣе вставать рано и вытягиваться—передъ кѣмъ же? передъ тѣмъ самымъ Офицеромъ, который живетъ на моемъ хлѣбѣ и моемъ табакѣ. Такъ казалась мнѣ моя участь. Но что же другiе Юнкера? — живутъ въ казармахъ, съ солдатами, исполняютъ всѣ обязанности солдата: чистятъ сами аммунiцiю, ходятъ всегда на смотры, разводы и ученья — и что же? Я произведенъ былъ въ Прапорщики, а имъ нѣтъ ваканцiи! Юнкеромъ я никуда не показывался, а получивъ

Офицерскій чинъ, я завелъ большой кругъ знакомства и въ двадцать лѣтъ, хотя не большой, но чиновникъ, съ добрымъ сердцемъ, хотя съ немного поврежденною нравственностію, наслѣдникъ хорошаго имѣнья, любимый начальниками и товарищами, и уважаемый подчиненными былъ въ обществѣ, какъ мнѣ говорили, прекраснымъ кавалеромъ и милымъ молодымъ человѣкомъ.

Будучи произведенъ въ Офицера, я не зналъ полной солдатской школы. Живя дома, я, изнеженный, причудливый, былъ самый дурной Офицеръ въ военномъ отношеніи. Вотъ почему я былъ почти столько же разъ болѣнъ, сколько было разводовъ!

ГЛАВА XIII.

Веселье.

Удовольствія провинціальной жизни. Маскерадъ у помѣщика Живалова. Очаровательная Турчанка. Ея таинственность. Грекъ Турчанкинъ.

На землѣ щедротой неба
Три блаженства намъ дано:
Пѣсни — даръ безцѣнный Феба.
Прелесть дѣвы и вино—...

С. Раичъ.

Въ уѣздномъ городкѣ нѣтъ пышности, но есть радушіе. Лучшій кругъ, состоящій изъ шести или седми домовъ, живетъ искренно и дружественно. Попеременно, очень часто даются балы у кого нибудь изъ избраннаго круга,—куда съѣзжаются всѣ хорошенькія и прехорошенькія женщины, всѣ ловкіе и любезные кавалеры. Тамъ нѣтъ никакой принужденности, никакого этикета, все такъ просто родственно и всегда веселье царствуетъ на такихъ балахъ. Я проводилъ

время очень весело. Лѣтомъ каждое Воскресенье ѣздилъ домой съ партіею Офицеровъ, и эти Каникулы были для меня еще лучше. Я, какъ помѣщикъ, всемъ пользовался, что относится къ праву его. Въ саду у насъ была большая бесѣдка. Тамъ, закуривъ трубки, мы сидимъ и празднуемъ Вакханаліи за покалами шампанскаго. Дымъ стелется по тихой атмосферѣ склоняющагося къ концу лѣтняго дня.

И шампанское, играя,
Гонитъ пѣну выше края.

А деревенскія дѣвушки, милыя, невинныя, какъ заря утренняя, поютъ и пляшутъ предъ глазами нашими! Ночь пришла все прекращаютъ и..... а веселый соловей прелитъ свои пѣсни. Такъ я проводилъ лѣто. Зима — время самое лучшее для молодежи. Въ это время балы каждый день; придетъ масленица — маскерады; все это пища для душъ Офицерскихъ на винтеръ-квартирахъ и, приправленная провинціальною простотою и хлѣбосольствомъ хозяина, неволько манитъ и заставляетъ участ-

вовать всякаго, а иногда вспомянуть, вздохнувши. Тогда часто мы ѣздимъ на балъ въ деревню, гдѣ добренькія дочки хозяина, этаго времяни ждутъ не дождутся. Разъ мы согласились съ товарищами ѣхать вмѣстѣ къ Господину Живалову. Онъ давалъ маскерадъ и извѣстенъ былъ какъ своею роскошью, своимъ привѣтствіемъ, такъ и красотою, и любезностію дочерей своихъ. Я выбиралъ себѣ костюмъ для маскерда и уже началъ приготовлять платье Испанскаго Гранда, какъ денщикъ мой подалъ мнѣ записку. Я читаю: «Прошу васъ быть нынче у Г. Живалова въ костюмѣ Турка.» — и больше ничего. Я спрашиваю, кто принесъ? Мнѣ отвѣчаютъ, что мальчикъ принесъ, вернулся и убѣжалъ. Рука женская, но я не знаю оной. Женское приказаніе исполнять и легче, и охотнѣе; и такъ я сталъ приготовляться. Сдѣлалъ чалму, унизалъ ее бусами, янтарями, жемчугомъ и бриліантами, которыми ссудила меня маминька, и, въ пять часовъ назначеннаго дня, отправляюсь въ деревню Г. Живалова. Деревня его отъ города была въ три-

надцати верстахъ, въ часъ я долетѣлъ и нашелъ тамъ множество экипажей. Я переодѣлся съ своими товарищами во флигелѣ и ,. замаркированный , явился въ собраніи. Разнопестрыя маски мелькали, толпились, обманывали, узнавали другъ друга и обманывались въ свою очередь.— Публики было много. Кажется, вы видите : Японцевъ, Испанцевъ, Лапонцевъ и Италіацевъ , Нѣмцевъ и Перуанцевъ и проч. и проч. отъ Калмыка до Русскаго и отъ Гаварина до Францисканца, отъ людей до всѣхъ чиновъ , званій и состояній. Видишели вы въ черномъ капотцѣ съ круглою чалмою и кочепиными перьями, — что это за костюмъ ? Вамъ странно ; вы никогда не видывали ни у народовъ новаго, ни стараго міровъ !— Узнайте, сударь, — это Перувіанка ! что за дѣло, что въ Перу не такъ ходятъ, но замаскированному угодно было назваться Перувіанкою.—Видите, вотъ въ малиновомъ плащѣ и Капуцинской шляпѣ,—вы думаете это Капуцинъ?—Нѣтъ, это Венеціанецъ. — Слышите , какъ этотъ Моголъ басистымъ голосомъ говоритъ, что его костюмъ Индѣйской;—

слышите, какъ онъ перемѣнилъ голосъ и все для того, чтобъ его не узнали. — Едвали! — на этихъ домашнихъ маскерадахъ всѣ извѣстны. Гдѣ же Турчанка?... Пробѣгаю всѣ маски, вижу и Югъ и Западъ, и Востокъ и Сѣверъ, а Турчанки нѣтъ. Нарядъ мой былъ изъ лучшихъ: блестящая чалма, соболи, богатая трубка обращали вниманіе и Француза, и Китайца. — Но мнѣ ихъ не нужно. — Вдругъ раздалось «*кто-то еще пріѣхалъ!*» и я, устремивъ внимательные взоры на переднюю дверь, увидѣлъ Грека. Все пошло по прежнему. Начались полки, музыка гремѣла, замаскированные ходили и всѣ другъ на друга вглядывались. Въ залѣ Г. Живалова былъ весь свѣтъ, хотя въ превратномъ видѣ. Жидъ продаетъ вещи, Русской кучеръ напѣваетъ пѣсню—шумъ, стукъ ногъ... но вотъ всѣ утихли, чего-то ждали и въ распахнувшія двери взошла Турчанка. И Жидъ, и Италіянецъ, и кучеръ, и Французъ, и Перувіанецъ—весь сбродъ всякаго рода обратили свое вниманіе на вошедшую. Я не зналъ, что со мною дѣлалось. Мнѣ кажется, въ этой

Турчанкѣ я увидѣлъ то, чего не видѣлъ прежде, это было лучше, нежели Анета. Величавая поступь, красивый станъ, прекрасная талія, этотъ горделивый видъ, съ которымъ она смотрѣла во всѣ стороны — все говорило въ пользу прелестной. Долго глядѣлъ я на незнакомую, долго — и чѣмъ дальше смотрѣлъ, тѣмъ болѣе находилъ прелестей какаго-то таинственнаго очарованія въ неизвѣстной.—Но вотъ загремѣлъ Польскій, всякій взялъ даму или своей націи, или пограничную. Къ Турчанкѣ подходитъ Англичанинъ и получаетъ отказъ, подходитъ Китаецъ — тоже. Я имѣлъ все право ангажировать ее; вѣроятно, полагалъ я, это та самая особа, которая прислала ко мнѣ записку. Но что за Грекъ стоитъ возлѣ нее? . . . Вотъ онъ отошелъ, и я Азіатскою поступью, медленными шагами приближился къ очаровательной. . . ангажирую на Польскій и получаю согласіе. Мы стали почти въ самой послѣдней парѣ. Незнакомая не говорила ни слова, но пульсъ руки ея что-то бился необыкновенно. . . (въ этихъ случаяхъ и Офицеръ Медикъ).—

Кончился Польскій и начались кадрили. Незнакомая не говорила ни слова, и на всѣ мои вопросы отвѣчала или отрицательно, или утвердительно движеніемъ головы. — Я отошелъ и размышлялъ, что́ бы это было за чудесное явленіе... Я былъ не свой... Воспоминаніе объ Анетѣ перенесло меня въ прошедшее; я сравнивалъ Анету съ незнакомкою — и — какая разница!... разсуждалъ о моемъ непостоянствѣ, о томъ, что я измѣнилъ Анетѣ, прельстившись другою; но одинъ взглядъ на незнакомую разрушилъ всѣ мои мысли: я положилъ, во что́ бы то ни стало, узнать кто такова прекрасная. Между тѣмъ, какъ я носился въ предположеніяхъ, чертилъ новые планы, ко мнѣ подошелъ Грекъ, драбантъ Турчанки и, отведши въ сторону, сказалъ мнѣ: «Турчанка, которую вы видете вѣроятно не въ первый разъ, препоручила мнѣ сказать вамъ: «*Узнали-ли вы ее?*» Сказавши онъ отошелъ отъ меня. Предоставляю читателю вообразить мое положеніе...

Балъ продолжался. Всѣ были очень

веселы. Я танцовалъ съ незнакомкою и во весь вечеръ не услышалъ ни одного слова. Далеко за полночь начали нѣкоторые разъѣзжаться. — Прочіе ночевали у хозяина, въ числѣ которыхъ и я.

ГЛАВА XIV.

Ложное печальное извѣстіе. Нечаянный отъѣздъ Сибирякова. Сыновнее сердоболіе. Предположеніе купить деревню съ аукціона. Древнихъ лѣтъ военный артикулъ. Отъѣздъ Сибирякова въ Москву.

Поутру отправился я въ городъ и по пріѣздѣ былъ встрѣченъ письмомъ отъ папиньки. Оно было такого содержанія:

»Любезный Саша!

Поспѣшай, другъ мой, ты мнѣ очень нуженъ. И часъ твоего замедленія можетъ сдѣлать много. Да препоручи кому нибудь изъ товарищей твоихъ выхлопотать тебѣ отпускъ на шесть недѣль; очень, другъ мой, Саша, очень мнѣ нужно. Мать твоя приказала тебѣ. . .

Многолюбящій отецъ твой.«

Гдѣ человѣкъ, спросилъ я, который привезъ письмо? »Онъ еще вчерась уѣхалъ.«

А когда письмо привезено? «Вчерась, только что вы изволили съѣхать.» —Лошадей! закричалъ я, и снова сталъ перечитывать записку. Папинька писалъ и торопился; но слова: «*Мать твоя приказала тебѣ*...» что значатъ слова эти? неужели маминька?... Здѣсь грустно, грустно мнѣ стало. Любовь къ родителямъ непремѣнна. Она вливается въ насъ, кажется, съ молокомъ матери. Мы любимъ вообще родителей, но чаще болѣе мать. Лошади были заложены и я, разстроенный, грустный, печальный поѣхалъ. Лошадей гнали во всю прыть. Я не помнилъ дороги, черезъ часъ съ небольшимъ пріѣзжаю домой и... вообразите мое удивленіе, когда, вошедши въ залу, былъ встрѣченъ моею матерью. Поздоровавшись и успокоившись, я спросилъ папиньку о причинѣ скораго требованія и о словахъ, произведшихъ чрезвычайное безпокойство.

Вотъ видишь ли, другъ мой, отвѣчалъ отецъ. Я еще вчерась за тобой послалъ, да ты, кажется, разстроенъ, такъ ужь выговаривать не буду; вотъ

въ чемъ дѣло, Саша, — я вчерась получилъ Сенатскія объявленія — прибавленіе къ вѣдомостямъ, что раздаются. . .

Я. Знаю, папинька, знаю. —

Отецъ. Тамъ пишутъ, что будетъ продаваться имѣнье Г-на Грушина, ну т. е. продаваться съ аукціону, и торгъ назначенъ четырнадцатаго Іюля, а у насъ теперь семнадцатое Маія;—четырнадцатаго Іюня первый торгъ—а то еще два будетъ — такъ ты долженъ ѣхать въ Москву и торговать имѣнье; вѣдь мнѣ изъ-за сына не коммиссіонера же нанимать.

Я. Какъ же, папинька, вѣдь я въ отпускъ не просился да и. . .

Отецъ. Это не великое дѣло. Поѣзжай послѣзавтра, а теперь напишемъ прошеніе; да ѣхать именно послѣзавтра;—пріѣдешь по раньше, узнаешь много ли охотниковъ на это имѣнье — все лучше.

Мы согласились. Я написалъ прошеніе и послалъ въ городъ. Мнѣ Москву очень хотѣлось видѣть. Давно ужь из-

вѣстна она мнѣ по наслышкѣ. Въ это время она была, какъ говорили, лучше прежняго отстроена. Да и кому не хочется знать матерь городовъ Россійскихъ, сердце отечества и любимую дочь земли Русской! Я ѣхалъ очень охотно. Имѣнье Г-на Грушина нашего сосѣда и однофамильца моей Анеты было отъ насъ въ двухъ верстахъ. Деревня, изъ четырехъсотъ душъ состоящая, со всѣми удобностями и землею, очень нравилась папинькѣ; денегъ было довольно, воля есть и чего же болѣе?

Вечеромъ отецъ мой обѣщался отыскать мнѣ планъ Москвы съ описаніемъ, и свои записки о сей столицѣ. Мы стали вмѣстѣ разбирать домашній архивъ, гдѣ пыли было болѣе, нежели бумаги. Вся коллекція рѣдкостей состояла въ спорныхъ дѣлахъ изъ земель, воды, лѣсу и проч. Наконецъ отецъ нашелъ какую-то бумагу и, развернувъ, далъ мнѣ ее, прибавивъ: Я думаю ваша братья, нынѣшніе военные, ни слова здѣсь не разумѣютъ. Я смотрю это былъ о... пусть Читатели прочтутъ сами.

Древнихъ лѣтъ военный артикулъ.

СЛУШАЙ.

Пясть налапасть
Виль бухальцомЬ
Торни на ногѢ
РзомЬ на землю
Виль на сторону
ШирокимЬ кверху
Положи на могучо
Сыми смогуча
ШирокимЬ книзу
Виль на сторону
Приложи кподчеревице
Открой пальцомЬ корытцо
Ударь по хлопотнице
Залупи открывальцо
Вынимай берендейку смякотцой
Сорви кусальцомЬ берендейку
Насыпь мякотцы на корытцо
Закрой корытцо
Виль на другую сторону
Запусти мякотцу вбухальцо
Вынимай дубецЬ
Вбей крѢпко вмякотцу
ДубецЬ вЬ мѢсто.
Фурни на плечо
Взведи качетокЬ
Виль на сторону
Дерни за кривульку
Тресни вдрукЬ

Кинь къ подчеревицѣ
Качетокъ подперстъ подхвати
Закрой хлопотницею корытцо
Пятса назатъ
Виль на сторону
Торни межнокъ
Виль кривильцо свострильцомъ
Наложи кривильцо
Шурни пясью
Виль на сторону
Брось порунѣ.
Бокомъ повернись
Ко мнѣ передомъ
Часлинка заправса
Повернись передомъ
Часлинка повернись комне передомъ
Потолпе повернись
Шастой вдругъ ктолпе
Комнѣ передомъ
Пятса назадъ
Тума впери соцъ
Виль на сторону
Бухальцо подмышку
Ступай домой ѣшпя.

Р у щ у

А проговоритъ. Смелостъ взялъ:
И древнихъ лѣтъ аршикулъ показалъ.

Все это напинано на полулистѣ, съ разкрашенными коричневою, черною,

оранжевою и желтою каемками. Начальныя и крупныя буквы написаны киноварью. —

Я довольно посмѣялся. Вечеръ прошелъ и мы разошлись. Для поѣздки въ Москву мнѣ данъ былъ билетъ въ тридцать пять тысячъ рублей, и на путевыя издержки, не такъ какъ прежде, мнѣ была ассигнована значительная сумма. Назначенный день пришелъ. Я началъ сбираться, маминька хлопотала о дорожномъ столѣ, подвезена кибитка, лошади поданы и я прощаюсь. Никогда не была мнѣ такъ тяжела разлука; но если бы я могъ проникнуть въ будущее, если бы я зналъ, что сбудется, тогда бы... звонъ нетерпѣливаго колокольчика позывалъ въ дорогу. Маминька очень плакала, отецъ давалъ наставленія о цѣнѣ овса, о мѣстѣ торгу, о квартирѣ, о знакомыхъ и проч. Сошлись люди, плачутъ, прощаются. Всѣ присѣли, по старинному Русскому обычаю, встали, помолились я снова упалъ въ объятія моихъ нѣжныхъ родителей, потомъ... бичъ хлопнулъ, и меня не стало.

ГЛАВА XV.

Путешествіе. Разговоръ на ночлегѣ. Мечтанія.

Время было прекрасное. Зелень показалась и распускались цвѣты. Я ѣхалъ на тройкѣ въ бричкѣ на долгихъ, впрочемъ довольно скоро; первый день ѣхать было весело, и я, сдѣлавъ верстъ около семидесяти, прибылъ ночевать въ деревню *Княвино*. Вошедши въ избу, я началъ писать коротенькой журналъ моего путешествія и невзначай развернулъ записочку той незнакомой Турчанки, съ которою Читатель познакомился на балу у Живалова. Снова сталъ разсматривать... и примѣтилъ едва замѣтную букву *А* на концѣ записки. Началъ перебирать фамиліи моихъ знакомыхъ, много было на *А*; но у того дочь толста, у того нѣтъ дочерей, или есть да какъ жердочки—это еще болѣе завлекло мое любопытство. Погруженный въ изслѣдованіе этаго феномена,

я думалъ, думалъ... между тѣмъ вечерѣло, градусъ голода далъ знать, чтобы дали на столъ, что и было исполнено. Въ продолженіи моего ужина вошелъ въ избу человѣкъ рослый и полный. Онъ сталъ у дверей около входа, а я продолжалъ свой ужинъ.

Я. Ты вѣрно управляющій деревни?

Человѣкъ. Нѣтъ, сударь, я въ отставкѣ. Былъ управляющимъ при прежнемъ баринѣ, теперь же братъ его владѣетъ имѣньемъ; а вѣдь вамъ извѣстно, что при каждомъ новомъ господинѣ новые и слуги.

Я. А давно ли умеръ прежній баринъ?— Я, кажется, его знавалъ.

Человѣкъ. Съ полгода, или мѣсяцовъ восемь.

Я. А этотъ баринъ — хорошъ?

Человѣкъ. Хорошъ, сударь, (вздохнувши). Вотъ судите: только пріѣхалъ въ деревню изъ чужихъ краевъ — то не по немъ, другое не такъ. Я былъ управляющимъ въ Нагорнѣ, деревня на большой дорогѣ и ужъ такіе мужики, буяны, озорники, разбойники, ужъ вамъ вѣрно извѣстно, какіе на большихъ дорогахъ

крестьяне. Такъ я тамъ, сударь, былъ, и при мнѣ все шло порядкомъ, и слушались, и оброкъ платили. Угодно было Богу взять нашего батюшку-барина; онъ умеръ, а наслѣдникомъ теперишній баринъ, родной братъ его. Ему не угодно было меня оставить на моемъ мѣстѣ. Онъ давалъ мнѣ жалованье: «живи просто, не служи мнѣ; вотъ тебѣ сто рублей жалованья за услуги, которыя ты оказалъ моему брату: — доволенъ ты?» Я говорилъ, что я всегда помню милости покойнаго барина, и чувствую вашу милость, но я не могу взять жалованья безъ службы, я въ силахъ; я служилъ братцу вашему, позвольте и вамъ послужить. — Тѣмъ и кончилось; онъ, кажется, на меня слишкомъ разсердился. Я теперь и живу какъ больной въ лазаретѣ...

Я. По крайней мѣрѣ, хорошъ ли онъ для другихъ-то? Занимается ли дѣлами, или безъ дѣлъ занимается?

Человѣкъ. Онъ, видите ли, сударь, женатъ на Степанидѣ Антоновнѣ Парусовой — сестра той, что за Грушинымъ; а третья выдана за Назимскова. Наша,

кажется, лучше всѣхъ, я не знаю ее, вижу только въ церкви: такая разряженая, собой.... Такъ онъ, сударь, вступилъ во владѣніе; деревня — это вотъ Князино — составлена изъ мелкопомѣстныхъ; этимъ мелкимъ дворянамъ ужь какъ жутко! Недавно было дѣло изъ лѣсу съ однимъ здѣшнимъ дворяниномъ: ну куды этому тягаться! Богъ судья, можетъ быть... да что и говорить! Отмежевалъ себѣ десятинъ двадцать, а у бѣднаго и всего-то было съ пятьдесятъ десятинъ. Еще вотъ изъ охоты поссорились съ однимъ Навидовымъ. Баринъ нашъ задорилъ и писцевъ и сполоначальниковъ—и какъ бы вы думали!—вѣдь отняли у Навидова и рощу, и земли полосу. Да нынче вотъ не такъ-то, нынче судьи присмирѣли; не тѣ времена. — Да намъ какое дѣло, лишь бы къ намъ-то были милостивы. Онъ добръ, да строгъ очень; — и эти его наушники, дворецкіе, камердинеры все наговариваютъ; однако... да, сударь, онъ ужь правду любитъ—вотъ строгъ, очень строгъ! а... слу.. жить хорошо...

Я. Что, что? *Аслу жить хорошо?...*

Человѣкъ. Ничего, сударь; извольте ложиться почивать. Дай Богъ вамъ во снѣ увидѣть хорошенькую... точно такую, какъ Анна... какъ бишь ее... Грушина-съ. Прощайте, сударь.

Я. Постой, постой! Что ты говоришь? я ее знаю.

Человѣкъ. Тѣмъ лучше, сударь; да говорятъ, она съѣхалась съ какимъ-то въ Губернскомъ—Гусаръ ли, Уланъ ли—Богъ знаетъ, тамъ...

Въ это время вошли въ избу, сказали опсправному дворецкому, что его спрашиваютъ. — Онъ вышелъ.

Я легъ спать, но долго сонъ не приходилъ ко мнѣ. Милая Анета, милая Турчанка предсшавлялись мнѣ. Съ другой стороны я думалъ: какъ знаетъ этотъ дворецкій Анету и почему именно онъ сказалъ мнѣ объ ней — это интересно... и въ сихъ мечтаніяхъ я заснулъ. Сонъ мой былъ безпокоенъ. Я видѣлъ то милую Анету, то страшную измѣну; Гусаровъ, Улановъ, Грека и проч. Кажется, въ эту ночь, я повторилъ всѣ произшествія моей жизни, и когда проснулся,

солнце было высоко и уже двѣнадцатой часъ въ началѣ. Одѣвшись, я приказалъ позвать управляющаго и поскорѣй закладывать лошадей. Управляющій чуть свѣтъ былъ усланъ и я, не удовлетворивъ своему любопытству, отправился въ путь.

ГЛАВА XVI.

Бѣда бѣду родитъ.

Несчастный случай въ дорогѣ. Ропотъ и угрозы крестьянъ. Сельскій Священникъ. Встрѣча съ Квасовымъ. Угощеніе. Земскій сочинитель доноса.

Sommes-nous assez sûrs de notre destinée
Pour la remettre au lendemain?

J. Rousseau.

Пропустивъ утро, я хотѣлъ все это взять на лошадяхъ, а потому ѣхалъ очень скоро. Гладкая дорога, усаженная по обѣимъ сторонамъ березками, прекрасное время—дѣлали путь мой не скучнымъ, а бодрыя лошади не бѣгли, а мчали. Однообразной звукъ колокольчика, дружный стукъ копытъ лошадиныхъ, унывный напѣвъ кучера въ своей непрерывной одинаковости—лишь перемѣнялись по мѣстамъ дороги въ гору и подъ гору. Я уже думалъ, какъ пріѣду

въ Москву, какъ буду разсматривать любопытные памятники, каковъ театръ, собраніе и проч. и проч. Но кто знаетъ будущее? ... Бричка летѣла, борзые кони далеко откидывали землю своими копытами. Я ѣхалъ очень скоро. — Проѣзжая одну деревню, мы ненарочно задавили индѣйку. Увидѣвшіе это крестьяне подняли крикъ и бѣжали за экипажемъ. Кучеръ, чтобъ убраться поскорѣе отъ писку бабъ, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ, ударилъ бичемъ лошадей и онѣ пустились. Посмотря назадъ, чтобы узнать, что дѣлается съ индѣйкой, онъ снова ударилъ коней. — Я говорилъ ему, зачѣмъ онъ такъ гонитъ? не задавилъ бы человѣка — и лишь только я произнесъ послѣднее слово, какъ услышалъ около экипажа крикъ маленькаго мальчика. — »Задавилъ, задавилъ!« кричатъ отовсюду. Сбѣжалась почти вся деревня. Старики, мужики и мальчишки, старухи, бабы, дѣвы, дѣвицы, дѣвки, дѣвченки — всѣ въ одинъ голосъ. Крикъ плачь, ругательство, бѣготня, тревога. — Все это произошло отъ того, что лошади мои задавили маль-

чика. Кучеръ и лакей мои были избиты. Многіе врывались ко мнѣ въ бричку. Я долженъ былъ принять свои мѣры и, взявъ въ обѣ руки по пистолету, спрашивалъ, чего они требуютъ?

Мы чего можемъ требовать? отвѣчалъ мнѣ, вѣроятно, Земскій; это судъ разберетъ. Вы извольте теперь ѣхать въ волостную, а потомъ милости просимъ въ городъ.

Я. Живъ ли мальчикъ, который задавленъ?

Мужикъ. Теперь ель-ель дышитъ, да онъ до вечера не проживетъ.

Я. Не льзя ли на деньги согласиться? я дамъ сколько хотите.

Мужикъ. Вотъ отецъ идетъ.

Въ это время подошелъ къ бричкѣ моей мужикъ средняго роста съ рыжею бородою. Онъ не могъ ничего сказать мнѣ, трясся какъ листъ, блѣдный, грозный, дикій. Я никогда не видывалъ подобныхъ. Онъ ни слова не говорилъ мнѣ, но въ чертахъ его читать было можно: ты, извергъ, убилъ моего сына, и такъ разплатись собою! — Я очень боялся. — Наконецъ одинъ крестьянинъ

изъ множества, окружавшаго мою бричку, прервалъ наше страшное молчаніе. Вотъ, Акимачь, баринъ говоритъ не льзя ли помириться на деньгахъ? — «На деньгахъ? — проворчалъ сквозь зубы отецъ задавленнаго. — За деньги! . . .»

Я. Поѣдемте въ волостную, я ѣду въ вашъ городъ, чѣмъ ни рѣшится. «Пошелъ!» сказалъ я кучеру, и раздавшаяся толпа, очистила дорогу, по которой медленно шли мои кони.—Подъѣхавши къ волостной избѣ, мнѣ сказали, что самаго волостнаго писаря нѣтъ. Теперь лучше ѣхать къ попу, сказалъ плотъ же крестьянинъ, и мы туда отправились.— Священникъ, увидя такое множество народа, вышелъ на встрѣчу и говорилъ, что не его дѣло, чтобы ѣхали прочь.— Что дѣлать? Отецъ убитаго мальчика, какъ тѣнь, слѣдовалъ за мною. Мы стояли, не зная чѣмъ все это рѣшится. Между тѣмъ священникъ подошелъ къ нашему собранію и, къ удивленію моему, кланялся съ моими людьми — человѣкомъ и кучеромъ. «Ты почемъ знаешь, спросилъ я кучера, этаго священника?» Да это, сударь, Ѳедоръ Степановичь. «Ка-

кой Ѳедоръ Степановичь?» Тотъ, что у васъ былъ учителемъ, Ѳедоръ Степановичь Квасовъ. — Это мнѣ придало нѣсколько бодрости.

Я. Ѳедоръ Степановичь, Ѳедоръ Степановичь!

Священ. Здравствуйте, батюшка, Александръ Ивановичь.

Я. Сдѣлайте одолженіе, выведите меня изъ этаго аду; позвольте къ вамъ зайти въ комнату. Я наскорѣ ѣду въ Москву, и судите, — что сдѣлалось!

Священ. Милости прошу, сдѣлайте одолженіе.

Лошади взъѣхали на дворъ. Я вошелъ въ комнату и толпа мало по малу начала расходиться.

Священ. Опять привелъ Господь Богъ намъ видѣться. — Хозяйка! давай поскорѣе. (*ко мнѣ*) Не прикажите ли тепленькаго?

Я. Помилуйте, какое теперь тепленькое. — Я посмотрѣлъ на двери и обвинительные очи отца задавленнаго мальчика представились моему взору... Почему я чувствовалъ какое-то угрызеніе совѣсти? Развѣ я виновенъ былъ въ

несчастіи его сына, можетъ быть, единспвеннаго, — а лишаться единспвенныхъ дѣтей, очень тяжело.

Священ. Отъ чего же вамъ не угодно, сынокъ мой духовный, тепленькаго?

Я. Избавьте меня сперва отъ этаго дѣла. — Какое, батюшка, тепленькое! Я вѣдь не пью.

Священ. Тепленькаго т. е. чайку? — Прикажете ли? . . .

Я. Нѣтъ, батюшка, скажите, что мнѣ теперь дѣлать?

Священ. Вотъ видишь ли, мой сынъ духовный, — да не прикажете ли тепленькаго?—Вы съ дороги, разстроены. . . Хозяйка! вели поставить самоваръ.

Я. Сдѣлайте одолженіе, батюшка, не безпокойтесь; скажите, ради Бога, что я долженъ дѣлать?

Священ. Какъ можно! Дождусь я ли такого праздника, мой ученичекъ, мой почтенный Александръ Ивановичъ!

Я. Вы меня, Отецъ Ѳедоръ, изъ терпѣнья выводите. Что долженъ я дѣлать? Умоляю васъ, скажите! . . .

Священ. Вотъ видите ли что: (*къ хозяйкѣ*) — что же ты, на кого оставила? Поскорѣй, матушка; вѣдь ты у меня... (*ко мнѣ*) Видите ли, что: теперь напишутъ бумагу, гдѣ пропишутъ все, *что было, какъ, отъ чего, при какой помощи, для чего, кѣмъ и когда.*

Я. Да я ничего не понялъ, батюшка, извините меня.

Священ. Ахъ! хозяйка, теперь ты непроворна; не то что какъ была въ дѣвкахъ.—О!... гдѣ-то моя Стенюшка!... Скорѣй, скорѣй, грѣйте!

Я. Потрудитесь, батюшка, послать за Земскимъ.

Священ. Извольте, извольте, сей часъ. — Хозяйка! давай чаю, сходи за Земскимъ, да что это тамъ въ сараѣ за шумъ?...

Жена. Какъ же это возможно десять дѣлъ дѣлать за разъ? У меня вѣдь однѣ руки-то.

Священ. Ахъ ты, окаянная! Тутъ рукъ не надо. Юлій Цезарь говорятъ, семь дѣлъ въ разъ дѣлалъ, а ты...

Хозяйка пошла со двора. Священникъ принесъ самоваръ, чашки, медъ, сливки и

проч. Вдругъ на дворѣ послышался пронзительный крикъ и какая-то женщина вбѣжала въ избу. — Это была мать задавленнаго.—Прибѣжавъ въ комнату, ни слова не говоря, ударилась объ полъ и начала вопить, прибирая имена всѣхъ родственниковъ и величая насъ супостатами.

Священ. (*Изумленный такимъ явленіемъ.*) Слава Отцу и Сыну и святому Духу! Что это за комическія сцѣны!... Чайникъ выпалъ изъ рукъ его. Между тѣмъ пришелъ Земскій.

Я. Что дѣлать мнѣ, Земскій? — Въ городъ ѣхать, такъ поѣдемте.

Земскій. А вотъ я сей часъ напишу бумагу, и тогда извольте ѣхать съ понятыми.

Я. Поскорѣй, братъ, пиши, поскорѣй.

Земскій взялъ чернилицу и бумагу, и началъ писать. Подъ окномъ раздавался плачь. Наливши чаю, священникъ началъ меня подчивать. Земскій кончилъ бумагу, и я просилъ прочесть его. Она была такого содержанія: «Сего 18.. года Маія 30 дня, Г. Военно-проѣзжій, —чинъ, званіе, имя, отечество и фамилія

неизвѣстны, — задавилъ въ селѣ такомъ-то мальчика Терентія, сына крестьянина Евдокима Акимова Сызранова и крестьянки Акулины Моисѣевой; мальчикъ имѣлъ отъ роду пять лѣтъ;— да еще задавилъ онъ курышку такого-то крестьянина. Сверхъ того, когда сбѣжался народъ, чтобы удержать скачущую его повозку, онъ приказалъ своимъ людямъ бить всѣхъ поголовно, а самъ грозилъ всѣхъ перестрѣлять *пристале-тами*, которые въ рукахъ у него Военно-проѣзжаго находились. — Чрезъ сіе объявленіе представляется вышеозначенный проѣзжій въ Земскій судъ, который благоволитъ здѣлать законное рѣшеніе.» — Онъ далъ послѣ прочесть священнику, который, пересмотрѣвъ просьбу, или доносъ, сказалъ: ты что-то ужь слишкомъ много написалъ, полно было ли это? Ужь не слушествуешь ли ты на друга своего ложное свидѣтельство? — да и написано—вотъ здѣсь началъ: *когда*, такъ тамъ надо помѣстить: *то*; вотъ тутъ — *ять*, тутъ — *запятая*; — да что же объ понятыхъ ты ничего не упомянулъ?

Земскій И изъ головы вонъ.

Священ. Да вотъ здѣсь напиши, нужды нѣтъ, *пасѣ-скрыпѣ.*

Земскій. (*Подписавъ.*) А въ засвидѣтельствованіе вышесказаннаго посылаются свидѣтели.

Я позвалъ человѣка и приказалъ закладывать лошадей, а Земскій пошелъ сбирать понятыхъ. — Очень долго продолжались эти сборы, наконецъ въ пятомъ часу вечера мы отправились. Священникъ множество давалъ мнѣ совѣтовъ, но, кажется, все объ чаѣ, или о тепленькомъ.

ГЛАВА XVII.

Метаморфозовъ, Секретарь Земскаго Суда. Мрачныя думы и сновидѣнія. Судейская. Остроты приказнослужителей. Размолвка съ Секретаремъ. Счастливый переворотъ обстоятельствъ. Благотворитель Грекъ Турчанкинъ.

Городъ былъ въ одинадцати верстахъ, а посему мы тотъ же день туда и пріѣхали. Я остановился въ одномъ большомъ домѣ, и только отдохнулъ не много, тотчасъ послалъ къ Секретарю Земскаго суда, который черезъ часъ ко мнѣ и явился. Вотъ весь нашъ разговоръ.

Я. Рекомендую вамъ себя, Г. Секретарь, прошу покорно садиться. Какъ поживаете, здоровы ли вы, супруга ваша, дѣти?

Секр. Всѣ по маленьку.

Я. У меня до васъ дѣльцо есть — и большое, только для меня, а не для васъ; потому что мнѣ надо ѣхать скоро въ

Москву ; — это же , какъ кажется, меня задержитъ не много.

Секр. Какое же дѣльцо? позвольте узнать.

Я. Вотъ какое , батюшка—ваше имя?

Секр. Вы надо мной смѣетесь, Г. Офицеръ ; не ужели вы ѣхали для того , чтобы узнать какъ меня зовутъ? Вы могли бы справиться въ Адресъ-Календарѣ , даже въ Московскихъ Вѣдомостяхъ — можетъ быть тамъ нѣтъ , не ручаюсь,—у всего нашего уѣзда. Имя мое Ѳеофилатъ Поликарповъ Метаморфозовъ ; я сынъ. . .

Я. Очень хорошо. Такъ вотъ въ чемъ дѣло-то , Ѳеофилатъ Поликарповичь. Я ѣду въ Москву за очень нужнымъ дѣломъ , и скажите, — какое несчастіе!

Секр. Что такое? Радъ душевно помочь вашему несчастью , не перемѣню своего слова, не будь я Метаморфозовъ.

Я. Проѣзжая деревню. . .

Секр. Васъ ограбили, и какъ велика сумма?

Я. Совсѣмъ нѣтъ, Г. Секретарь; я задавилъ мальчика и, кажется, до смерти.

Секр. Вы задавили мальчика? — чьего уѣзду?

Я. Вашего, вашего, Г. Секретарь.

Секр. Счастливы вы, что задавили нашего; въ другомъ уѣздѣ васъ бы самихъ задавили наша братья; — (только по мѣсту) нашъ уѣздъ рѣдкость по честности. . .

Я. Сдѣлайте же одолженіе, постарайтесь объ моемъ дѣлѣ; мнѣ ѣхать очень нужно.

Секр. Вѣдь дѣло очень важное, и едвали вы въ мѣсяцъ выпутаетесь; — надобно произвести слѣдствіе, сдѣлать допросы, привесть къ присягѣ. Производство дѣлъ обширное. . .

Я. Какъ! что это вы? Мѣсяцъ!—Божусь вамъ, что мнѣ день, часъ, минута даже дорога.

Секр. Все это такъ. Но вѣдь это не доказательства.

Я ему объяснилъ, какъ случилось это происшествіе, доказывалъ свою невинность, которой, кажется, онъ вѣрилъ, особенно послѣ того, какъ я обѣщался

очень (да-съ, *очень*) быть благодарнымъ. Онъ у меня отъужиналъ. Я далъ ему полуимперіалъ, и какъ перемѣнился онъ при полученіи золотаго! Онъ, кажется, согласенъ былъ сей часъ же отпустить меня; но послѣ, даже черезъ минуту послѣ принятія, онъ такъ описалъ мнѣ производство моего дѣла, что прибавилъ: «оно требуетъ и времени и издержекъ, однако постараюсь» — и такимъ образомъ мы разстались. Несчастія заставляютъ человѣка, опкинувъ на время все житейское и мірское, войти въ разсмотрѣніе самаго себя. Такъ случилось и со мною. Думалъ ли я, ѣхавши въ Москву, встрѣтить такое несчастное обстоятельство? Сей часъ представилась мнѣ тюрьма, гауптвахта, арестъ, заточеніе; но прошедшее — моя Анета, Турчанка—я ставлю въ параллель, что было, есть, что будетъ:—что-жъ брало верхъ? — разумѣется, настоящее. Что прошло, того не будетъ; оно мило, но въ воспоминаніяхъ; хорошо, если прошедшее дѣйствуетъ на настоящее. Жизнь не исторія. Не ужели дѣйствовала Анета или Турчанка на мое отправленіе, а мое

отправленіе на смерть мальчика? — Но будущее! . . . часто мы лѣлѣемъ его, но часто обманываемся; живыми красками расписываетъ его воображеніе и, погружаясь въ молчаніи, мы стремимся къ исполненію, къ достиженію онаго—спѣшимъ, но мрачныя тучи, какъ крыло ворона, показываются на горизонтѣ грядущаго; перейдешь къ настоящему и, смотря по времени, мѣсту, обстоятельству, уснешь, или спать не станешь.— Долго не спалъ я. Мысли толпились въ головѣ моей и далеко за полночь я спалъ забываться. Но сонъ мой былъ прерываемъ ужасными сновидѣніями. Трепещущій отецъ и ужасная мать задавленнаго мальчика представлялись мнѣ. Къ утру я заснулъ очень крѣпко и когда проснулся, то человѣкъ доложилъ мнѣ, что приходилъ вахмистръ и требовалъ меня въ присутствіе. Это меня поразило. Не знавши дѣлъ такаго рода — новичекъ въ мѣстахъ присутственныхъ, я оробѣлъ, и поспѣшно сталъ одѣваться. Одѣвшись, отправился. Подхожу къ крыльцу, меня встрѣчаетъ приказный съ презамараннымъ перомъ за ухомъ:

«что вамъ угодно? что вамъ угодно? можете къ намъ отнестись.» — Я, не говоря ни слова, пошелъ вверхъ, куда меня велъ высокій вахмистръ. Вошедши въ первую комнату, взорамъ моимъ представилось новое невиданное зрѣлище. Я описалъ бы впечатлѣніе, которое произвелъ на меня сонмъ приказныхъ, нагнувшись, сидящихъ у зеленыхъ столовъ; но угрюмый видъ Секретаря и стеклянная дверь, сквозь которую робкія мои очи видѣли присутствующихъ, заставляютъ меня говорить о дѣлѣ. Секретарь не обращалъ на меня большаго вниманія, онъ сидѣлъ и читалъ, изрѣдка бросая тощіе и томные взгляды на просителей и, казалось, испытывалъ терпѣніе предстоящихъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ, какъ идетъ дѣло?

Секр. (*Окруженный бумагами — читаетъ.*) Да вотъ смотрю все, какъ приступить къ вашему дѣлу; такъ важно, что не мудрено попасть туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Я все ее читаю. — Онъ подалъ мнѣ въ сторонѣ лежавшую бумагу, самъ продолжалъ читать. — Это было объявленіе Земскаго.

При всемъ томъ, что я зналъ свою невинность. Я оробѣлъ не много. Секретарь съ улыбкою всякому кланялся, а ко мнѣ относился только о важности дѣла и о издержкахъ... Зазвенѣлъ колокольчикъ, входитъ солдатъ и, выслушавъ слова судьи, объявляетъ: Г. Военно-служащій, пожалуйте въ присутствіе. Робкими шагами вошелъ я за стеклянную дверь и приближился почтительно къ особѣ, занимавшей главное мѣсто.

Судья. Вы Господинъ Военно-проѣзжій, задавившій мальчика въ селѣ?

Я. Я-съ.

Суд. Позвольте узнать ваше имя, фамилію, чинъ.

Я. Александръ Степановичь, Прапорщикъ полку....

Суд. Фамилія ваша?

Я. Сибиряковъ.

Суд. Позвольте посмотрѣть вашу подорожную.

Я. Я ее не имѣю.

Суд. Какъ не имѣете? съ чѣмъ же вы ѣдете?

Я. Я ѣду просто, на своихъ лошадяхъ.

Суд. Такъ это дѣло приметъ другой

оборотъ. Извольте идти. — Умничанье Судьи меня не много разсердило. Я спросилъ его: позвольте узнать мнѣ, какъ скоро я буду свободенъ? Мнѣ очень нужно быть въ Москвѣ.

Суд. Вамъ, сударь мой, едвали скоро выѣхать. До того времени, покуда не произведется слѣдствіе и я не получу отношенія изъ вашего полку, вамъ нельзя отправиться, вы должны жить здѣсь.

Я. Позвольте узнать, какъ я долженъ принимать слова ваши?

Суд. Какъ вамъ угодно.

Я. Но могу ли просить я. . .

Суд. Никакъ-съ. Дѣло требуетъ изслѣдованія.

Я вышелъ изъ присутствія. Зазвенѣлъ колокольчикъ и туда позвали Секретаря.

Вѣрно будетъ толкъ, говорилъ я самъ себѣ. Секретарь моя сторона. Я смотрѣлъ въ стеклянныя двери, между тѣмъ какъ приказные, возлѣ сидѣвшіе, разсыпались въ остротахъ другъ надъ другомъ. Такъ напримѣръ, вотъ этотъ рябой говорилъ своему товарищу: ты

братъ во фракѣ, продаешь печены раки. Почемъ десятокъ? — Весь столъ хохочетъ. А ты, братъ, отвѣчалъ сей, въ сюртукѣ, вѣрно сей часъ былъ въ кабакѣ? Не складно, не складно! говорилъ черный рябой; совралъ, не выучился. Весь столъ опять захохоталъ. Я спросилъ, кто такой этотъ остряк? — Мнѣ отвѣчали что «приказно-служащій - потѣшатель». — Они что-то опять начали острить, а между тѣмъ Секретарь вышелъ. Я подхожу къ нему, справляюсь, какъ идетъ мое дѣло?

Сек. То-то язычекъ-то по короче держите. Вы должны здѣсь жить долго. Будутъ производить слѣдствіе. Сдѣлаютъ отношеніе въ полкъ, а до тѣхъ поръ вы должны жить здѣсь — жить, какъ подозрительный...

Я. Такъ послѣ этаго позвольте вамъ сказать, что вы безъ подозрѣнія безчестный человѣкъ. Вы видите, что я долженъ ѣхать, и ѣхать скоро, такъ потому вы и слѣдствія и отношенія теперь вздумали... Какъ вамъ нестыдно!

Секр. Умѣрьте гнѣвъ вашъ; вы говорите съ Секретаремъ.

Я. Съ безчестнымъ человѣкомъ.

Секр. Господа служащіе! извольте прислушать: меня называютъ безчестнымъ человѣкомъ.

Рябой черный. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвался?

Секр. Вы воръ, Г. Балакеревъ.

Черн. Отъ чего?

Секр. Вы лжете, а кто лжетъ, тотъ и крадетъ.

Черн. Такъ вы мерзки, Г. Секретарь.

Секр. Отъ чего?

Черн. Вы дерзки, вы мерзки. Складно и ладно, съ подлиннымъ вѣрно.

Огорченный, разсерженный, оставилъ я храмъ правосудія и поспѣшалъ восвояси. По этому дѣлу я жилъ въ городѣ четыре дни. Скука была ужасная. Наконецъ Судья потребовалъ меня къ себѣ и, послѣ разстановочнаго періода о важности и опасности моего дѣла, онъ присовокупилъ слѣдующее заключеніе. Человѣка вашего я не могу отпустить, какъ виновнаго. Вы правы; это свидѣтельствуетъ и кучеръ. Но все мнѣ не

должно бы было васъ отпускать, потому что вы не имѣете вида для проѣзда. Вы можете ѣхать, разумѣется, удовлетворивъ отца задавленнаго мальчика деньгами. — Деньги уже отданы, и всемъ симъ вы обязаны, одному молодому человѣку, Турчанкину Греку. — Какимъ этo образомъ? спросилъ его я. Просто, отвѣчалъ онъ; этотъ молодой человѣкъ извѣстной фамиліи, очень хорошо знаетъ васъ, и, по его удостовѣренію, вы совершенно свободны и можете ѣхать. Деньги онъ надѣется получить съ васъ при удобномъ случаѣ; больше сказать я вамъ не могу ничего и не знаю.—Тщательно старался я вывѣдать, кто такой этотъ Грекъ, но напрасно. Судья говорилъ, что онъ и самъ его знаетъ лично подъ симъ именемъ. Я написалъ къ Греку слѣдующую записку и просилъ отдать ему, если только можно:

Милостивый Государь! Поступокъ вашъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Къ сожалѣнію я не знаю вашего имени и не могу лично благодарить васъ.

Я удивляюсь участію, которое вы во мнѣ принимаете. Не знаю, что значитъ ваша таинственность, но какъ бы по ни было примите, милостивый государь, дань сердечной благодарности; смѣю увѣрить васъ, что я во всю жизнь буду считать за первую себѣ обязанность найти случай достойно отблагодарить васъ. Вами совершенно обязанный

Александръ Сибиряковъ.

ГЛАВА XVIII.

Сибиряковъ продолжаетъ путь. Пріѣздъ его въ деревню къ дядѣ.

Отдавши письмо, я просилъ убѣдительно доставить оное неизвѣстному благодѣтелю и, поблагодаривъ Судью за его ласки и снисхожденіе, я думалъ о дорогѣ. Кучеръ мой былъ взятъ и посаженъ куда-то не знаю. Человѣка я отправилъ къ батюшкѣ, почему нанявъ извощика, я продолжалъ путь. Одинъ уже разъ испытанный я сдѣлался осторожнѣе. Полемъ ѣхалъ довольно скоро, селами шагомъ и самъ посматривалъ со стороны на сторону. Въ дорогѣ одно и то же встрѣчалось мнѣ; тѣ же кусточки, тѣ же рѣки и ручейки; лишь болѣе попадалось песку и менѣе зелени. Между уѣзднымъ городомъ и губернскимъ жилъ родной братъ моего отца Дмитрій Ивановичъ, лелѣемый своею половиною и десятилѣтнею дочерью. По приказанію отца,

я долженъ былъ непремѣнно къ нимъ заѣхать, и, соображаясь со временемъ, или ночевать, или кормить, — что я и исполнилъ. Было уже пять часовъ по полудни, когда я доѣхалъ до деревни моего дядюшки. Селенье было на ровной долинѣ, съ двухъ сторонъ опушенной лѣсомъ, посреди которой протекала рѣка и раздѣлала селеніе на двѣ половины. Мнѣ были очень рады. Удивлялись, какъ я пріѣхалъ нежданно нѣвѣданно; спрашивали о здоровьѣ Юліи у насъ гостившей, — всѣхъ родныхъ и чужихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; любопытствовали о хлѣбѣ, о урожаѣ, цѣнѣ,— о привольѣ стадъ, о поставкѣ, и проч. и проч. Наконецъ, когда кончили мы свои разсужденія о мужикахъ и скотахъ, я объяснилъ имъ все дѣло. Они много дивились, удивлялись и кончили тѣмъ, что: «это твоя неопытность, ты виноватъ первое, зачѣмъ задавилъ мальчика.» Чѣмъ же я виноватъ здѣсь? «Второе, зачѣмъ далъ Секретарю полуимперіалъ; третіе, зачѣмъ сказывалъ ему, что очень нужно ѣхать; четвертое, зачѣмъ съ Судьею не объяснился получше; пя-

тое, зачѣмъ отослалъ человѣка.« Они много припушали мнѣ въ вину; старики вѣдь опышнѣе. Насталъ вечеръ. Начались новые разговоры. — Но пора познакомить Читателя съ моимъ дядюшкою и тетушкою. Иванъ Дмитріевичь былъ человѣкъ высокаго роста, но лѣта понизили немного его колоссальность. Онъ былъ суроваго нрава, настойчивъ, добръ, несговорчивъ, довольно воспитанъ, но только для минувшаго вѣка и для своего круга. Лице его всегда было покрыто румянцемъ; онъ не румянился ни карточками, ни порошками, но... Читатель завтра увидитъ его румяны: дядя мой былъ патріотъ и терпѣть не могъ ничего иностраннаго. Въ продолженіи вечера онъ говорилъ со мною о войнѣ двенадцатаго года, понятія о которой онъ имѣлъ совсѣмъ несходныя съ батюшкой. Въ продолженіи разговора не разъ мы тревожили газеты того года, сравнивали, говорили о могуществѣ Россіи и проч. и проч. Онъ раза два принимался бранить меня, когда я говорилъ въ пользу иностранцевъ, и если рѣчь шла о мануфактурѣ,

то онъ всегда представлялъ въ примѣръ: болѣе и болѣе совершенствующуюся сельскую промышленность, которая въ его деревнѣ, подъ вѣдѣніемъ Министра всѣхъ дѣлъ — Василисы Григорьевны, значительно процвѣтала. Если шло дѣло о сукнѣ, то онъ представлялъ мнѣ свой жилетъ, сшитый изъ бывшихъ на немъ панталонъ при Кагульской битвѣ и сюртукъ синяго цвѣта, сшитый имъ три года тому назадъ, на коемъ не видно было ниже пропирки, кромѣ перемѣны цвѣта. Тетушка мало разнилась отъ моей маминьки, но грубость въ ней деревенская была еще въ высшей степени. Сестра Юліи — Евгенія—дѣвочка десяти лѣтъ, избалованная, деревенская была сколкомъ съ своей маминьки. Было уже поздно, когда заговорили о ночлегѣ.

Тетушка. Завтра мы ѣдемъ въ боръ, не хочешь ли и ты съ нами?

Я. Нѣтъ, тетушка, мнѣ не льзя. Мнѣ надо поспѣшать въ Москву, иначе поѣздка будетъ напрасна; деревню кто нибудь купитъ другой. Папинька шутить не будетъ.

Дядя. Помилуй, батюшка, что это вы съ отцемъ-то торопитесь! Вѣдь переторжье будетъ въ концѣ Августа.

Я. Какъ въ концѣ Августа? Папинька говорилъ что въ...

Дядя. Слѣпы вѣрно вы. (*Надѣвъ очки, взялъ газеты и читаетъ*) «Сроки торгамъ назначены: двадцать шестаго Іюня, второй двадцать шестаго Іюля и третій двадцать шестаго Августа.»

Я. Какъ, неужели папинька ошибся?

Дядя. Да, вѣрно что такъ! Старъ воробей, а сѣлъ на мякину.

Тѣтинька тотчасъ опять начала говорить о завтрешней поѣздкѣ. Долго не соглашался я, наконецъ, по усильнымъ просьбамъ, далъ слово, и мы разошлись по своимъ спальнямъ въ лестной надеждѣ ѣхать по грибы. Сонъ долго не посѣщалъ меня. Я думалъ о превратности жизни, видѣвъ себя уже нѣсколько разъ превращеннымъ въ продолженіи краткаго моего существованія. Думалъ о родимеляхъ и не помню, на чемъ остановились мысли мои, когда я забылся и... уснулъ.

ГЛАВА XIX.

Охота.

Сборы въ боръ по грибы. Деревенскія хозяйственныя причуды и фарсы Помѣщика. Забавный разговоръ дамъ. Описаніе поѣзда. Несчастное приключеніе. Суматоха. Отъѣздъ Сибирякова.

Рано проснулись люди Дмитрія Ивановича въ назначенный день для охоты. Изъ сараевъ вывозили экипажи, перетягивали и переправляли, чистили лошадей, подмазывали колесы и приносили ябруи. Между тѣмъ какъ въ домѣ дѣвочки и дѣвки, женщины и старухи, суетились, перебегая изъ одной комнаты въ другую. Наконецъ барыня встала и весь домъ проснулся. «Не забудь-же ни ветошки, сказали хозяйка дома, къ прошедшей дѣвушкѣ, а то оттуда пошлю, и пѣшкомъ сходишь; позовипе ко мнѣ Домну. Ахъ! да кажется,

день-то немного нахмурился, продолжала она, смотря въ окошко; вонъ тучка, а это вотъ чистое облачко, авось не будетъ дождя! »Въ то время вошла толстая женщина. На головѣ у ней была высокая повязка съ двумя рогами. Кофта была изъ фаты, а юпка поласушечная. Она держала въ рукахъ множество ключей, на кольцѣ звенѣвшихъ, и дожидала приказа своей барыни, между тѣмъ какъ сія послѣдняя причесывала себѣ голову.—Послушай Домна, сказала Василиса Григорьевна, все ли ты приготовила, не забыла ли чего?—Кажется, все, сударыня, отвѣчала Домна. —Смотри, чтобы боченки были чисты, лавровый листъ, смородинный, соль истолочь помельче, по осторожнѣй, а не сорить; тьмину и всѣхъ снадобьевъ... да чтобы дѣвки-то были готовы. Не вздумали бы онѣ идти въ башмакахъ; нѣтъ, это не по нашему достатку; кто хочетъ босой, а кто такъ въ лапоткахъ; пищи взять дни на два,—ужь это о себѣ сами заботьтесь; а хлѣбы, я думаю, въ застольной есть готовые, да ужь-то сами... Ну, поди, позови ко

мнѣ Ваньку. — Между тѣмъ вышелъ Дядюшка и я. Дмитрій Ивановичъ былъ въ нанковомъ сѣромъ сюрпукѣ, съ колпакомъ на головѣ, я былъ въ венгеркѣ.— Распорядилась ли ты, Василиса Григорьевна? спросилъ Дмитрій Ивановичъ.— Сей часъ прикажу повару; а ужь объ лошадяхъ-то и собакахъ изволь приказывать самъ.—А! вѣрно лѣнь, отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, засмѣявшись; или это не бабье дѣло. Вамъ бы вотъ грузди, да рыжички; а зайчики, зайчики — ахъ русачки, ахъ вы быстрые! ату его! ату его! ату его!.. Что это ты, батюшка! вѣдь ты не въ лѣсу, такъ гаркаешь, сказала удивленная Василиса Григорьевна. — Милый! эй милый, закричалъ Дмитрій Ивановичъ. Милый!— Что прикажете, сударь? спросилъ вошедшій слуга въ бѣломъ холстинномъ платьѣ.—Подай водки алой!—Да гдѣ она, сударь, стоитъ?—Ахъ, братецъ, въ поставѣ.—Да чертъ ли ее тамъ поставилъ, сударь? — Ай, да Тимошка! Браво, браво! Вотъ ужь по Московски! люблю за это, сказалъ Дмитрій Ивановичъ, восхищенный пошлою остротою своего

камердинера. — Ну хорошо, хорошо! дай же сюда настоечки и трубку поскорѣй, да позови ко мнѣ Машку. — Пришла дѣвица, хорошенькая собой, въ красномъ набойчатомъ платьѣ, на босу ногу въ развалившихся туфляхъ, и стала около косяка передней двери. Между тѣмъ принесли настойки и большую деревянную съ оправою красной мѣди трубку, съ коротким калиновымъ чубукомъ. Дмитрій Ивановичь выпилъ двѣ рюмки, поморщился и закусилъ кускомъ хлѣба, лежавшимъ на подносѣ, сѣлъ у окошка, закурилъ трубку и пюстюнный фиміамъ разстилался слоями по комнатамъ. — А! Машка, сказалъ баринъ, ну что, была ли ты.... да гдѣ барыня? позовите ее сюда... — Дѣвушка вышла и опять вошла съ Василисою Григорьевною. — Послушай, матушка, сказалъ Дмитрій Ивановичь, обращаясь къ хозяйкѣ, кто же грузди-то тамъ солитъ будетъ? — Марья; отвѣчала Василиса Григорьевна. — Ну хорошо, продолжалъ баринъ, улыбаясь; да спрашивала ли ты ее, была ли она въ банѣ-то? — И.... и.... Дмитрій Ивановичь, какъ тебѣ это въ

голову войдетъ! — Смотри какая! да вѣдь это необходимо, продолжалъ баринъ, засмѣявшись, иначе всѣ твои груздочки... прощай!.. всѣ прокиснутъ! — Что это ты такой вздоръ мѣлешь! Ужь грибы прокиснутъ! сказала хозяйка. Ступай Марья, продолжала она. Какъ ты, Дмитрій Ивановичь, не осторожень! Какъ говорить это при дочери! вѣдь хорошее-то мимо, а дурное какъ на днѣ тонетъ. Да что ты, нашъ Москвичъ, такой задумчивый? поди-ка ко мнѣ, спросила Василиса Григорьевна, обращаясь ко мнѣ, что ты, или не здоровъ?—Нѣтъ, я здоровъ, слава Богу, былъ отвѣтъ мой; я думаю, скоро ли пріѣдутъ сосѣди наши, да хорошо ли время?—Не бойся, они насъ не задержатъ; Марфа Васильевна смертельная охотница до охоты, а Гаврило Тимофѣевичь, хотъ бы и не хотѣлъ, да пріѣдетъ, чтобы сдѣлать уваженіе твоему батюшкѣ; вѣдь онъ, милый мой, между нами будь сказано, долженъ намъ двадцать семь тысячъ двѣсти сорокъ пять рублей, такъ хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, а брюхо за хлѣбомъ. Не смотря на то, что онъ

живетъ въ прекрасныхъ покояхъ, и на всяческихъ языкахъ говоритъ и танцы и пиры и маскерады и банкеты водитъ, а все къ Дмитрію Ивановичу прибѣгнетъ въ нуждѣ, — да вотъ бѣда! проценты-то плохо платитъ; другой годъ нѣтъ ни копѣйки, а капиталъ наростаетъ, имѣнье-то скудѣетъ, копить нѣкогда. Ужь я боюсь, вѣдь эта часть назначена Юлинькѣ въ приданое. Вотъ что значитъ новомодное-то воспитаніе! Кабы Мусье-то поменьше бралъ къ себѣ, такъ авось денежекъ-то побольше было; а то что Нѣмцевъ, что Французовъ, Англичанъ, Мадамовъ — все иноземельныя! Да таково ли дорого берутъ! тому тысяча, а той двѣ, здѣсь восемьсотъ, а тамъ еще больше, — такъ вѣдь тысячки-то нынѣче дороги. Нашъ Дмитрій Ивановичъ простоватъ, да торопатъ. Онъ неучъ, а денежки-то копитъ хоть ково такъ поучитъ. Дай Богъ добраго здоровья; онъ не оставитъ безъ хлѣба, будешь и съ имѣньицемъ; а съ умомъ, и безъ Французскаго языка и безъ Нѣмецкаго не пропадешь. Примѣръ недалекъ. На прикладъ, дядюшка

твой ужь пять десятковъ живетъ, а слава Богу — живетъ и добрые люди знаютъ.—И только, что живетъ? возразилъ я. Нѣтъ, тетушка, нынче свѣтъ другой. Хорошо дядинькѣ жить въ деревнѣ, а быть въ обществѣ, въ столицѣ безъ образованія, невозможно. Вѣдь не переиначите общаго обыкновенія: всѣ говорятъ по Французски и вы, если хотите быть знакомы съ кѣмъ нибудь, должны говорить по Французски. Хорошо въ деревнѣ — Евгенія ходитъ въ этихъ тряпкахъ — такъ дѣвченки ходятъ! — Я знаю, закричалъ дядя, что въ этихъ проклятыхъ пансіонахъ не научатъ доброму... Молокососъ! тебѣ ли учить насъ, я, слава Всевышнему, пожилъ, а у тебя материно молоко на губахъ не обсохло, да ты ужь учишь. Я тебя переиначу. Ахъ Французы! перемудрили головы молодежи нашей! Таковъ вѣкъ! видишь какой вѣкъ... вѣкъ вашъ дураковъ! Посмотри схватятся, за старинку, да ужь поздно. — Да и послушай Саша, начала Василиса Григорьевна, будутъ денежки, будутъ и знакомые. Нынче

вездѣ ученые да Французы, плюнуть не куды, а съ достаточкомъ-то разъ два, да и обчелся. — Она хотѣла продолжать, но подъѣхавшая карета прервала рѣчь ея. — Это онъ, онъ — Гаврило Тимофѣевичь, проговорила Василиса Григорьевна и, оборотясь къ Евгеніи сказала: поди, причешись, что ты сидишь чучелой-то, фефела. Евгенія побѣжала.— Въ это время вошелъ довольно пожилой мужчина, съ почтенною наружностью, въ синемъ фракѣ, съ свѣтлыми пуговицами и съ шляпою. Онъ подошелъ къ рукѣ хозяйки, пожалъ руку Дмитрія Ивановича и сѣлъ подлѣ стола, на большія креслы. — Здоровы ли вы, Гаврило Тимофѣевичь, ужъ давно мы не видались? — Слава Богу, сударыня, намъ нельзя часто-то видаться; обязанность по воспитанію дѣтей моихъ заставляетъ болѣе жить въ столицахъ. Что дѣлать! ужъ такова отцовская должность. — Да, вотъ и нашъ племянникъ-то ѣдетъ въ Москву. Это сынъ брата Ивана Ивановича, сказалъ хозяинъ. — Кто бы могъ подумать, отвѣчалъ гость, чтобы у Ивана Ивановича былъ сынъ уже такихъ

лѣтъ.—Да вотъ не такъ-то я имъ доволенъ, продолжалъ дядя, посмотрѣвъ на меня: эти Нѣмцы иностранцы, главному-то и не учутъ корню счастія — бережливости. Куда я не люблю иностранцевъ! Онъ понюхалъ табаку и потомъ, перемѣня тонъ, спросилъ гостя: каковы хлѣба-то, Григорій Тимофѣевичь? — Не могу сказать, отвѣчалъ гость: мѣстами хороши, а гдѣ не такъ-то. — Нѣтъ, намъ нечего Бога гнѣвить, сказала хозяйка, рожь прекрасная, зерниста; а солома потребляется для месива, да въ часъ сказать, и умолотиста.—А гречишка-то какова?—Эта хороша, отвѣчалъ гость, и крупна и зерниста.— У насъ, прибавила Василиса Григорьевна, нынѣшній годъ гречишка славная и зерномъ и крупна, да и мякината хороша; Марфа говоритъ, что свиньи такъ ѣдятъ ее, что твои высѣвки.— Гость улыбнулся, а я, покраснѣвъ, вышелъ изъ комнаты.—Вотъ ужъ ты, Василиса Григорьевна, и заболталась, говорилъ важно Дмитрій Ивановичь; заговорила объ Адамѣ, а дошла до собаки. . . ба, ба, вотъ и Марфа Васильевна!—

Вели жена что нибудь позавтракать.— Вдругъ вбѣгаетъ дама среднихъ лѣтъ и по виду ей не болѣе казалось, какъ тридцать. Она была въ шляпкѣ суроваго коленкора, въ черномъ атласномъ платьѣ, въ маленькомъ бережевомъ плашочкѣ и съ сафьяннымъ ридикюлемъ. Поздоровавшись съ хозяиномъ и мущинами, она спросила, скоро ли ѣдутъ? Скоро, скоро, отвѣчала хозяйка; сей часъ подадутъ завтракъ и отправляемся. — Человѣкъ! давайте закуску. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, Марфа Васильевна? — Что со мной дѣлается, отвѣчала гостья, я слава Богу! Вы какъ съ дочькою-то?— Да вотъ какъ видите, отвѣчалъ Дмитрій Ивановичь. Давайте скорѣй завтракъ!— Супругъ вашъ забылъ совсѣмъ деревню.— Пусть его, онъ Москву полюбилъ, отвѣчала Марфа Васильевна; у меня и безъ него и при немъ все весело; вчерась я ужь помыкалась... Вообразите Дмитрій Ивановичь, съ пятаго часа утра до четвертаго вечера я охотилась въ Вилуйскомъ и не понапрасну, двадцать штучекъ — прекрасныхъ зайцовъ. Ну вотъ такъ, это не напрасно! — Завш-

ракъ готовъ, милости просимъ! сказала хозяйка, и общество отправилось въ залу. Тамъ на полукругломъ столѣ, покрытомъ синею скатертью, наставлены были разныя яства, какъ то: кипѣвшія сосиски на сковородѣ, копченая вѣтчина, окорокъ буженины, кишки чиненыя кашей, легкое съ горломъ, печенка, кислое молоко, холодный поросенокъ. На краю стола стояли два графина съ ерофеичемъ и водкою и три бутылки съ разными наливками. На тарелкѣ возлѣ лежали маленькіе кусочки хлѣба, лукъ и чеснокъ. — Милости просимъ, прошу покорно! — Гости усѣлись возлѣ стола, а я и Гаврило Тимофѣевичь ходили по комнатѣ; мнѣ онъ чрезвычайно понравился.—Прошу покорно Гаврило Тимофѣевичь, сказалъ хозяинъ. — Вѣдь ты настоички не пьешь, ерошки не жалуешь, такъ вотъ водочки. — Гость подошелъ и выпилъ рюмку. — Ну Васюта, что это за закуску ты изготовила! — Да, здѣсь свиньи не послѣднюю роль играютъ, сказала Марфа Васильевна; къ слову... О! эти Нѣмцы, какъ я ихъ не люблю! а народъ искус-

ный. Кому какъ покажется это, что Нѣмецъ сдѣлаетъ три блюда изъ свиньи, а она останется жива... Какъ это, спросила Марфа Васильевна? Да вотъ разгадайте.—Гаврило Тимофѣевичь, что ты расходился? послушай-ка, вотъ здѣсь что Нѣмцы-то дѣлаютъ. Ужь сошлись эти двое да и не разойдутся. Послушайте-ка, вотъ здѣсь чудеса какія... Да, братъ, прибавилъ хозяинъ, чудеса заморскія! Нѣмецъ изъ живой свиньи сдѣлаетъ три блюда, а свинья жива. — Въ самомъ дѣлѣ это странно. Какъ же это? сказалъ Гаврило Тимофѣевичь. — Ну вотъ разгадайте, ученые люди! Словъ не много, а странно! — Какъ же это, спросила Марфа Васильевна, ужь тутъ какія нибудь да фокусы?—Какіе фокусы! Просто выпуститъ изъ нее крови, надѣлаетъ сосисекъ, вотъ и обѣдъ и ужинъ. — Да! ну это просто, сказали дамы. — Просто, какъ вамъ сказали, а до этаго вы не знали. Послѣ все просто.—Гаврило Тимофѣевичь! побесѣдуй-ка съ нами. — Какая бесѣда, сказала Марфа Васильевна, надобно поскорѣй ѣхать; слышите, бьетъ одиннадцать

часовъ. — Человѣкъ, готовы ли лошади? спросила Василиса Григорьевна. Ихъ еще, сударыня, не закладывали. Какъ не закладывали? вели поскорѣй; ахъ скоты какіе! закричали и мужъ и жена и Марфа Васильевна. Сей часъ, сей часъ, сказалъ человѣкъ и побѣжалъ опромѣтью. — Василиса Григорьевна начала извиняться съ хозяйскою улыбочкою и деревенскими ужимками въ скудности своей закуски, прибавивъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, прошу не осудить. — Знаете-ли, Василиса Григорьевна, сказала Марфа Васильевна, я вамъ разскажу исторію, послушайте-ка. Въ Москвѣ, или въ Петербургѣ кто-то сочинилъ романъ, какой-то мерзавецъ. — Вы вѣрно это говорите объ Англійскомъ Милордѣ? перехватила ее Евгенія; напрасно, онъ очень хорошъ. — Какой Милордъ, сударыня, продолжала опять, это Богъ знаетъ какъ называется, какъ-то мудрено... Тамъ всѣ представлены и вы, и я — всѣ въ смѣшномъ видѣ. Про меня говорятъ, что будто я за зайцами ѣзжу одна съ дворовыми людьми; про Француза моего, что онъ у меня вмѣсто сына ходитъ

за собаками, — такой вздоръ, что это ужасъ. Про васъ, Василиса Григорьевна, будто вы были гдѣ-то на балу...

Василиса Григорьевна. Ну что же? была, и еще нѣсколько разъ буду, и свой имѣю... могу дать...

Марфа Васильевна. Да вотъ послушайте: будто вамъ подаютъ артишоки, вы взяли соусу (*смѣется*) да...

Вас. Григ. Вотъ ужь никогда я архиштуки не ѣмъ съ соусомъ; вретъ, кто это сочинилъ, или ужъ вашъ грѣхъ, Марфа Васильевна. (*Марфа Васильевна еще болѣе смѣется.*) Вы сочинили, вы, сударыня; это ваша выдумка, да на Петербургскихъ сваливаете, будто я ѣмъ архиштуки съ соусомъ? Господи Боже мой, у насъ въ домѣ постоитъ этаго, Марфа Васильевна. А какъ вы... (*смѣется*).

Вас. Григ. Ну что еще, выдумщица, сударыня?

Мар. Васил. А какъ вы начали спаржу ѣсть, да... (*хохочетъ*).

Вас. Григ. Полно-те, сударыня, я не корова спаржу ѣсть; полно-те, ужь не кстати много выдумываете.

Онѣ долго смѣялись и говорили. Одна сердилась, а другая смѣялась этому. Наконецъ разговоръ обратился на сосѣда.— Василиса Григорьевна развеселилась и всѣмъ свидѣтелямъ клялась, что сосѣдъ ѣлъ спаржу и артишоки съ соусомъ.

Это правда, сказалъ Гаврило Тимофѣевичъ, нынѣче у насъ такъ много появилось нравственно-сатирическихъ романовъ, что если бы они описывали не глухихъ и не безграмотныхъ, то вѣрно бы скоро послѣдовало исправленіе. Мало того, что пишутъ романы, во всѣхъ журналахъ опредѣлили особенное отдѣленіе на описаніе нравовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ есть довольно острые анекдотцы, но за то въ другихъ... Хорошіе къ дурнымъ относятся, какъ одинъ къ пятидесяти. —

Вас. Григ. Что это вы говорите — одинъ написалъ пятьдесятъ романовъ? все вотъ такіе, какъ Марфа Васильевна говорила. Это по дѣламъ: сосѣди наши, особо Трифановы и Ракулаговы такіе неучи, что всему свѣту надъ ними надобно смѣяться; они-то вотъ ѣдятъ архиштуки съ соусомъ и жуютъ спаржу...

Продолжались разговоры о скотномъ дворѣ, дешевизнѣ хлѣба, о пансіонскомъ ученьѣ, о томъ, что дѣти въ присутствіи родителей, не знающихъ по Французски, не должны говорить на этомъ языкѣ, — потому, какъ прибавила Василиса Григорьевна, онѣ могутъ порочить родителей, а сіи, не понимая словъ ихъ, будутъ, молча, слушать. — Гаврило Тимофѣевичъ ходилъ почти во все время со мною. Дядя бесѣдовалъ съ настойкою и ерошкой, а Марфа Васильевна разсхваливала своихъ гончихъ и кривые пирошки съ заячьимъ фаршемъ и лукомъ, въ соленой водѣ вареные. Наконецъ лошади были готовы. Вошедшій человѣкъ доложилъ, что экипажи поданы. — Насилу-то, сказала Марфа Васильевна; поскорѣй, въ жаръ какой выѣзжаемъ. — Хозяева и гости, собравшись, начали выбираться. Сперва подвезли дроги запряженныя тройкой, на нихъ сѣли тринадцать дѣвицъ съ кузовками и мѣшками, иныя босикомъ, другія въ лаптяхъ, съ повязанными головами, назади сихъ дрогъ положили самоваръ, угли, всѣ принадлежности и коробъ, въ которомъ лежали

чашки, завернутыя въ солому. Потомъ подвезли крытые дрожки самаго стариннаго фасона. Это было не что иное, какъ кузовъ малый, почти круглый, висѣвшій на веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ перержавѣвшимъ дрогамъ. Верхъ былъ кожаный, вымаранный передъ отъѣздомъ масломъ, и котораго прорѣхи были зашиты, гдѣ холстомъ, гдѣ китайкой. Это былъ экипажъ моего дядюшки, который былъ въ нанковомъ сѣромъ сюртукѣ и простыхъ легкихъ кожаныхъ сапогахъ. На головѣ имѣлъ онъ бѣлый колпакъ съ красными зубчиками, въ рукахъ трубка и кисетъ. Назади сталъ тотъ самый камердинеръ, который, какъ мы слышали, угодилъ своему барину острымъ отвѣтомъ. Колясочка сія была запряжена парой. Потомъ подъѣхала линейка. Это были двойные дрожки съ накиднымъ кожанымъ верхомъ и холстинными занавѣсками на мѣдныхъ кольцахъ. Хозяйка дома была въ тепленькомъ ситцовомъ капотцѣ и бѣломъ чепцѣ, съ зелеными лентами. Въ рукахъ у ней былъ ридикюль, изъ котораго торчали чулочныя спицы. — Евге-

нія сѣла съ матерью и была въ томъ же платьѣ, въ какомъ мы ее видѣли и по утру, только въ рукахъ у ней была довольно большая корзина, сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ, гдѣ лежало серебро и салфетки. Чай и сахаръ стояли въ ящикѣ около барыни и поодаль отъ Евгенія. Не ужели вы берете корзину для грибовъ? спросила Марфа Васильевна, стоя на крыльцѣ и дожидаясь своихъ дрожекъ.—Нѣтъ, отвѣчала Василиса Григорьевна, гдѣ ужь намъ брать; а такъ, для поощренія прочимъ.—Гаврило Тимофѣевичъ сѣлъ въ свои дрожки. Потомъ подъѣхали бѣговые дрожки Марфы Васильевны; за ней ѣхали четверо верховыхъ, восемь паръ собакъ и телѣга съ провизіей. Наконецъ я сѣлъ на верховую лошадь, и весь сей поѣздъ, съ благословеніемъ Божіимъ, потянулся въ дальній путь, въ боръ — брать груздочки, и недалеко на дачу — поправить зайцовъ. Вотъ двинулись. Время было жаркое. Тихій вѣтеръ едва колыхалъ деревья. Не доѣзжая до церкви, вдругъ показался священникъ. Онъ спѣшилъ, чтобы не помѣшать всему обозу и едва

только вступилъ на дорогу, какъ кучеръ передней повозки закричалъ: батюшка! батюшка! не переходите дорогу. — Какъ? кто это? спросила Василиса Григорьевна, никакъ попъ? — Попъ, сударыня. — Да что онъ? — Перешелъ дорогу. — Какъ! кто? гдѣ? куда? перешелъ дорогу? Попъ перешелъ дорогу?... Ванюшка, Гимошка, Васька! ворочайтесь назадъ, назадъ! Это видимое несчастіе! Попъ перешелъ дорогу... Назадъ, назадъ!... Баринъ закричалъ тоже, — и весь обозъ, приготовлявшійся къ отправленью три дни, поворотили назадъ, потому что священникъ перешелъ дорогу...

Пріѣхавъ домой, Василиса Григорьевна предалась всему жару своей горячности. Досталось тутъ и священнику и бѣдному передовому кучеру. Баринъ, съ сердца, выпилъ три бутылки настойки, задушилъ шутіономъ всѣ покои и съ досады сдремнулъ на томъ самомъ стулѣ, на которомъ бесѣдовалъ съ ерошкой; Гаврило Тимофѣевичъ уѣхалъ домой въ то самое время, какъ все ретировалось. Марфа Васильевна перессорилась съ хо-

злйкою, прибила людей и въ отчаяніи не забыла лишь неизмѣнную водочку. — Вотъ до чего довелъ переходъ дороги священниковъ! Бѣдный, Бѣдный! Сколько ему было упрековъ!... Суматоха продолжалась. Наконецъ и Марфа Васильевна уѣхала; одинъ я долженъ былъ быть свидѣтелемъ всѣхъ сценъ послѣ того происходившихъ. Призвали передоваго кучера и начались допросы.

Василиса Григорьевна. Какъ это ты далъ попу перейти дорогу, ты бы слѣзъ, дуракъ, да за шиворотъ его оттащилъ.

Кучеръ. Помилуйте сударыня, за это въ Сибирь пойдешь. Какъ можно такъ священника? — онъ отецъ нашъ духовный, наставитель.

Василиса Григорьевна. Вотъ я тебя наставлю, Тимошка! Выдрать его — впередъ будешь знать, не на живолъ, а на смерть!

Дѣвкамъ и бабамъ, кучерамъ, лакеямъ и мальчикамъ — всѣмъ досталось. Но оставимъ ихъ; кому пріятны такія сцены?... Я долженъ былъ пробыть весь день. Хозяева были очень не въ духѣ. Проспившись съ вечера, я отпра-

вился рано по утру. Ямщикъ мой не жаловался на то, что я простоялъ два дни у своего дяди; убытку ему не было. Деревня моего дяди отстояла отъ губернскаго города на семьдесятъ восемь верстъ и ѣхавши на своихъ лошадяхъ съ ямщикомъ, которому они были неизвѣстны, я непремѣнно долженъ былъ еще переночевать на дорогѣ и два раза кормить. Время было уже около десяти часовъ, когда извощикъ мой, поворотя въ лѣсъ, сталъ распрягать лошадей и задавать имъ кормъ.

ГЛАВА XX.

Разсказъ извощика о колдовствѣ.

Я сѣлъ на траву и что-то сказалъ про себя довольно громко. Что ты, баринъ? спросилъ меня извощикъ. — Ничего, я отвѣчалъ; я книгу читаю: ты думалъ, я тебя кличу?

Извощикъ. Какую книгу? у тебя никакой книги нѣтъ. Ты и дорогой-то что-то заговаривалъ.

Я. Пустяки, братъ. Такъ, отъ скуки пѣсни пою.

Извощикъ. Какія тутъ пѣсни! Ликъ сдѣлаешь страшный, говоришь шаково ли унывно, — словно вѣдьмовъ да домовыхъ скликаешь. Если въ тея вселилась нечистая сила, я тебя вылѣчу. Видѣли мы эти пустяки!... Признайся, баринъ; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; моя сестра также была... намъ дѣла-то эти знакомы... Я не зналъ, въ чемъ подозрѣвалъ

меня ямщикъ, меня радовало его простодушіе. — Въ церкви-то бываешь ли? спросилъ онъ.

Я. Бываю.

Извощикъ. И до выносу стоишь?

Я. Да, до конца.

Извощикъ. Ой-ли? Не вѣрю, чтобы вамъ простоять до конца. Вотъ сестра-то моя. . . ужь помаялась.

Чтобы убить пустынную скуку и развлечь себя нѣсколько, я просилъ его разсказать мнѣ о сестрѣ своей. Онъ взялъ свой завтракъ, сѣлъ возлѣ меня; я закурилъ трубку и разсказъ начался.— Изволь, Баринъ; ужь на водку-то дашь. Слушай же:

Разсказъ извощика.

Лишь только сестрѣ моей минуло девятнадцать лѣтъ, какъ ворвись въ нее нечиста сила. Дѣвка совсѣмъ перемѣнилась. Не ходитъ ни въ хороводы, ни на посидѣлки дѣвичьи. Сидитъ дома, да молчитъ. Вотъ сталъ ее батюшка спрашивать: что ты, Малаша? али не здорова? такъ мы призовемъ бабушку спрыснуть.—Такъ ничего, батюшко,

она говаривала, у меня немного голова болитъ. — Быть такъ. Отецъ молчитъ и мы ничего не говоримъ. На барщину она не ходитъ. Присмирѣла, слова не молвитъ и все болѣе задумывалась.—Скажи, Малаша, что за кручина у тебя на сердцѣ? я ужь сталъ къ ней приставать. — Ничего, да и только. Вотъ пришла къ намъ какъ-то Васильевна, старушка добрая, царство ей небесное! отецъ и я начали говорить ей: вотъ такъ и такъ. Она намъ и дала совѣтъ: сходите-де къ батюшкѣ Дмитрію, попу въ нашей деревнѣ, спросите его; что онъ скажетъ, тогда ужь я примусь. — Время шло. Маланья наша не перемѣняется. Думаетъ крѣпко, — о чемъ? — Богъ вѣсть; и на свѣтъ не глядитъ, молчитъ себѣ, да и только. Полная дѣвка, какъ соломина высохла. Батька не ходилъ къ попу. А мнѣ какъ идти? не я глава дому. Одиножды ночью — дошло за полночь, я услышалъ шумъ въ курятникѣ. Хлипотня, кудаканье, куры летаютъ, бьются... Я сначала думалъ, что это воръ, или сова. Перебудилъ весь домъ. Мы съ бачькой обступили

двери, а жена начала вздувать огонь. Засвѣтили лучину — и шасть въ двери. Куры за прыгали, побѣжали... подали огню, смотримъ — а это Малаша суетъ голову въ черепокъ! — Я таки вотъ такъ и обмеръ, ажна колѣни подкосились. Всѣ дивуемся, бачька надѣлъ чепанъ, (больно перепугался) бѣжалъ къ попу. Я кой-какъ вызвалъ Маланью изъ чулана. Всѣ трясьмя трясемся. Маланья сидитъ и сапитъ. Пришелъ батюшка. — Что? что сказалъ священникъ? всѣ спрашивали. Бачька былъ сердитъ что-то. Что — баилъ онъ: — отецъ Дмитрій велитъ завтра сводить къ обѣднѣ; да такой ли бранливой, такъ на меня обаполъ и кинулся. Я стучу въ окно: батюшка Дмитрій, батюшка Дмитрій! стучалъ, стучалъ — собаки вотъ такъ и рвутъ, насилу-то открылось окно.— Что ты? спросилъ бачька отецъ Дмитрій. — Бачька говоритъ: не дай погибнуть душѣ безъ покаянья; въ Маланью-то мою дьявольская сила вселилась... душится въ черепкѣ. — Самъ ты дьяволъ, закричалъ отецъ Дмитрій, ходишь ночью тревожишь. — Слово за

слово поругалъ его, да то-то уже, сказалъ, что приводи-де завтра ее въ церкву къ обѣднѣ. — Всю ноченьку мы и глазъ не смыкали. Начало свѣтать. Вотъ ужь и день. Люди спали ходить. Малаша умылась. Бачька велѣлъ ей надѣть празднишну одёжу. Начали звонить къ обѣднѣ. Маланья была все смирна, думала что-то. Мы вышли на задній дворъ, потомъ пришли, хотѣли вести въ церкву — нѣтъ Маланьи; ну вотъ згибла да пропала. — Гдѣ? здѣсь, тамъ пошелъ... нѣтъ нигдѣ.—

»Однако солнце-то ужь какъ своротило, пора закладывать!« и разкащикъ мой началъ впрягать въ телегу ходившихъ на привязи по травѣ лошадей. Какъ скоро все было готово, я сѣлъ, и мы поѣхали. Я просилъ извощика докончить его повѣсть и онъ продолжалъ:

Такъ и пропала она. Искали и на подлавкѣ и въ чуланахъ и въ залавкахъ и вездѣ, — нѣтъ; да ужь Семенъ мой, маленькій сынишка, забѣжалъ ненарокомъ въ конюшню, — пришелъ дрожмя дрожитъ, и молвилъ: бачька! пайка Маланья-та запрегатца. — Я кинулся опро-

метью на дворъ — нѣтъ ничего. Гдѣ же она? — Она въ сараѣ; поди-ко какъ зенкито вылупила. — Мы побѣжали туды и страсть какая! Маланья стоитъ въ стоялѣ, на шеѣ хомутъ, ноги и руки наверху и голова наверху; ужь и не вѣсть, какъ это она умудрилась. Мы ее вытащили; кричитъ въ истошный голосъ. Насилу замолкла. Лежитъ, не ворохнется. Мы заложили телегу, положили ее туда и повезли, а ужь обѣдня идетъ; народъ за нами, что за медвѣдемъ, всѣ мальчики и дѣвочки да паково ли кричатъ: пострѣлъ ихъ возми! — Ну хорошо; пріѣхали къ церкви. Нашу дѣвку ломаетъ: гдѣ голова, тамъ ноги, а гдѣ ноги, тамъ голова; руки и носъ — какъ слѣдовать быть человѣку. — Охъ не то я говорю! — мы ее, знаешь, положили ногами къ головящкамъ, а подвезли къ церкви: у нее голова въ головящкахъ. Ужь какъ она умудрилась? Нечистая сила сильна! Вотъ ввели ее подъ руки въ церкву. Коса у нея распущена, какъ и у всѣхъ дѣвицъ, въ день причащенія. Маланья стояла и молилась. Куда худа была

лицемъ-то, нынче ее не узнаешь: словно колода разполспѣла. Ну вотъ Маланья молится, обѣдня идетъ, народъ смотритъ и ей не въ угоду и не нравится ей, то есть, что на нее народъ смотритъ — стоитъ и робѣетъ, обѣдня идетъ. Вдругъ начала трястись... трясется вотъ какъ листъ; а какъ вышли съ большимъ выносомъ моя Маланья хлясть о земь — и запищала, и завизжала, и залаяла, и по сорочью, и по чеглинному и... Господи упаси! кобенится, одёжу рветъ, волосы рветъ и... хоть святыхъ вонъ неси; народъ разступился всѣ боятся, — то есть такой ужасъ, экая страсть, что и на крылосахъ замолкли, а бачька и семья-то наша стоимъ да моргаемъ. Маланья лежитъ; вдругъ опять начала визжать, мычать, ревѣть — такъ таки вотъ и стонетъ. — Мы ее вынесли изъ церкви и положили на паперти. Она уснула и проспала до самаго конца обѣдни. Привезли домой: нѣтъ никакой перемѣны, такъ же ёжится. Мы доносили объ этомъ Господину, думали, что пришлетъ своего Дохтора, а онъ намъ при-

казалъ сказать: я ее самъ вылѣчу. Мы ждемъ, день и другой и третій ждемъ. Подъ вечеръ въ пятницу приходитъ къ намъ Ванька Сорокинъ и сказалъ: Баринъ приказалъ покормить Маланью березовой кашей и только что молвилъ онъ, Маланья какъ зыкнетъ на него: ты не моги меня сѣчь; я и тебя и всю семью твою перепорчу.— Сорокинъ оробѣлъ, не знаетъ что и дѣлать; не сердись Маланья, говорилъ онъ; я барской приказъ сполна долженъ сдѣлать. — Дѣвка моя съ нимъ раскричалась. Сорокинъ изъ страха что ли не высѣкъ ее, а сказалъ, что высѣкъ больно крѣпко. — Вотъ прошла молва, что Маланья-де колдунья и что не ее сѣчешь, а тѣнь ея. Баринъ и услышь это: «Какъ еще чертъ не вылезъ изъ нее? Лозъ! приведите ее на барской дворъ!» Ее и привели. Она или себѣ въ угоду, или ужь окоянный говорилъ, что не меня высѣчете, а тѣнь мою. — Хорошо, говорилъ баринъ. Ребята нуте-ка! да какъ пошелъ, да какъ пошелъ!... Маланья сперва крѣпилась, потомъ и начала пощады просить. Такая дура, вѣдь

призналась, что притворяется. Баринъ посмѣялся, мужики посмѣялись — тѣмъ и кончилось. Дѣвка ходила на барщину и отправляла всѣ работы, какъ слѣдуетъ; но тоска не сходила: все еще о чемъ-то думала. Мы видимъ, что дѣвку пушья не вылѣчатъ. Просили старуху, чтобы ее спрыснула: къ намъ и пришла Василиса — ворожея и лѣкарка добрая. Осматривала, шептала, ходила кругомъ Маланьи, (Учена была покойница.) и объявила намъ, что въ Маланьѣ-де чертъ сидитъ... Она только что молвила, сестра и заковеркалась. «Это ее нечистый ломаетъ.» Глядь она усмирѣла; а чертъ и началъ говорить: «Я нечистый? ... вы чисты больно! Помните, какъ ваша Маланья шла поздно вечеромъ съ поселка.» Опять заковеркалась, опять завизжала. — Ужь старуха-то намъ доказала. Вотъ видишь ли баринъ: Маланья была на свадьбѣ. Женился Климъ сынъ Панфила на Маринѣ Степановой дочери, и Степанъ и Климъ оба люди не добрые, и отцы ихъ Ѳедосей и Анпипъ люди были злые. И объ дѣдахъ Ѳадеѣ и Дулбнякѣ — такъ звали Ваську нагаго Ники-

пина сына. Мужики были зажиточные, ворожеи. Вотъ шла она путемъ дорогою и надобно ей переходить черезъ мостъ; вотъ и видитъ она, что подъ мостомъ теплится свѣчка. О нѣтъ! это нечистый, молвила Маланья и шла впередъ. Вдругъ бѣжитъ свинья большущая, болыше двухъ лошадей — (эка страсть какая!) — такъ и претъ на Маланью, да какъ пырнетъ ее — Маланья и съ ногъ. Сотворила крестъ, свиньи уже не было. Встаетъ наша дѣвка, идетъ и робѣетъ. Темнота, сги Божіей не видать; вдругъ Маланья почувствовала, что попала въ веревку; щупаетъ, а веревка ее все обвиваетъ и обвиваетъ. Маланья сотворила молитву — и все кончилось. Вотъ добрела она кой-какъ домой — да съ той-то ночи она и стала все задумчивѣй и задумчивѣй. — Дай Богъ царствіе небесное Власьевнѣ! Она вылѣчила дѣвку. Тутъ извощикъ замолчалъ, ибо было уже поздно.

ГЛАВА XXI.

Ночлегъ. Ночный разговоръ постояльцевъ. Продолженіе разсказа извощика.

Первая деревня встрѣтившаяся должна была быть нашимъ ночлегомъ. Не проѣхали мы и версты, какъ передъ нами явилось небольшое сельцо, гдѣ мы, по общему согласію, и остановились. Въѣзжаемъ на дворъ большой чистой и уставленный телегами; извощикъ мой отыскалъ мѣстечко подъ навѣсомъ, гдѣ и расположился. Я не хотѣлъ входить въ избу и легъ въ бричкѣ, устроивъ себѣ постелю, между тѣмъ какъ около меня шептали рои мужиковъ и мелькали хозяева съ своими фонарями. Вечеръ былъ тихій. Сонъ долго не приходилъ ко мнѣ. Я размышлялъ, принаравливалъ, выводилъ, соображалъ и — все не опредѣленно. Будущее неизвѣстно, а жизнь не испорія. Долго лежалъ я и лишь

только началъ забываться, какъ послышался мнѣ голосъ, и я, обративъ на это вниманіе, услышалъ слѣдующій разговоръ двухъ мужиковъ, почти возлѣ моей кибитки лежавшихъ:

1. А я въ Клявинѣ встрѣтился съ однимъ бариномъ — ужъ какъ бы я желалъ теперь его встрѣтить!

2. А что?

1. Да онъ безъ памяти любитъ одну барышню, которая мнѣ очень извѣстна; тогда баринъ меня скоро услалъ и я не имѣлъ времени съ нимъ перемолвить, а сказалъ мнѣ объ этомъ человѣкъ его.

2. Какая это барышня?

1. Помнишь ты, у насъ она была съ матерью въ городѣ, на прошлой ярмаркѣ.

2. А!... такая хорошенькая? Я слышалъ, что она выходитъ за какаго-то Гусара.

1. Нѣтъ, размолвка вышла. Этотъ Гусаръ обманщикъ. Дѣло узнали, и теперь везутъ ее въ Москву учиться.

Долго разговаривали они. Я все слышалъ. Наконецъ они замолчали. Я положилъ непремѣнно ждать ихъ отъѣзда,

чтобы разспросить подробнѣе о моей Анетѣ. Сонъ на зло моему утомленію не приходилъ ко мнѣ. Да и могъ ли я уснуть, когда дѣло шло о моемъ Ангелѣ? Могъ ли я забыться, когда думалъ о прекрасной Анетѣ, — о той, которая, уже два года, приковавъ меня къ себѣ, неразрывными цѣпями, составляла предметъ всѣхъ моихъ дѣйствій и помышленій? — Ночь шла медленно: было темно и тихо; только изрѣдка слышны были воркованья голубей, подъ навѣсомъ и кашель покоющихся проѣзжихъ. Наконецъ начинало разсвѣтать и многіе уже начали вставать, и убирать свои экипажи. Хозяинъ разсчитывается, кланяется и отпускаетъ. Дымъ валилъ гдѣ изъ трубы, гдѣ изъ окошка. Настало утро. Интересные для меня люди изъ Князина встали и тогда я узналъ, что одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый, который разговаривалъ со мною въ Князинѣ за ужиномъ и я этому очень обрадовался. Дорожа временемъ, я отвелъ его въ сторону и началъ разговоръ о давно желанномъ предметѣ. Мы говорили долго. Но къ несчастію я не могъ ничего

узнать болѣе того, что слышалъ. И, спустя нѣсколько времени, мы отправились въ разныя стороны. —

Утомившись отъ безсонницы, лишь только я выѣхалъ изъ села, какъ задумался, вздремалъ и уснулъ. Разстроенное воображеніе рисовало мнѣ различныя картины. Я спалъ крѣпко и когда проснулся, то солнце уже было высоко и прямо ударило на меня знойными своими лучами.—Долго же, почивалъ ты, баринъ, сказалъ извощикъ; вѣрно ночь не поспалъ, время уже кормить. Солнце къ полдню... Сказавъ это, онъ поворотилъ въ сторону, и, остановившись близъ кусточковъ, началъ распрягать лошадей. Мнѣ нѣкоторымъ образомъ нравилось такое отдохновеніе. Я разостлалъ коверъ, закуривши трубку, сопровождавшую меня въ продолженіи всей дороги, и смотрѣлъ на работавшго моего извощика.

Что у тебя за дума, сказалъ мнѣ подошедши извощикъ, иль печаль, иль кручина? Али сердечко твое... Эй, баринъ, сердце что порохъ — только искра одна, оно и загорится. . .

Л. Хорошо, братъ; ты лучше сдѣлаешь, если доскажешь мнѣ объ твоей сестрѣ. Садись-ка, да продолжай.

Извощикъ. Изволь баринъ. Онъ началъ: Долго мы не знали, что дѣлать съ дѣвкой. Лѣкарство барина помогло да не на долго. Стали просить Власьевну, и вотъ одинъ разъ ночью мы и слышимъ, что Маланья кричитъ въ истошный голосъ: Гдѣ мои волосы? Кто ихъ взялъ? Кто ихъ отрѣзалъ? — Встаемъ по утру: Маланья наголо остриженa словно некрупъ; мы спрашиваемъ гдѣ твои волосы? Она говоритъ, что не знаю.—Власьевна у насъ ночевала. Она стоитъ и смотритъ изъ подлобья, какъ колдунья. Власьевна то есть мы ее просимъ поворожить то есть вылѣчить; что за напасть на Маланью! — Вотъ Власьевна велѣла всѣмъ молчать и стала кругомъ ходить то есть около Маланьи; ходитъ, ходитъ да отпрыгнетъ, какъ будто нечистая сила ее отталкиваетъ. Вотъ приказала она принести воды съ трехъ колодцевъ. Смѣшала эти воды вмѣстѣ и стала шептать. Опослѣ положила въ эту воду: кирпичикъ, глины

и уголь. Опять начала шептать. Вотъ баринъ, и говоритъ она: «Волосы Маланьины лежатъ подъ матицею въ задней избѣ. — Я побѣжалъ опрометью туда и что-жъ? смотрю — они связаны къ шрапкѣ; въ нихъ какая-то трава, таково ли худо пахнетъ. Я схватилъ и принесъ ихъ. Власьевна разобрала волосы и долго что-то шептала. Вотъ поставила она воду на столъ и смотрѣла долго, очень долго, а глазами все поводила вокругъ, таково ли страшно. Видишь, молвила она батюшкѣ, видишь ли тамъ Степаниду Загарѣлкину. Бачька, сказалъ, что видитъ. Я посмотрѣлъ — и, нечего грѣха таить, — ничего не видалъ, а сказалъ Власьевнѣ, что и я вижу Стешку. Тутъ Власьевна дала какого-то зелья испить Маланьѣ, да съ тѣхъ-то поръ Маланья все лучше, начала поправляться и теперь слава Богу живетъ да благодаритъ Власьевну. Вотъ тебѣ, баринъ, все, что хотѣлъ сказать я. — Извощикъ умолкъ и, спустя нѣкоторое время, началъ запрягать лошадей.

ГЛАВА XXII.

Прибытіе Сибирякова въ губернскій городъ. Гостинница Загa. Тщетное ожиданіе. — Директоръ Гимназіи. Сибиряковъ исключается изъ военной службы и поступаетъ въ учителя Гимназіи.

Лишь только поднялись мы на гору какъ извощикъ закричалъ: »Баринъ, Баринъ! городъ видно.« Стегнулъ лошадей, приговоривъ: »съ горки на горку, дастъ баринъ на водку. Эй вы! по всѣмъ по тремъ, коренную не тронь.« — Городъ былъ почти весь видѣнъ. Высокая соборная колокольня прекрасной фасады прорѣзывала острымъ и блестящимъ своимъ шпицомъ плавающія облака небосклона; возлѣ — Губернаторскій и Архіерейскій домы съ своими садами, старинной фасады; здѣсь на скатѣ присутственныя мѣста, а здѣсь на площади огромное строеніе со всѣми потребностями роскошной архитектуры. По

скату были деревянные домики и каждый съ садомъ. Городъ представлялъ смѣсь деревенскаго съ городскимъ. Посреди протекала рѣка и издали какъ будто лента стлалась по городу. Менѣе нежели въ полчаса мы уже были въ городѣ и по широкимъ мостовымъ улицамъ лошади мои тянулись, едва передвигая ноги. — Городъ мало перемѣнился съ моего отъѣзда. Тоже и тоже. Я остановился у того самаго Ивана Ивановича Зага, которой такъ дорого купилъ у меня мой гардеробъ и которой Читателю извѣстенъ по аккуратному щету. Теперь оставалось мнѣ ждать письма отъ папиньки, съ которымъ онъ обѣщался прислать мнѣ денегъ — вещь всюду необходимую. Я жилъ недѣлю — письма не было; справляюсь на почтѣ — нѣтъ. Данныхъ денегъ убавилось. Я нанялъ себѣ флигилекъ, въ надеждѣ уменьшить мои расходы. Живу мѣсяцъ: два раза уже писалъ домой — отвѣта не было. Не могъ разгадать я причины. Отпуская въ Москву, батюшка именно сказалъ мнѣ, что пришлетъ деньги въ губернскій городъ, потому что при

моемъ отъѣздѣ у него не было. Ждалъ — отвѣта не было. Финансы мои ослабѣли, и денегъ становилось мало. Должно было принять мѣры. Я пошелъ къ Директору, старинному моему знакомому. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше. Объяснивъ ему свое положеніе, онъ скромно сожалѣлъ объ этомъ и обѣщалъ самъ писать къ батюшкѣ, который меня столь долго не удостоивалъ отвѣта. Какъ же я удивлялся, когда Директоръ, сдѣлавши мнѣ выговоръ за вѣтренность и пренебреженіе къ службѣ, показалъ Московскія вѣдомости, гдѣ «*за неявку и непозволительное отлученіе Прапорщикъ Александръ Сибиряковъ изключается изъ службы.*» — Это меня поразило. Какимъ образомъ изключить меня, — меня, который былъ въ такой короткой пріязни со всѣми Офицерами полка, — меня, который отъ Полковаго Командира до товарища Прапорщика угощалъ въ своей деревнѣ! — Директоръ очень понялъ ходъ дѣлъ моихъ и изъ жалости предложилъ мнѣ мѣсто учителя втораго класса, преподавать Ариѳметику, Исторію и Географію Россіи. — Это покро-

вительство, мнѣ столь нужное, раздражило мое самолюбіе. Долго думалъ я объ этомъ и наконецъ, принужденный обстоятельствами, согласился. И такъ я перешелъ въ касту ученыхъ. Ученый или неученый это другое дѣло. Должность сію принялъ я до времени, и былъ какъ частный, не принадлежащій къ Гимназіи. Учитель училища, котораго мѣсто заступлено было мною, померъ. Директоръ до избранія новаго посылалъ для преподаванія въ училищѣ ученикамъ Гимназіи. Изъ состраданія ли, или изъ своихъ выгодъ — Директоръ опредѣлилъ меня учителемъ: но я принялъ это предложеніе частію даже съ радостію. Съ часу на часъ ждалъ писемъ изъ дома, ждалъ... но писемъ не было. Побыть нѣсколько учителемъ было для меня шуткою и я болѣе для опыта принялъ на себя эту обязанность. Само собою разумѣется, что званіе сіе было для меня очень непріятно. Какъ ходить въ училище каждый день и иногда два раза, какъ толковать Ариѳметику и Географію ученикамъ, которыхъ головы были тупы, глупы, безтолковы, развѣ

за исключеніемъ десятой доли? Можно ли было занимать мнѣ это мѣсто, совершенно противное моему характеру? — но дѣлать было нечего.

ГЛАВА XXIII.

Неудачная экзаменовка.—Пренебреженіе Сибирякова къ званію учителя. —

Жалованья мнѣ было отдѣлено двадцать два рубли въ мѣсяцъ. Квартира, свѣчи и дрова казенныя. И это мѣсто досталось мнѣ по протекціи, думалъ я,— по протекціи!... Это меня взбѣсило. А болѣе всего способствовало къ моей отставкѣ слѣдующее произшествіе: Директоръ очень хорошо видѣлъ какъ я занимаюсь своею обязанностію, и потому часто навѣщалъ классъ мой, но не часто находилъ меня тамъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній — къ счастію или несчастію — Директоръ со мною вспрѣпился и, сдѣлавъ выговоръ, просилъ, чтобы я поэкзаменовалъ учениковъ своихъ. — Не удивительно, что я громкимъ голосомъ провозглашалъ имена учащихся, предлагалъ вопросы, на кото-

рые большею частію отвѣчали краснорѣчивымъ молчаніемъ. Директоръ морщился, сердился и бранилъ учениковъ. Штатный Смотритель, приглаживая свою голову, гдѣ время оставило лишь одно свѣтлое безвласіе, ссылался на мое нехожденіе, прибавя: «я не знаю почему этаго молодаго человѣка, кажется, безъ свѣдѣній и притомъ суроваго свойства, опредѣлили учителемъ.—Директоръ, относя это къ своей личности, наговорилъ множество колкостей Смотрителю не въ глазъ, а въ самую бровь. Смотритель молчалъ и посматривалъ на экзаменъ. Наконецъ по списку пришло: *Степанъ Грушинъ*. — Эта звучная, гармоническая фамилія не могла не напомнить мнѣ несравненную Анету и потому я, полагая, что сей Степанъ есть какой либо ея родственникъ, возгласилъ: *Г-нъ Степанъ Грушинъ!* — «Здѣсь!» отвѣчалъ мнѣ сиповатымъ голосомъ взрослый малый въ сѣромъ палевомъ сюртукѣ, съ глупою физіономіею. — Я увидѣлъ, что это долженъ быть мальчишка ихъ дома и стыдился самаго себя. — Какъ бы-то ни было, экзаменъ

кончился. Я думалъ о своемъ состояніи, наконецъ положилъ непремѣнно выдти въ отставку. Но куда же опредѣлюсь я? Въ полкъ, въ Палату или въ Монахи — куда нибудь, но не въ учителя. Это званіе въ три недѣли до того мнѣ опротивѣло, что я рѣшился на другой же день просить увольненія. Ученикъ совсѣмъ другое. Ученикъ во мнѣніи большей части публики учится для образованія себя, а учитель учитъ для образованія другихъ. Самое литтераторство не есть ли одно средство? Науки тогда почтенны, тогда достойны уваженія, когда онѣ составляютъ цѣль, а не средство. Такъ думалъ я тогда, не принимая въ разсужденіе того, что наконецъ настало время, въ которое порукою за исполненіе обязанности сдѣлалось образованіе, когда всѣ члены общества единодушно признали благую пользу наукъ и причисляютъ оныя къ необходимымъ потребностямъ всякаго человѣка. Это такъ: но отъ чего ученье въ пренебреженіи? Отъ чего говорятъ: *о! это учитель; онъ учитъ въ Университетѣ, онъ обучаетъ въ Гимназіи.* —

говорятъ тономъ презрѣнія, между тѣмъ какъ: *о! это Секретарь Уголовной Палаты! — это Засѣдатель!* — говорятъ тономъ, показывающимъ больше, нежели вниманіе. Науки любятъ, а ученыхъ нѣтъ. Это странно! Конечно, есть люди знающіе истинную цѣну ученымъ, но ихъ и трепи нѣтъ. Эти люди одно утѣшеніе для ученаго званія въ обществѣ. Просвѣщеніе распространяется медленно. Сперва оно принадлежностію малаго числа избранныхъ, большею частію служителей вѣры, здѣсь оно въ тѣсныхъ границахъ и, говоря опредѣленнѣе, въ рамѣ схоластики. Послѣ, отъ духовныхъ переходитъ въ другіе классы — это начало національнаго просвѣщенія; ибо здѣсь науки, кромѣ умственной пользы, съ большимъ кругомъ дѣятельности и приложенныя къ общежитію, помогаютъ жить человѣку, какъ должно, удобно и прилично. Наконецъ раждается литтература изящная, наконецъ просвѣщеніе подъ видовымъ названіемъ образованія сливается съ жизнію и течетъ своимъ русломъ, управляя физикою человѣка. Наконецъ

образованіе, основанное на Христіанской вѣрѣ, дѣлается союзомъ между людьми и Богомъ: это образованіе возможное но не реальное. И такъ зенитъ человѣческаго образованія долженъ имѣть одну наружную форму съ его надиромъ: форму религіозную. Религія есть главный элементъ умственной жизни человѣка. Маги, Жрецы, Сацердоты, Молахи — были воспоминаніями просвѣщенія. Кто же родилъ его? Таже десница, которая вдохнула въ глиняную или земляную фигуру дыханіе жизни. — Все это такъ; однако же у меня не было ни мѣста, ни денегъ. Въ училище ходить я кончилъ. Что было дѣлать? Деньги совсѣмъ исходили, а надежды никакой не было. Въ продолженіи сего времени я заложилъ своихъ лошадей, бричку и другія вещи, но надѣясь получить скоро деньги, я давалъ проценты не сорокъ на сто, а поменѣе; слѣдовательно имѣлъ мало охотниковъ, и согласившіеся на мои предложенія дали мнѣ весьма небольшую сумму, которой едва достало на оплату долговъ и на собственное содержаніе. Но послушайте далѣе.

ГЛАВА XXIV.

Сибиряковъ получаетъ извѣстіе о смерти отца. Отчаяніе. Благопріятный случай.

Въ одинъ день, пришедши съ гулянья, куда я ходилъ очень часто или потому, что нечего было дѣлать дома, или потому, что не для чего было сидѣть дома, я получаю письмо. Какая радость! Вижу печать, вижу — рука знакомая. Радуюсь. Сердце бьется. Воображаю, что вѣрно здѣсь есть требуемое... разумѣется, деньги, — чего же больше требовать? Распечатываю, вынимаю, развертываю и... представьте себѣ! денегъ не было. Какая могла быть тому причина? или батюшка не получалъ моихъ писемъ? Уже четыре мѣсяца, какъ я здѣсь; уже четыре мѣсяца, какъ я живу въ недостаткѣ. Беру письмо снова, смотрю въ конвертъ: не спряталась ли бумажка. Снова верчу и перевертыв-

ваю, снова нѣтъ ничего. Спалъ читать, въ немъ было писано слѣдующее:

Любезный Саша!

«Богу угодно было взять отъ насъ моего друга, а твоего родителя. Да, сынъ мой! Отецъ твой умеръ сего 1819 года въ 11 день Іюня. Ты остался теперь безъ подпоры. Я слаба, да и что могу сдѣлать? — Дядюшка твой теперь у насъ распоряжается имѣніемъ. Не грусти, другъ мой! Добрые люди нужны Богу. Старайся развлекать себя. Дядя тебѣ не совѣтуетъ ѣхать въ Москву. Въ городѣ ты увидишь Гаврила Тимофѣевича Грушина, съ которымъ познакомился у дяди въ деревнѣ. Онъ прекрасный человѣкъ. Не знаю, найдетъ ли тебя письмо мое. Что ты не пишешь? Пиши ради Бога. Не грусти же, другъ мой; будь твердъ. Отецъ тебя поминалъ при послѣдней минутѣ. Не грусти же, Саша, иначе я любить тебя не буду. Какъ можно старайся, веди себя хорошенько. Вѣчно тебя любящая Мать твоя Екатерина Сибирякова.»

P. S. »Посылаю тебѣ мое благословеніе. Спасъ Нерукотворенный и Николай Чудотворецъ да будутъ твоими хранителями. Не грусти же, смотри будь здоровъ и не забывай, что ты нынѣче одинъ. . . Дядя въ отлучкѣ. Онъ поѣхалъ въ уѣздъ. Прощай. Будь здоровъ.«

И такъ. . . этаго недоставало? — Въ своемъ родителѣ лишился я нѣжнаго и попечительнаго отца, опытнаго и испытаннаго друга, — человѣка, которой жилъ для меня и который — Боже мой! отъ меня померъ, тысячу разъ заставляя раскаяваться. Но виновенъ ли я? — Нѣтъ. Такъ угодно было Богу. Судьбы его неисповѣдимы. Грусть страшно налегла на мое сердце. Казалось, я лишился ума. Я мыслилъ, но не имѣлъ никакихъ идей; я глядѣлъ и ничего не видалъ; ходилъ и молчалъ. Я не плакалъ, но печаль моя была очень велика и тягостна. Слезы — какъ радости и грусти — не показываются при большомъ счастіи и несчастіи. Это мучительно. Кажется, съ ручьями этаго жемчуга намъ приходитъ утѣшеніе, и,

проливши слезы, мы чувствуемъ нѣкоторое облегченіе, но въ большихъ бѣдствіяхъ ихъ не бываетъ. Это оцѣпенѣніе, гдѣ все прекращается, разсудокъ отлетаетъ и человѣкъ мертвъ; одно лишь жизненное движеніе напоминаетъ о его существованіи. Но тягостная минута пройдетъ — и тутъ какъ будто на совѣтъ явится умъ и сердце. Это бореніе двухъ сильныхъ соперниковъ я испыталъ совершенно. За оцѣпенѣніемъ пришло отчаяніе, смѣненное въ свою очередь облегчительнымъ упованіемъ. О надежда, надежда! посланница неба! Что бы было безъ тебя въ семъ мірѣ? Не это ли связь человѣка съ міромъ? Не это ли производитъ любовь къ жизни?... Скоро пришла ко мнѣ надежда и при ея свѣтозарныхъ лучахъ туманъ злоключенія изчезъ; одни остатки его, въ видѣ капель, блестятъ на листочкахъ муравы и деревьевъ... Ручьи слезъ полились изъ глазъ моихъ. Мучительная грусть, казалось, выкатывалась вмѣстѣ съ ними. Я сталъ дышать свободнѣе. Мнѣ было легко, но слезы лились потоками. Я былъ

задумчивъ, грустенъ, печаленъ. Но чтобы не наскучить Читателю описаніемъ сего горестнаго времени, я пропускаю все пространство времени, въ продолженіи котораго я изнурилъ себя, похудѣлъ и изнемогъ душевно. Положеніе мое было самое ужасное. Денегъ ни копѣйки, лошади безъ корму, квартирныя требуютъ. Случалось ли кому нибудь быть въ подобныхъ обстоятельствахъ? Я былъ въ отчаяніи и можетъ быть пуля... рѣшила бы судьбу мою. Промысломъ ли, или ради скуки вашей, Читатель, была сохранена жизнь моя и не для худшаго. Въ одинъ вечеръ, когда я, съ холодною философіею, тощимъ желудкомъ, разсуждалъ о средствахъ поддержать себя, вошелъ человѣкъ и, остановившись, началъ сими словами:

Позвольте узнать, сударь, вы Александръ Ивановичь Сибиряковъ? спросилъ онъ меня, держа въ рукахъ запечатанный пакетъ.

Я. Я, братъ. Что тебѣ нужно?

Человѣкъ. Я присланъ отъ барина. Онъ приказалъ вамъ отдать этотъ

пакетъ, который поручила ему ваша маминька, чтобы доставить вамъ.

А кто твой баринъ, спросилъ я, взявъ пакетъ.

Чел. Этаго мнѣ не приказано сказывать.

Я. Какъ не приказано сказывать! — Вѣдь я все равно изъ письма узнаю кто онъ таковъ.

Чел. Не могу знать...

Я сталъ распечатывать письмо, а присланный хотѣлъ выдти. Погоди, мой другъ, сказалъ я.

Чел. Что прикажите-съ? —

Я. Кто же твой баринъ, скажи мнѣ — сдѣлай одолженіе.

Чел. Это, сударь, напрасно. Я ничего не могу сказать вамъ, кромѣ того, что баринъ мой Турчанкинъ Грекъ... и за симъ прощайте-съ. — Человѣкъ вышелъ, а я стоялъ и смотрѣлъ безмолвно на распечатанный пакетъ гдѣ кромѣ ассигнацій ничего не было. Турчанкинъ Грекъ — имя для меня не новое; но почему, дѣлая для меня такія благодѣянія, онъ не объявляетъ своего имени? Я видѣлъ его драбантомъ Турчанки,

воспоминаніе о которой, подобно сну, осталось въ моей памяти; помню его одолженіе при дѣлѣ о задавленномъ мальчикѣ, — но кто это такой? Буду ждать, не пояснится ли гдѣ это темное сомнительное мѣсто.

ГЛАВА XXV.

Сибиряковъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Неожиданное приглашеніе. Посѣщеніе Грушина. Утѣшительный разговоръ.

Денегъ въ присланномъ пакетѣ было шесть сотъ рублей; мать моя не писала ни строчки. Это меня удивило. Но деньги у меня были — и я сталъ свободнѣе. Первое мое дѣло было — выкупить заклады и хотя немного улучшить образъ своей жизни. Ожидая дальнѣйшихъ извѣстій изъ деревни, я между тѣмъ нанялъ себѣ камердинера и кучера. Слѣдовательно жизнь моя снова поправилась. Многое думалъ о будущности, гадалъ... но все изчезало — и я нетерпѣливо дожидался Гаврила Тимофѣевича, отъ котораго надѣялся получить изъясненія многихъ непоняпныхъ произшествій.

Проснувшись по утру, меня уже дожидались. Въ одно время я получилъ

записку, читаю — она была отъ Грушина, который просилъ меня къ себѣ въ тотъ день, желая сказать нѣчто по препорученію моей матери. Для чего онъ меня приглашалъ, я не зналъ и не могъ догадаться. При имени Грушина мнѣ всегда приходило на мысль: не родственница ли ему эта Анепа, которая, какъ кажется, извѣстна и Читателю. Я отправился къ Грушину. Отыскать его было не трудно. Языкъ до Кіева доведетъ, говоритъ старинная пословица; а въ губернскомъ городѣ у всякаго извощика всѣ дома на перечетѣ. Онъ нанималъ довольно большой домъ и на лучшей улицѣ. Вошедъ въ переднюю, лакеи донесли мнѣ, что баринъ на верху. Я вошелъ въ залу, куда, по докладѣ, пришелъ и Г-нъ Грушинъ. Онъ принялъ меня очень ласково, такъ что я не зналъ чему приписать это. Мы пошли съ нимъ въ гостиную и послѣ всѣхъ обыкновенностей, послѣ долгихъ спросовъ другъ о другѣ, имѣли слѣдующій разговоръ:

Грушинъ. Батюшка вашъ былъ моимъ лучшимъ знакомымъ. Я бы желалъ

найти то въ сынѣ, чего лишился въ его отцѣ. Вы уже въ лѣтахъ, Александръ Ивановичь; вы уже можете понимать, что такое жизнь и что такое свѣтъ. Если я по дружбѣ съ покойнымъ вашимъ родителемъ и по моему къ вамъ доброжелательству заслуживаю вашего вниманія, то позвольте мнѣ преподать вамъ нѣкоторые совѣты, что налагаетъ на меня знакомство и ваше одинакое состояніе.

Я отвѣчалъ, что весьма благодаренъ за его участіе и съ искреннею признательностію воспользуюсь его совѣтами.

Онъ продолжалъ: Для меня это тѣмъ болѣе пріятно исполнить, что такъ угодно было вашему батюшкѣ. Онъ приостановился и началъ: Вы лишились своего родителя въ тѣхъ лѣтахъ, когда попеченіе отца наиболѣе нужно. Мать ваша никакъ не можетъ замѣнить его мѣста. И кажется, что извѣстный вамъ человѣкъ скоро сдѣлается... Не отчаявайтесь. Вы лишились отца — но у васъ есть умъ, есть совѣсть; старайтесь идти по пути не противному послѣдней и озаряемому первымъ.

Дряхлость вашего батюшки не дозволяла ему заняться вашимъ воспитаніемъ, но лѣта ваши не ушли и слѣдовательно съ охотою и прилѣжаніемъ возвратить потерянное можно. Поѣзжайте въ Москву, вступите въ Университетъ и забудьте, что вы наслѣдникъ довольно большаго имѣнья; помните, что образованіе въ нынѣшнее время необходимо и что учиться никогда и никому не стыдно. Но выкиньте изъ головы эту мысль, что образованіе состоитъ въ знаніи по Французски и въ танцахъ; люди съ такими мнѣніями... Это правда, что знаніе Французскаго языка необходимо. Что-жъ дѣлать, если въ нашихъ лучшихъ обществахъ не говорятъ по Русски? этаго уже не передѣлать намъ. Но Россія,—Россія наконецъ начинаетъ имѣть собственное свое просвѣщеніе. Посмотрите, во всѣхъ концахъ зажжены свѣтильники наукъ и наша надежда — Государь равно печется какъ о жителяхъ ледянаго Сѣвера, такъ и объ обитателяхъ благословенной Тавриды. Россія — этотъ феноменъ въ нравственномъ мірѣ — скоро вознесетъ главу

свою выше всѣхъ державъ и далеко назади оставитъ своихъ ревнителей. Занимайтесь по Русски, вы Русскій; тогда-то вы узнаете духъ Русскаго народа. Каждая страна, каждый народъ имѣетъ свой отличный характеръ, свою физіономію. Этотъ характеръ, эта физіономія проявляются въ національной литературѣ. У насъ еще видны одни начатки: но что дѣлать? Подвинуть науки можно, но создать литературу — это никакъ не возможно. Это есть плодъ вѣковъ, а не столѣтія. Нынѣ литература приняла весьма невыгодное направленіе. Толки о какомъ-то классицизмѣ, о какомъ-то романтизмѣ сбиваютъ только понятія молодыхъ людей. Наша литература нынче больна и едвали, чего Боже избави, скоро вылѣчится. Вамъ нечего смотрѣть на это. Между шарлатанами — Литераторами, есть люди достойные уваженія. Не вѣрьте всему, но вѣрьте опытности. Ученые имѣютъ свои заблужденія, въ которыя стоитъ только впасть и тогда уже не оставишь. Самая ложь будетъ казаться истинною. Объ

этомъ мы съ вами еще наговоримся, — а теперь скажите, кончилось ли ваше дѣло о дачѣ съ... Веригинымъ?

Я. Нѣтъ еще. Папинька мнѣ говорилъ, чтобы я, проѣздомъ, побывалъ у Судей и попросилъ бы ихъ...

Груш. Да, онъ и мнѣ говорилъ объ этомъ. Вы съѣздите къ Секретарю и Предсѣдателю. Разумѣется, подарите имъ, но не говорите что вашъ папинька померъ; пускай до времени они этаго не знаютъ.

Я. Какъ же объ этомъ не знать? этому вѣдь девятой мѣсяцъ. —

Груш. Ну, какъ вамъ угодно. Вашъ батюшка говорилъ, чтобы Предсѣдателю подарить лошадь, которая теперь у меня, — такъ если вы поѣдите къ нимъ завтра...

Я. Чѣмъ скорѣе, кажется, тѣмъ лучше.

Груш. Да, да. Секретарю дайте рублей пятьдесятъ, попросите о поспѣшности; въ Палату не ѣздите, это лишнее; правда, ни Секретарь, ни Предсѣдатель ничего не сдѣлаютъ безъ этой мелкой пивари, но тамъ ужь я похло-

почу. — Вотъ и меня дѣла сюда затащили и, кажется, на долго. А вы здѣсь какъ живете, — при мѣстѣ?

Я. Нѣтъ-съ, я теперь безъ мѣста.

Груш. А мнѣ сказали, что вы здѣсь учителемъ? Это для меня такъ было странно.

Я ему объяснилъ бывшія мои обстоятельства.

Мы оба посмѣялись, подивились надъ странностями судьбы и распрощались.

Прощайте, прощайте, сказалъ мнѣ Грушинъ, въ надеждѣ на скорое свиданіе. Управляйтесь здѣсь, а тамъ и въ Москву. Мое семейство тамъ, и я скоро самъ надѣюсь быть. Очень радъ буду увидѣть васъ тамъ. — Мы разстались. Я не зналъ чему приписать такое ласковое обращеніе Г. Грушина, такое родственное участіе, которое онъ принималъ во мнѣ. Онъ говорилъ мнѣ о семействѣ. . . это что-то значитъ; не дочь ли ужъ его Анета? — Я давно подозрѣвалъ. . . и въ Князинѣ мнѣ говорили что-то подобное.

Гаврило Тимофѣевичъ Грушинъ человѣкъ очень хорошо образованный, пре-

краснаго характера и отлично-любезный въ обществѣ. Одно было дурно въ немъ: это тонъ покровительства, который онъ часто принималъ, немного педантизму и слѣпая любовь къ своимъ дѣтямъ. Онъ, какъ извѣстно, должникъ моего дяди Дмитрія и также покойнаго отца моего.

ГЛАВА XXVI.

Басовъ учитель Латинскаго языка. Римская вечеринка провинціальныхъ ученыхъ. Тосты.

Пришедши домой, я нашелъ старинаго моего хозяина старшаго учителя Латинскаго языка — Басова. Для меня это было странно. — Что ты? спросилъ я. (*Въ бытность мою учителемъ я познакомился съ нимъ очень хорошо.*)

Учитель. Я пришелъ сказать тебѣ. . .

Я. Что такое?

Учит. Гдѣ ты былъ?

Я. Да говори, что ты хочешь сказать мнѣ?

Учит. Нынче вечеринка у Лукина, будь тамъ, мы всѣ будемъ.

Я. Не знаю, если можно будетъ. По какому случаю у него вечеринка?

Учит. Не знаю. Будь тамъ, узнаешь. Я теперь иду къ Сокову, его позову.

Я. Да ты что всѣхъ приглашаешь? или ты вѣстовщикомъ нынче?

Учит. Не то, братъ; знаешь — оно лучше единодушнѣй...

Я. Помилуй, что же, развѣ твоя должность приглашать на вечеринку? хорошо, если бы къ себѣ, а то къ другому; это вовсе не твое дѣло.

Учит. Что за гордость! Я пришелъ къ тебѣ, къ Сокову — вы люди свои, не осудите. Не пригласи васъ, пирушки не будетъ...

Я. Полно, Николай, полно. Не твое дѣло. Не унижай себя, ты вездѣ будешь имѣть цѣну. Останься у меня, а къ Сокову я пошлю человѣка.

Учитель мой согласился. Я послалъ человѣка къ Сокову узнать, будетъ ли онъ нынче у Лукина. — Мы говорили о дѣлахъ Гимназіи, потомъ я невольно обратилъ рѣчь на Университетъ. — Учитель былъ Кандидатъ Университета и слѣдовательно этотъ предметъ былъ для него знакомымъ. Удивительно: я, окончившій курсъ Гимназіи, Прапор-

щикъ, отставной учитель училища и теперь снова хочу учиться. Я просилъ Николая Демьяновича дать мнѣ понятіе объ Университетѣ и онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее:

«Русскіе Университеты недавно получили свое начало. Самый древній изъ нихъ — это есть Московскій Университетъ, высшее учебное заведеніе, имѣющее право давать по знаніямъ класные чины и ученыя степени. Онъ раздѣленъ начетыре отдѣленія: Медицинское, изъ котораго выходятъ Лѣкаря 1-й, 2-й и 3-й степени, даже Доктора; Нравственно-политическое (Юридическое), гдѣ преподаютъ Политическія науки; Математическое и Словесное. Каждое изъ сихъ отдѣленій имѣетъ своихъ Профессоровъ, кои читаютъ одну какую либо науку слушателямъ, избравшимъ извѣстное отдѣленіе. Учащійся въ Университетѣ (Студентъ), прослушавъ курсъ (два или три года), выпускается, смотря по знаніямъ: Дѣйствительнымъ Студентомъ (12 класса), — Кандидатомъ (10 класса). Университетъ есть универсальное

заведеніе, гдѣ всякій, съ позволенія начальства, имѣетъ право слушать лекціи, или чтенія Гг. Профессоровъ. Касательно Профессоровъ я не могу сказать, который Университетъ лучше; во всѣхъ есть отличные, хорошіе и малосвѣдущіе. Относительно средствъ къ образованію, Московскій возметъ преимущество не только передъ другими, но даже и предъ Петербургскимъ. Я не знаю, не учился въ Московскомъ Университетѣ, но слава его гремитъ звучнѣе прочихъ. Его основала Императрица Елисавета.» Вдругъ вошелъ Соковъ и прервалъ разговоръ нашъ. «Ба, сказалъ Соковъ, да ты, Александръ, поправился! зажилъ, зажилъ! Смотрите господа — у Лукина вмѣстѣ... Я буду у васъ до самаго вечера.» — Мы сидѣли вмѣстѣ и разговаривали объ Университетѣ, я говорилъ мало и былъ скученъ. Прилично ли мнѣ, господа, говорилъ я, идти къ Лукину; вы знаете что я въ траурѣ.—Э! братъ, что за трауръ! шесть недѣль, полгода и довольно, говорилъ Соковъ. Вина-то, винапю, — а у него хорошенькая жена, прибавилъ Басовъ. Itemus, itemus! —

Насталъ вечеръ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились. Лукинъ Игнатій Евсеевичъ былъ Профессоръ Философіи въ Губернской Семинаріи, человѣкъ умный съ обширными свѣдѣніями и почитавшійся, въ своемъ кругу, ученѣйшимъ мужемъ. Онъ дѣлалъ вечеринку или вечеръ по случаю своего выхода въ Каѳедральные Протопопы. Я постараюсь изобразить хотя не вполнѣ этотъ балъ Семинарскій. — Квартира Лукина была не далеко, почему мы дошли скоро, и яркое освѣщеніе предупредило насъ въ началіи пира. Пойдемъ-те со мною, Читатель! — пише, не ушибитесь, сѣни очень темны и скользко; не упадите. — Здѣсь всѣ ноги переломаешь, сказалъ Соковъ, попавши на дрова, у крыльца лежавшіе. — Дверь отворилась и мы вошли. Табачный дымъ слоился по сгустившейся отъ пунша и самовара комнатной атмосферѣ; повсюду раздавались голоса, гдѣ по Лапинѣ, гдѣ по Славянски, по Гречески, Еврейски — какихъ языковъ не было! всѣ древніе и ни одного новѣйшаго, кромѣ Русскаго.

Лукинъ. Здраствуйте, господа. Прошу

покорнѣйше, прошу покорнѣйше. Много обязанъ вамъ и чту это знакомъ вашей любви. Gratias ago, gratias ago!

Я. Мы почли за обязанность, Игнатій Евсеевичь, быть у васъ.

Лукинъ. Femina, femina! Это моя жена — рекомендую вамъ. Степанида Ивановна! говорилъ онъ, обращаясь къ довольно ловкой женщинѣ, это Гг. Сибиряковъ, Соковъ и Басовъ. Мы поклонились и слѣдовали далѣе.

Въ гостинной сидѣло около пятнадцати мущинъ и четырехъ женщинъ съ повязками на головѣ, въ двулишневыхъ капотахъ. Мущины жарко спорили, но, кажется, нетрезвость ихъ давно переспорила. Послушаемъ-те, что говоритъ вотъ этотъ Римско-носый Профессоръ съ этою шипою харею и вязанымъ носомъ (*такъ Соковъ величалъ сихъ двухъ господъ*).

Врачевъ. Каково практикуете Францъ Антоновичь?

Явернъ. Плохо-съ, очень плохо. Больныхъ мало, да и тѣ лѣчутся все лѣчебниками. Эти лѣчебники подорвали насъ; а въ Москвѣ и Петербургѣ, говорятъ,

Лѣкарей и не знаютъ, вездѣ лѣчебники. А въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ, говорятъ, и аптекъ не знаютъ, пользуются по лѣчебникамъ дома изъ садовыхъ травъ.

Врачевъ. Optime! Bene est. Что за лѣкаря! Римляне незнали Медиковъ... или они знали, да у нихъ не было, да... у нихъ были Medici, но не таковы, какъ нынѣче. Practicam tibi careat? знаете ли, что я tibi consultare volo?

Яверн. Нѣтъ не знаю, а что такое?

Врачевъ. Сдѣлайте-ка испытаніе: не льзя ли, exemplo Djennerii, прививать vel inoculare прочія болѣзни какъ оспу;— вы этимъ сдѣлаете благодѣяніе всему свѣту et merueris tantam gloriam, которую ни одинъ смертный не спяжалъ еще.

Яверн. Помилуйте, что вы это говорите! Это не возможно. Что вы! помилуйте, какъ прививать болѣзни?

Врачевъ. Отъ чего же не возможно?

Яверн. Да я не пойму доселѣ, о чемъ вы говорите? Какъ это возможно? Что за мысль у васъ?

Врачевъ. Вѣрно до Дженнера и о во-

спѣ item dicebantur, прививанія не было; gens или народъ помиралъ?

Яверно. Да, это правда, оспа...

Врачевъ. Дженнеръ natus est и — можетъ быть третья часть людей, кои умереть долженствовали, nunc vivunt.

Яверно. Дженнеръ былъ — и другаго не будетъ.

Врачевъ. Quare?

Соковъ. Мнѣ кажется, что эпа причина есть самъ Дженнеръ.

Яверно. Дженнеръ былъ геній, великій геній.

Врачевъ. Помилуйте, Domini, да развѣ нынѣче мало геніевъ? развѣ нынѣче не льзя быть...

Соковъ. Не льзя. Дженнеръ изобрѣлъ прививаніе оспы и къ человѣческому уму нынѣче прививается коровье безуміе.

Лукинъ. Sane, recte. Вѣдь оспу-то къ намъ прививаютъ кововью. На что это похоже: коровью оспу ad hominem?

Я думаю совсѣмъ иначе, сказалъ Басовъ; можетъ быть, прививаніе коровьей оспы породило болѣзни до того времени неизвѣстныя человѣку; но на душевныя, умственныя способности это,

кажется, не можетъ имѣть никакого отношенія.

Лукинъ. И это recte. Поелику оспу коровью inoculant non ad capitem — этому domicilium ingenii, sed ad manum, tanquam instrumentum vel armam. — Отъ того, вѣрно, прибавилъ стоявшій молодой человѣкъ въ предлинной тогѣ, нынѣшніе ораторы говорятъ какъ должно, а декламируютъ по коровьи. —

Нѣкоторые улыбнулись.

Соковъ. Нѣтъ Господа, не то. Доказательство вотъ какое: послѣ Дженнера не было ни одного генія. Причина тому коровья оспа.

Лукинъ. Quo modo? а Цицеронъ, Сенека, Гревій, Гейнекцій, Шутцій, Дидеротъ et millia aliorum celeberrimorum ac elegantissimorum virorum?

Соковъ. Что вы! тогда объ Дженнерѣ и не слышно было. А когда Дженнеръ родился?

Лукинъ. Богъ знаетъ когда, nescio, sed Voltairius?

Соковъ. А когда Волтеръ родился?

Лукинъ. Я сей часъ справлюсь. У меня вотъ въ этой libello всѣ геніи. Слушайте: Voltairius natus est anno 1695, mortuus 1778, sine dubio, post Djennerium...

Соковъ. Теперь посмотрите Дженнера. Какъ послѣ?—Дженнеръ жилъ не давно. Посмотрите, — да когда вышла книга ваша?

Лукинъ. Сей часъ. — Да, здѣсь его нѣтъ, онъ вѣрно не геній. — Liber in lucem: Москва въ Губернской Типографіи anno 1757.

Соковъ. Такъ его здѣсь нѣтъ?

Лукинъ. Потому что не геній.

Басовъ. Господа! а Гёте, а Байронъ...

Лукинъ. Nescio tuos — Göteum ac Bayronum, quales sunt Philosophi, cujus seculi et nationis vel gentis.

Соковъ. Имъ вѣрно оспу не прививали, или они не геніи.

Врачевъ. Полно-те, Domini, полно-те, quid multa?

Яверновъ. Нынѣ Дженнера потому нѣтъ, что люди перемѣнились.

Врачевъ. Bene est. Что вы говорите, Medice, я васъ не понимаю. — Дѣлать

благо роду человѣческому, славить оказавшаго благо — есть officium всякаго.

Яверн. Все такъ, сударь; но скажите: нынѣ на примѣръ въ Россіи изъ шести Университетовъ выходитъ покрайней мѣрѣ пять сотъ человѣкъ Лѣкарей каждогодно. . .

Басов. И дай Богъ, чтобы это число время отъ времени увеличивалось. Число учащихся и количество выпуска изъ ученыхъ заведеній есть мѣрило нравственнаго образованія, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ Россіи.

Яверн. Очень хорошо, скажите же, если число Медиковъ будетъ еще болѣе— (*ужъ и нынче Лѣкарямъ почти нечего дѣлать*) и если явится новый Дженнеръ, откроетъ средство прививать всѣ болѣзни, что будутъ дѣлать Медики? Конечно открыть прививаніе болѣзней— великое дѣло и благодѣяніе для рода человѣческаго; но лишить Медиковъ способовъ практиковать и слѣдовательно средствъ къ жизни — это воля ваша!... Или мы не человѣческаго рода. . .

Врачевъ. Pardonam opto, celleberrime Medice, numerus medicorum ad profanos in medicina, можетъ быть какъ 1 къ 10,000; ergo вы, другихъ для, должны se sacrificare, вѣдь семеро одного не ждутъ. Да и сверхъ того останутся еще наружныя болѣзни — exteriores.

Яверинъ. Да-съ, наружныя. Такъ намъ сдѣлаться всѣмъ подлѣкарями и цирюльниками, или аптекарничать припарки, спускъ и пластырь — слуга покорный...

Лукинъ. Да и что ваша Chirurgia et Receptura? Ex his argumentis clysterium donare, postea seignare, ensuita purgare. — Не помню, гдѣ это я читалъ. Кажется, apud Diderotum.

Они долго разговаривали, но послушаемъ разговоръ другихъ:

Видите ли четверыхъ въ рясахъ съ окладистыми бородами, послушаемъ-те ихъ:

Первый. Давно, господа, я дожидался случая предложить вамъ весьма малозначущій вопросъ...

Лукинъ. Quid est? — videbimus.

Первый. Отъ чего на святую недѣлю христосуются красными яицами, и отъ чего именно яйцо, а не другое что?

Лукинъ. Pristina more.

Нѣтъ, объ яицахъ толковать скучно, пойдемъ-те далѣе.

Вотъ женщины:

Протопопица. Что, матушка Степанида, — охъ, я забываю все какъ васъ по батюшкѣ-то... да бишь, Ивановна, — каково вамъ жить у насъ? Я чаю въ деревнѣ-то было вамъ поскучнѣе.

Степанида Ивановна. Нѣтъ, матушка, мнѣ все равно. Я жила въ деревнѣ, тамъ, кажется, еще лучше.

Протоп. А у кого вы изволили проживать? продолжала она, вертя большіе пальцы одинъ около другаго.

Степ. Иван. У Грушиныхъ. Они теперь въ Москвѣ.

Протоп. Правда ли это, что вы по Французскому говорите словно по Русскому и на фортпьянахъ играете?

Степ. Иван. Да-съ, матушка, я никогда не забуду благодѣяній Гаврила Тимофѣевича; у него только одна дочь

и онъ воспитывалъ меня точно также, какъ дочь свою. Батюшка никакъ не могъ бы доставить мнѣ такаго образованія.

Другая Протопопица. А хозяйствупіо вы учились же? Вѣдь въ нашемъ быту оно поважнѣе наукъ.

Степ. Иван. Да, это для меня новое; но со временемъ. . .

Степанида Ивановна! Степанида Ивановна! кричалъ Лукинъ, fristegium donare vel coenam tempus, tempus! вели давать закуску! Пора, пора! крики другихъ заглушили его. — Отодвинули огромный столъ на средину и начали накрывать. Сѣли. Поставили брашны — и фіялы запѣнились. —

Тосты.

Nunc est bibendum. . .

Horat.

Подъ конецъ ужина, какъ водится, начали пить за здоровье виновника вечёринки. Когда очередь дошла до Римскоиосаго, онъ всталъ и провозгласилъ слѣдующую рацею: Reverendissime Professor! Bene volo tibi salutem ex animo meo.

Лукинъ. Что лучше, какъ mens sana in corpore sano! (Hor.)

Врачевъ продолжалъ: Salutem, gloriam universam...

Лукинъ. Cineri gloria sera venit (Mart.) и вздохнулъ, посмотрѣвъ на небо.

Врачевъ. Quid timeas? Враги твои не затмятъ твоего блеска, рано или поздно suum cuique decus posteritas rependit. (Tacit.)

Лукинъ. Dominus mihi adjutor et ego dispiciam inimicos meos.

Потомъ всѣ пили, желая благополучія, кто по Гречески, кто по Латынѣ; наконецъ Лукинъ, благодаря всѣхъ за любовь и расположеніе, громко провозгласилъ: За здравіе всѣхъ присутствующихъ! Pro honore, honor redditus. (Liv.)— Выпилъ бокалъ и кинулъ его на полъ. За звенящимъ дребезгомъ послѣдовали единодушные клики: vivat noster Lukin, Professor celeberrimus, vivat, vivat! прогремѣлъ хоръ пѣвчихъ. — Всѣ удивились этой внезапности, которою товарищи Лукина хотѣли подарить его. Хоръ пропѣлъ сочиненный на этотъ случай дифирамъ, или рапсодію или кан-

цонецъ, — что-то, чего я не помню. — Лукинъ былъ въ восхищеніи. Онъ и упившіеся его товарищи засыпали сентенціями древнихъ авторовъ, какъ будто вино вливало имъ воспоминаніе или знаніе оныхъ. Я говорилъ за ужиномъ съ Степанидой Ивановной. Она была весьма умна и очень образована. Я узналъ, что она въ большой дружбѣ съ Анетою и что я ей (Степ. Иван.) довольно извѣстенъ заочно. Лукинъ очень косо на меня поглядывалъ, особенно когда мы проговаривали весьма не кстати въ Римской компаніи по Французски. Наконецъ было уже довольно поздно. Голова моя очень кружилась. Мы пошли домой и послѣ труднаго путешествія добрели до моей квартиры, гдѣ наемные слуги уже меня давно дожидались. Соковъ и Басовъ остались у меня ночевать и на другой день утромъ разошлись по домамъ своимъ.

ГЛАВА XXVII.

Сибиряковъ посѣщаетъ судью. Объясненіе съ нимъ. Дань признательности. Примѣры лихоимства. Посѣщеніе Предсѣдателя. Неудачный подарокъ.

Въ одинадцать часовъ, по условію съ Г-мъ Грушинымъ, я долженъ былъ ѣхать къ Судьямъ, но Римская вечеринка весьма меня разстроила; почему я приступилъ къ сему дѣлу уже въ слѣдующій день. Для узнанія квартиръ Секретаря и Предсѣдателя, заѣхалъ я въ присутственное мѣсто развѣдать о мѣстѣ ихъ жительства. Здѣсь меня облѣпили приказные, спрашивая: что вамъ угодно? Я спрашивалъ о жительствѣ Гг. Секретаря и Предсѣдателя. Мнѣ сказали, прибавя: да зачѣмъ вамъ ихъ? съ нами не угодно ли объяснишься? Возмутъ они съ васъ много, а сдѣлаютъ мало. Ужь это извѣстно, что ни Секретарь, ни Предсѣдатель ничего не сдѣлаютъ

безъ насъ. Я вамъ откровенно говорю, говорилъ одинъ приказнослужащій. Я вамъ просто скажу, кричалъ другой; безъ насъ вамъ ничего не сдѣлать, кричали многіе. Они проводили меня до лѣстницы, и на самомъ низу еще слышалъ я прежнія крики ихъ. — »Пошелъ!« сказалъ я извощику, и дрожки, стуча о камни, катились по набережной улицѣ. —

Мнѣ не трудно было послѣ сего отыскать жилища моихъ будущихъ патроновъ; притомъ квартиры Предсѣдателя и Секретаря въ губернскомъ городѣ всѣмъ извѣстны. — Подъѣзжаю къ воротамъ, читаю наворотный билетъ: No 22. Домъ Надворнаго Совѣтника Якова Андреевича Набивалкина втораго квартала Зарѣчной части. На крыльцѣ его сидѣли бородастые мужики и считали мѣдныя деньги кучками по рублю; а съ ними вѣроятно офиціантъ Судейскій, въ синемъ сюртукѣ съ заворо́ченными обшлагами.—Одинъ старикъ подалъ слугѣ кучу мѣдныхъ, два двугривенныхъ и пятиалтынныхъ съ синенькою бумажкою. Человѣкъ взялъ все это въ пригоршни,

а бумажку кинулъ, «баринъ не принимаетъ асигнаціи.» —Помилосердуй, родимый, жалобнымъ голосомъ сказалъ старикъ, все мірское. — Я не дослушалъ его и вошелъ въ комнату. Дома ли Яковъ Андреевичь? спросилъ я. — На что вамъ? говорилъ человѣкъ. — Да это, братецъ, я ему скажу, а не тебѣ, отвѣчалъ я. Если дома, то поди доложи ему, что дворянинъ Сибиряковъ имѣетъ до него надобность. — Да погодите, баринъ теперь дѣломъ занятъ, придите завтра. — Я видѣлъ, что человѣкъ этотъ былъ судейской въ подлинномъ смыслѣ, смягчивъ голосъ, обѣщался ему на водку и, не докончивъ рѣчи, былъ впущенъ безъ доклада. — Я вошелъ въ залу и меня встрѣтилъ самъ Яковъ Андреевичь.

Я. Милостивый Гусударь! Не имѣя чести знать васъ и будучи увѣренъ въ вашей ревности къ истинѣ, въ строгомъ соблюденіи правосудія, въ правомъ рѣшеніи правыхъ дѣлъ...

Судья. Пожалуста безъ куплиментовъ! гдѣ намъ судьямъ... Пожалуста безъ церемоніи... Что вамъ угодно?

Я. Я имѣю надобность просить васъ...

Судья. Да-съ... просить меня... а о чемъ? кажется, о спорной землѣ Ин.. уѣзда? Да-съ...

Я. Точно такъ, объ этой землѣ. Ахъ нѣтъ-съ о рѣшеніи дѣла, которое я имѣю съ Веригинымъ объ этой землѣ.

Судья. Да-съ, я знаю. Что же вамъ угодно? Дѣло кажется... Оно приходитъ къ окончанію, впрочемъ перевѣсъ на противной сторонѣ.

Я. Я вамъ буду благодаренъ (*и между тѣмъ я занесъ руку къ боковому карману*).

Судья. Помилуйте, помилуйте. Ваше дѣло и безъ того на вашей сторонѣ. Ваши требованія законны. Вы выиграете... однако все еще сомнительно продолжалъ онъ, видя, что я опустилъ руку внизъ. Вашъ противникъ силенъ.

Я. (*Подавая ему пятидесятную бѣленькую*). Я надѣюсь на ваше спараніе, что вы, подкрѣпите мою сторону вашими неоспоримыми доводами и что вы...

Судья. Что это вы мнѣ даете, возмите, возмите. Это ассигнація... Я... (*онъ осмотрѣлся вокругъ и въ окно.*)

Я смѣшилъ дѣломъ, что это что нибудь да не такъ; и на крыльцѣ человѣкъ его, получивъ временный, или ординарный сборъ, отвергнулъ ассигнацію. Я далъ ему четыре полуимперіала, кои къ счастію у меня случились. — Судья, получивъ деньги и обернувшись кругомъ, пожалъ мнѣ руку и сажая на стулъ, примолвилъ: ваше дѣло совершенно законное.

Послѣ сего мы съ нимъ разговаривали о Губернаторѣ, Предсѣдателѣ, дворянахъ... и проч. Наконецъ я, по видимому, подружившись съ почтеннымъ Яковомъ Андреевичемъ, спросилъ его: Скажите мнѣ, отъ чего вы не принимаете въ знакъ благодарности за ваши труды и за то, чтобы вы при случаѣ рѣшенья, замолвили словечко — вы, подъ котораго дудочку, какъ говорится, самъ Предсѣдатель и Совѣтникъ пляшутъ — отъ чего вы не принимаете ассигнацій?

Судья. Я ожидалъ отъ васъ этаго вопроса, и, надѣясь на вашу дружбу (*сказалъ онъ, пожавъ мнѣ руку*) и пріязнь, пожалуй разрѣшу вамъ, послушайте. Я устремилъ на него глаза мои,

и онъ, снова посмотрѣвъ вокругъ себя и въ окно, началъ :

Пришли времена, любезный Александръ Степановичь, не прежнія, времена подзаконныя; не то что прежде — нынѣ живи чѣмъ, что казна даетъ; не смѣй поживиться и чѣмъ, что хоть вотъ напримѣръ, вы, или другой кто дастъ въ благодарность. А не то... ахъ какъ воспры эти надзорщики! Сей часъ да и въ Уголовную. Вотъ послушайте-ко, что случилось съ однимъ почтеннымъ Секретаремъ Гражданской Палаты. Онъ хлопоталъ по дѣлу, удалось ему, рѣшили въ пользу его стороны; истцы — люди благородной души, желая отблагодарить его за труды и хлопоты, ну словомъ подарили ему... и вотъ точно такъ, какъ вы теперь: пріѣзжаютъ къ нему, вручаютъ ему четыре пятидесятныхъ, — а правду надо сказать, онъ дѣлалъ меньше, нежели я теперь по вашему дѣлу — онъ беретъ, благодаритъ также за признательность, просители выходятъ, Секретарь, пересмотрѣвъ бумажки, положилъ ихъ, какъ видите, въ бумажникъ и... въ карманъ,—

какъ вдругъ входитъ Офицеръ въ синемъ мундирѣ, съ голубымъ воротникомъ и серебряными эполетами, звуча саблей по полу: «Извольте возвратить деньги, которыя вы сей часъ взяли,» сказалъ онъ Секретарю. Секретарь сталъ въ пѣнь, ну ни слова не вымолвитъ. — «Извольте отдать,» повторилъ Офицеръ. — Какія деньги? спросилъ Секретарь, дрожа, какъ листъ. Мнѣ странно, что вы... «Здѣсь нѣтъ ничего страннаго. Сей часъ были у васъ просители и отдали вамъ деньги—вотъ такія-то номера. Тутъ Офицеръ вынулъ бумагу — и началъ читать номера бумажекъ по своей запискѣ. Бѣдный Секретарь принужденъ былъ сознаться въ томъ, что получилъ деньги, но прибавилъ въ оправданіе, что онъ это взялъ за труды.— «Стыдитесь, отвѣчалъ Офицеръ, брать; за труды вамъ платитъ казна, награждаетъ Государь и эта обязанность всякаго сына отечества.» — Такъ-то, батюшка, времена пришли хоть живой погребись; поживы мало, а на жалованьѣ не выѣдешь. Да ужь и смѣху довольно. Тамъ у одного Совѣтника замѣтили лошадку

доровую. Онъ не имѣлъ сперва-то ничего, а вдругъ проявился гнѣдой меринъ, — ну гдѣ взялъ? — Эпи вездѣвидящіе, розыскали. — Да и... (впрямь за дѣло, голь такая былъ Совѣшникъ, а въ два года нажился и жилъ по барски,) да и въ Уголовную. *Отрѣшить и не опредѣлять никуда къ должности* — послѣдовало повелѣнье. — Теперь и онъ и Секретарь живутъ праздные. Такія времена! И доровому не радъ! — Я рѣчьто веду къ тому, вѣроятно Игнатья Лукича знаете? — Какъ не знать, говорилъ я, Судья. — Ну онъ. Подарилъ ему кто-то на бѣду золотые часы, а ему куды золотые часы имѣть! онъ и ѣстъ-то деревянными ложками. Ужь подлинно на бѣду. Прости Господи — смѣхъ такой — вотъ видите ли: онъ часы надѣть-то и боится. Разъ мы, короткіе пріятели, собрались погрустить вмѣстѣ, въ насмѣшку сказали ему: что, Игнатій Лукичь, вѣрны ли часы?... Должны быть вѣрны, отвѣчалъ онъ.— Да что же ты ихъ не носишь? — Ахъ, други мои, нынѣ вѣкъ такой, чтобы даровое не носить; какъ разъ

узнаютъ. Заводить-то я ихъ не за вожу, вещь дорогая, боюсь испортить; а носить-то бы и сталъ, да надзиратели... охъ эти надзиратели!... Такъ кой когда въ праздникъ, дома, положишь ихъ въ карманъ, посмотришься въ зеркало, вынешь, приложишь къ уху, хотя нейдутъ, хоть я одинъ, а все повеселѣй на сердцѣ-то. — Чтожъ бы вышло въ послѣдствіи? какъ вы думаете? спросилъ меня Яковъ Андреевичь и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: Секретаря отдали подъ судъ и онъ теперь не служитъ. — Посудите, какіе годы пришли! Ужь вѣдь за труды надобно...

Я. Съ глазка на глазокъ взять, такъ и опказаться можно!

Судья. Тото оно и есть, Александръ Степановичь, вѣдь и Секретарь-то взялъ съ глазка на глазокъ, да вотъ нашли средство, нумеръ переписали. Вотъ почему мы не беремъ нынче бумажки, а золотцо, да серебрецо.

Будучи доволенъ рѣшеніемъ моего недоумѣнія: отъ чего не берутъ ассигнацій Гг. честные взяточники, я, пожелавъ добраго здоровья Якову Андреевичу

и попросивъ его о своемъ дѣлѣ, отправился. Онъ проводилъ меня сими словами: будьте увѣрены, что я буду стараться исполнить все въ вашу пользу. — Я вышелъ. Слуга его сталъ просить на водку. Я кинулъ ему и удалился. Но симъ не кончилась моя ѣзда по дѣловымъ людямъ. Мнѣ нужно было посѣтить Предсѣдателя съ чѣмъ нибудь — съ подаркомъ. Читателю уже извѣстно, что мнѣ препоручено было подарить ему жеребца довольно спатнаго и рублей въ четыреста. Я послалъ лошадь впередъ, а потомъ пріѣзжаю и самъ. Здѣсь человѣкъ былъ поучтивѣе. Онъ доложилъ обо мнѣ и я взошелъ въ довольно хорошо умебелированную гостиную, чрезъ кабинетъ, гдѣ лежали кипы бумагъ и кованные ларчики. Предсѣдатель принялъ меня ласково; говорили о его дружбѣ съ моимъ родителемъ, наконецъ я склонилъ его къ своему предмету.

Я. Весьма радъ, что мое дѣло зависитъ отъ васъ и увѣренъ, что вы, цѣня болѣе всего правоту, рѣшите тяжбу мою съ Веригинымъ по законамъ... Ахъ, Ваше Превосходительство, мой батюш-

ка имѣетъ прекрасный заводъ и, отправляя меня сюда, приказалъ привести вамъ лучшаго жеребца Арабской породы своего завода, будьте столь снисходительны, примите этотъ подарокъ за знакъ нашей признательности за старанія ваши по нашему дѣлу, которое. . .

Предсѣдатель. Которое, я очень вѣрю, законно и будетъ рѣшено. . . и будетъ рѣшено. . . по закону. . . да что вы изволили говорить о жеребцѣ? . . . Батюшка вашъ, кажется, около десяти мѣсяцевъ какъ померъ.

Л. Точно такъ. Но отправляя меня сюда, онъ приказалъ привести вотъ эту лошадь.

Предс. Жаль батюшку вашего. Отъ Кат. Зах. (*матери*) я получилъ не давно письмо, она здорова. — Да ваше дѣло. . . съ Веригинымъ. . . да, да, да — ужь я —

Или Предсѣдатель съ ума сошелъ, или онъ что нибудь отъ меня скрываетъ, думалъ я: что говорилъ онъ? что значатъ его да, да, да — сей часъ увидимъ.

Я. Не угодно ли вамъ посмотрѣть лошадь?

Предс. Гдѣ же? у меня на дворѣ?

Я. Да-съ, у васъ, лошадь прекрасная, первая изъ нашего завода. Какая волосистая грива — хвостъ, сурепица, шея,— шея точно дуга, копыты стаканчикомъ. Ужъ правда Неплашиловъ давалъ намъ за нее тысячу двѣсти, да она береглась для васъ. Этотъ конь для охотника двѣ тысячи стоитъ. Не шутя говорю, что папинькѣ давали тысячу триста...

Предс. Да, ваша правда, лошадка изрядная. А что вы изволите говорить вамъ за нее давали? — Тысячу четыреста, отвѣчалъ я; набавляя цѣну, и думая этимъ сдѣлать подарокъ значительнѣе.

Предс. Да, тысячу четыреста лошадка хорошенькая. А кто давалъ-то вамъ?

Я. Вѣрный человѣкъ — хоть сей часъ деньги — Калина Игнатьевичь Неплашиловъ.

Предс. Такъ сдѣлайте мнѣ одолженіе... Ахъ, да я и позабылъ: а сколько у васъ спорной земли?

Я. Тысяча восемь сотъ шестьдесятъ четыре десятины съ небольшимъ.

Предс. Вотъ въ чемъ просьба моя... Я всѣми средствами буду стараться для рѣшенія дѣла въ вашу пользу; — просьба-то моя: вы говорите, что вамъ... сей часъ изволили говорить, прежде *тысяча восемь сотъ шестьдесятъ четыре десятины*, что за эту лошадь вамъ давали тысячу четыре ста рублей, даже и болѣе...

Я. Да-съ, даже и болѣе. —

Предс. Ну положимъ, что полторы... (полторы, *повторилъ онъ задумавшись.*) — Не льзя ли вамъ... иль нѣтъ, прошу васъ одолжить меня, исполнить мою просьбу... вы вѣрно можете быть владѣтелемъ спорной земли — тысячу восемь сотъ шестьдесятъ четыре да! — Моя просьба... Продайте эту лошадь, а денежки полторы тысячи доставьте мнѣ, да монетою, монетою. Я что-то не люблю ассигнацій. — Такъ вотъ въ чемъ моя просьба; она не то, что ты-

сяча восемь сотъ шестьдесятъ четыре десятины; — а ваши пропивники сильны. — Вотъ, любезный Александръ Ивановичь, услужи для старика, продай покупщику, а денежки мнѣ — звонкой, а не бумажками доставь, а я объ дѣлѣ похлопочу, — доставь мнѣ. А теперь прощайте, Александръ Спиридоновичь, прощайте. Онъ удалился.

И смѣхъ и горе овладѣли мною. Онъ боится ассигнацій, вѣрно напуганъ, а я расхвалилъ, оцѣнилъ на свою шею. Въ жизни многое часто бываетъ не кстати. Кажется хвалить всегда кстати, а вотъ въ шепеpешнемъ случаѣ полезны ли похвалы или нѣтъ — объ этомъ скажетъ покупщикъ-оцѣнщикъ карманъ мой. Слова кстати и не кстати должно знать пвердо; должно знать гдѣ употреблять, иначе и кстати употребишь не кстати. — Обращаясь съ дѣловыми людьми, какъ купецъ съ покупщиками, по наставленіямъ моего дяди, я думалъ выиграть... О! опытность спариковская! и ты часто обманываешься! Какъ бы то ни было, но я долженъ былъ отдать тысячу пять сотъ рублей Пред-

сѣдателю изъ денегъ, занятыхъ мною у Грушина, что совѣтовалъ мнѣ и Гаврило Тимофѣевичь. Дѣло о спорной землѣ не рѣшено до сихъ поръ. Уже и Секретарь и Предсѣдатель уступили мѣста свои другимъ преемникамъ, уже этому прошло около десяти лѣтъ; но вѣрно дѣловые люди ждутъ другихъ визитовъ, а мнѣ теперь вовсе не до нихъ.

ГЛАВА XXVIII.

Письмо. Духовное завѣщаніе. Пріемная Губернатора. Сибиряковъ опредѣляется въ Губернаторскую Канцелярію.

Одинадцать мѣсяцовъ прошло послѣ смерши моего родителя. Въ продолженіе сего времени я жилъ совершенно затворникомъ и лишь одинъ Грушинъ не много развлекалъ меня. Я непремѣнно хотѣлъ ѣхать въ Москву, но по письмамъ маминьки долженъ былъ остаться. Въ концѣ моего траурнаго года я получилъ вѣсть весьма прискорбную для моего предположенія. Дѣло было въ томъ, что дядя прислалъ ко мнѣ письмо, которое пусть будетъ извѣстно и Читателю:

Любезный Саша!

Давно я не писалъ къ тебѣ, извини дряхлаго дядю; гдѣ домашнія дѣла, гдѣ трудность, а иногда затрудненіе въ пересылкѣ тому препятствовали. Цѣль

сего письма та, мой несравненный, что я хочу тебя извѣстить о духовной твоего отца. И такъ слушай:

Ты наслѣдникъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія (*кромѣ седьмой части*); но по третьему пункту вышереченнаго завѣщанія мать твоя будетъ управлять имѣніемъ подъ моимъ опекунствомъ до того времени, когда судьба твоя выберетъ тебѣ подругу. — Получать тебѣ назначено до того времени по тысячѣ триста рублей въ годъ на твое содержаніе. При семъ препровождаю къ тебѣ письмо къ Его Превосходительству Губерн., въ Канцелярію котораго ты поступишь долженъ на службу. Такова была послѣдняя воля твоего отца. Исполнишь, или не исполнишь, сіе будетъ зависѣть отъ тебя. Но отецъ прибавилъ въ концѣ своего завѣщанія: »малѣйшее неисполненіе моихъ повелѣній со стороны сына должно лишить его отческаго наслѣдія!« — Вотъ письмо дяди! Каково было мое положеніе! Между тѣмъ какъ я стремился къ своему идеалу — Анетѣ, между тѣмъ какъ я мысленно уже наслаждался

обозрѣніемъ Москвы и занятіемъ въ наукахъ, къ которымъ склонность, на время погашенная, проявилась во всей своей силѣ, — надобно было письму дяди разрушить всѣ мои замки, которые, я самъ видѣлъ, что въ основаніи имѣли воздухъ и построены изъ воздуху, однакожъ казались со временемъ сбыточными. Грустно и стыдно отказываться отъ своихъ проэктовъ, жаль оставлять начертанный планъ, но воля отца меня связываетъ и я повинуюсь. Сходивши къ Г. Грушину, я разсказалъ ему все дѣло и прочелъ письмо дяди. Онъ уже былъ предувѣдомленъ и противъ себя говорилъ, что волл отца непреложна и исполненіе оной принесетъ пользу.

Я не упомянулъ, что въ продолженіи моего несчастія я познакомился, и довольно коротко, съ однимъ молодымъ человѣкомъ — Капитаномъ въ отставкѣ — Леонидомъ Гавриловичемъ Травиновымъ и со многими молодыми людьми одинакаго со мною возраста. Имѣя душу склонную къ дружбѣ, желая избрать себѣ товарища, съ которымъ бы могъ

дѣлиться и худымъ и добрымъ, я искалъ друга: и въ толпѣ знакомыхъ моихъ выборъ палъ на Леонида. Онъ былъ тихъ, скроменъ, временемъ задумчивъ, никогда почти не веселъ; всегда холодный, умный, разсудительный, опытный — онъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ разборчиваго, какъ казалось мнѣ, назначенія. Одно не нравилось мнѣ въ немъ — его скрытность, его цинизмъ и излишняя холодность. Но я искалъ себѣ ментора, который бы управлялъ мною не по праву, но по любви, — котораго бы жизнь была для меня наука. Самъ Леонидъ отличалъ меня отъ другихъ товарищей. Связь наша дѣлалась болѣе и болѣе тѣсною, неразрывною; наконецъ сердца наши поняли другъ друга — и Леонидъ, къ моему желанію и по собственному убѣжденію, сдѣлался моимъ другомъ. Объ немъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь я отправляюсь къ Губернатору. — Это было въ десять часовъ. Тамъ меня встрѣтилъ Секретарь Канцеляріи, коротkій знакомый Грушина и человѣкъ дѣловой, съ вѣсомъ и властію. У него были два креста: на шеѣ

и въ петлицѣ. Я имѣлъ къ нему письмецо отъ Грушина, по прочтеніи котораго, онъ покачалъ головою и сказалъ: не знаю будетъ ли вамъ мѣсто; впрочемъ я очень радъ. Сей часъ выдетъ Его Превосходительство. Мы пошли вмѣстѣ въ пріемную, гдѣ уже человѣкъ десять готовились представиться. Секретарь говорилъ почти со всѣми и, кажется, увѣрялъ всѣхъ въ успѣхѣ ихъ прошеній. Но вниманіе мое было обращено на одного старичка, который скоро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, разговаривалъ со всѣми, смѣялся и покашливалъ. Онъ былъ въ орельдусовомъ сертучномъ фракѣ, трикovыхъ панталонахъ въ сапоги, на которыхъ болтались огромныя кисти. Подошедши ко мнѣ, онъ дружественно взялъ меня за руку и спросилъ: не ужели я васъ здѣсь вижу, мой отецъ родной? — Я стоялъ въ изумленіи. — Вы не знаете меня! да и мудрено ли? Я человѣкъ какъ человѣкъ; васъ вотъ, такъ одинъ разъ увидишь, по вѣкъ не забудешь. Голова, прибавилъ онъ, какъ голова, носъ прямой, ротъ обыкновенный, —

ну вотъ не дашь не взять: съ головы мудрецъ, съ рукъ боецъ, а съ фигуры свѣтецъ. Что задумался, отецъ, машешь руками и стоишь какъ во фрунтѣ?...

Я стоялъ и молчалъ. Никто не обращалъ на это особеннаго вниманія, какъ будто это было въ обыкновенномъ порядкѣ знакомства. Въ продолженіи всего разговора почтенный старичекъ кружился около меня, чихая и кашляя. Наконецъ вышелъ камердинеръ Губернатора, неся въ рукахъ фарфоровый тазъ, щетку и гребень — знакъ что Губернаторъ скоро выдетъ. И въ самомъ дѣлѣ, спустя минутъ пять, отворились двери и Губернаторъ явился къ своимъ докучнымъ визитерамъ. Онъ говорилъ со всѣми поочередно, и когда дошло дѣло до меня, Секретарь помогъ мнѣ въ изъясненіи моего дѣла. Я подалъ письмо и Губернаторъ, прочитавши оное, поговоря что-то не явственно съ Секретаремъ, далъ мнѣ слѣдующую резолюцію: Очень радъ имѣть у себя въ Канцеляріи сына почтеннаго Ивана Ивановича, слѣдуйте примѣру своего батюшки, онъ былъ краса здѣшняго дво-

рянства и вѣрный сынъ отечества. Позвольте мнѣ думать, что сынъ не заставитъ жалѣть объ отцѣ и не обманетъ моей надеждѣ. Обо всемъ вы можете переговорить съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, сказалъ онъ, указывая на Секретаря, и, устремивъ на меня свои проницательные взоры, кажется, ожидалъ отъ меня отвѣта. — Я отвѣчалъ: Почитаю за счастіе служить у Вашего Превосходительства и если Вамъ угодно было обратить на меня Ваше лестное вниманіе, это, кажется, вѣрный залогъ моего рвенія къ службѣ. — Губернаторъ пожалъ мнѣ руку и перешелъ къ слѣдующему, послѣ меня визитеру. Это былъ потъ старичекъ, который такъ выгодно со мною началъ знакомство. Ба! Ба! Князь, вы опять къ намъ, сказалъ Губернаторъ! Что каково въ Петербургѣ? — Хорошо, Ваше Превосходительство, очень хорошо, только ужь слишкомъ парадно: я пойду въ своемъ сюртукѣ — а мнѣ говорятъ: ступай за веревку, теперь парадъ; я говорю, что я Князь, а солдатъ: (*эдакая дерзкая тварь!* —) я не знаю кто ты, но сюр-

тучные за веревку! Ужь это мнѣ не по лѣтамъ. — Тото, Ваше Сіятельство, въ Петербургѣ вѣрно плохихъ-то не любятъ, сказалъ Губернаторъ, и продолжалъ идти къ слѣдующимъ. Наконецъ, спустя довольно времени, аудіенція кончилась. Губернаторъ раскланялся и представлявшіеся начали разъѣзжаться. Я отправился домой, потомъ къ Грушину, которому расказалъ все происходившее. Онъ совѣтовалъ мнѣ побывать у Секретаря и предложилъ ѣхать съ собою того же дня вечеромъ. Я возвратился домой, гдѣ вдвоемъ съ Басовымъ, послѣ обѣда, закуривъ трубки, мы разсуждали о превратности судьбы и о странномъ завѣщаніи моего родителя.

ГЛАВА XXIX.

Вечеръ у Секретаря. Семейство Лорнетовыхъ. Сибиряковъ влюбляется въ дѣвицу Лорнетову. Секретарша и ея дочь. Пѣніе.

Наконецъ въ семь часовъ собравшись я пошелъ къ Грушину, съ которымъ и поѣхалъ къ Секретарю Губернатора. Онъ принялъ насъ очень радостно и, узнавъ о моей прежней службѣ, сказалъ, что до случая я буду служить помощникомъ столоначальника, прибавя наставленія о подчиненности начальству, о исправномъ хожденіи и прочія общія нравоученія, которыми снабжены всѣ дѣтскія азбуки и наполнены всѣ нравственно-сатирическіе романы. — Между тѣмъ начали съѣзжаться дамы и кавалеры. Я встрѣтилъ здѣсь многихъ моихъ сверстниковъ и товарищей. Но что за съѣздъ думалъ я? Что за званый вечеръ? У Секретаря была дочь хорошенькая собою и прехитрая кокетка.

Я ее зналъ и прежде: она, вмѣстѣ съ Анетой, воспитывалась въ пансіонѣ Г-жи Ломберъ. Начались танцы и въ продолженіи экосеза пріѣхало семейство Лорнетовыхъ. Познакомимъ съ нимъ Читателя. — Лорнетовъ былъ нѣкогда первый купецъ и богачь во всемъ городѣ. Онъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ и вся его жизнь была исполнена благодѣяній. По смерти своей онъ оставилъ своему многочисленному семейству значительное имѣніе. Шесть дочерей его, одна другой лучше, почитались первыми красавицами въ городѣ; а четыре сына въ наружной красотѣ не имѣли себѣ соперниковъ. Но далъ Богъ красоту, да не далъ разума. Всѣ онѣ были глупы. Но что намъ до ума? Танцы кипѣли. Я вальсировалъ сперва съ дочерью Секретаря, а потомъ съ третьею Лорнетовою — Дунею. Вотъ вамъ, Читатель, портретъ Дуни:

Представьте себѣ бѣлое какъ снѣгъ личико, на кругленькихъ щекахъ котораго самый нѣжный пурпуръ, ярко покрывавшій средину, постепенно отто-

ялся и изчезалъ на бѣлизнѣ тѣла. Быстрые голубые глаза, какъ стрѣлы, метались на всякаго; остренькой носикъ, каштановые волосы, богатый нарядъ — все это разительно копировало Медицейскую Венеру; но столь близкой копіѣ недоставало главнѣйшаго — души. Это была не Анета; нѣтъ, это была прекрасная картина, живая статуя превосходной отдѣлки. Начался катильонъ. Я былъ выбранъ дочерью моего будущаго начальника. Во время отдыха, она напомнила мнѣ о прежнемъ знакомствѣ въ пансіонѣ, о ея дружбѣ съ Анетою, и какъ же удивила меня, сказавъ, что Г. Грушинъ, знакомый ея родителя, есть отецъ Анеты, бывшей ея подруги. Это меня заставило еще болѣе уважать почтеннаго Г. Грушина и тогда уже я видѣлъ въ немъ какъ бы своего отца. Но объ этомъ послѣ. — Ангажирую Дуню Лорнетову и кадриль начинается. Дуня отлично ловко танцовала, но та бѣда, но та бѣда, что говорить-то не умѣла. При всемъ томъ мысль о Дунѣ запала мнѣ въ голову. Я мыслилъ о ней совсѣмъ не такъ, какъ

объ Анетѣ: ибо Дуня была безъ выраженія — прелесть или Грація движенія; а Анета — Грація прогательная, прелесть милосердія. Въ антрътанцахъ я познакомился съ братьями Дуни и, какъ водится между молодыми людьми, почти подружился. »Мазурку! Мазурку!« и кавалеры ангажируютъ дамъ. Къ счастію моему, что дочь хозяина взялъ Эдуардъ Ломберъ, которой, посмотрѣвъ на меня (*можетъ быть и неумышленно*) и видя, что я разговариваю съ Дуней, — она и не отказала. Я ангажировалъ Дуню и сталъ въ первой парѣ. Дочь Секретаря, кажется, ревниво на меня смотрѣла. Я началъ... невольно, ненарочно, совсѣмъ безъ умыслу сжалъ я или пожалъ, можетъ быть (*не помню*), руку Дуни, — но только помню, что она слишкомъ нарочно отвѣчала мнѣ тѣмъ-же... Мы кончили... Я говорилъ, болталъ и... союзъ съ Авдотьей Алексѣевной Лорнетовою заключилъ торжественно и ратификовалъ въ галоподѣ. Побѣда моя! Какъ я восхищался. Роковое *да*, сказанное миленькими губками Дуни, какъ ударъ электричества, разлилось по

всѣмъ моимъ членамъ. Въ другой кадрилѣ я танцовалъ съ Евгеніей, которая между молодыми была за Энни; она говорила множество остротъ на счетъ Дуни и даже въ слухъ говорила по Французски, ибо Дуня ничего не понимала. Вдругъ сдѣлался шумъ. »Маминька пріѣхала!» кричала Энни. Всѣ ждутъ и вотъ предстала Анна Ѳедоровна, мать Энни и жена Николая Ѳедоровича.

Она была молода и совершенная дочь съ прибавкою четырехъ лѣтъ, не болѣе. Даже мать болѣе нежели дочь имѣла привлекательности. Ибо величественный видъ ея, огненные глазки, останавливающіеся съ какою-то стыдливостью, ея прекрасный и бойкой разговоръ, свѣтская опытность и непринужденная веселость — все это ставило ее выше Энни. Николай Ѳедоровичъ отрекомендовалъ меня своей половинѣ, я съ своей стороны болтнулъ комплименпа два, получивъ въ замѣнъ, можетъ быть, четыре. »Ахъ какая скука!... Сей часъ была у Губернаторши! Пріѣзжаю: молится. Я поси-

дѣла съ дочерьми. У старшей, какъ примѣтно, одинъ глазъ ниже, младшая-то бойка, да крестьяна. Сыновья входили: что это! у старшаго губы-то такъ и отвисли, а меньшой до того надоѣлъ съ своей сабаченкой... Вотъ вышла матушка — и пошли проповѣди: мужемъ недовольна, дѣти всѣ въ мужа. Представь, другъ мой, они до сихъ поръ не помирились! — а все это косой заяцъ ихъ ссоритъ.» Меня пригласилъ Николай Ѳедоровичъ сѣсть въ виспъ: четвертый былъ Лорнетовъ. Мы играли, а барышни, схватившись подъ руки, ходили по залѣ. Лишь только мы кончили третій роберъ въ которыхъ я выигралъ у Лорнетова семнадцать рублей и проигралъ Николаю Ѳедоровичу двадцать четыре, какъ раздались форпопьяны и подошедшая Анна Ѳедоровна сказала своему мужу: «какъ тебѣ не стыдно засадить молодыхъ людей въ карты. Энни сей часъ пѣть будетъ;» Николай Ѳедоровичъ попросилъ насъ въ залу. Въ самомъ дѣлѣ Энни запѣла романсъ Метастазія Ecco quel fiero istante— прекраснымъ контръ-альто; но лишь

только кончила она послѣднее слово istante и начала варіировать, какъ мать сказала ей, чтобы она начала лучше Французскую, — что она и исполнила. Для любопытныхъ представляю всю пѣсню, рѣдкую по своей давности и интересную по своему содержанію. Я выписалъ ее изъ пѣсенника Эпин:

L'HEUREUSE CONFIANCE.

Loin de toi, tendre Thémire,
Rien ne peut plaire à mon coeur!
Pour toi seule je soupire,
Toi seule fait mon bonheur.
La nuit je te vois en songe...
Tu rends plus doux mon sommeil:
Pour quoi n'est-ce qu'un mensonge
Qui m'afflige à mon reveil?
Je n'ai pas l'inquiétude
De ces amans ambrageux —
Se plaire est mon habitude, —
Doutes et injurieux.
De la foi j'ai la promesse;
C'est un garant de tes feux. —
Qui soupçonne sa maitresse
Est indigne d'être heureux.
Dans les tourments de l'absence
Dois-je, hélas! rester long-temps?
Juges donc de ma souffrance
Par les maux que tu ressens;

Toi seule connais mon ame,
Toi seule as tu dans mon coeur;
Si tu dois trahir ma flamme,
Ah! laisses-moi mon erreur.

Пѣніе кончилось. Начались шолки, пересуды, насмѣшки, хвастанье и продолжались до того самаго времени, когда роковой часъ напоминаетъ служащему пору сна и свѣтскому жаръ танцевъ. Я уѣхалъ, переговоривши съ Дуней, которая просила меня познакомиться съ ея братьями. — Милая Дуня! Вниманіе отца и матери едва ли было не болѣе дочерняго къ моей особѣ. И такъ нынѣшній вечеръ я провелъ не безъ пользы.

ГЛАВА XXX.

Балъ у помѣщика Скорѣшинскаго. Посѣщеніе Лорнетовыхъ. Счастливый будуаръ красавицы.

Отцовское жалованье я получалъ исправно. Службу продолжалъ и пользовался расположеніемъ Николая Ѳедоровича. Жизнь моя вновь сдѣлалась покойною, веселою, счастливою. Но не рѣдко небосклонъ удовольствій туманили тучки горестнаго воспоминанія о потерѣ отца. Тутъ я понялъ всю цѣну моего несчастія. Николай Ѳедоровичъ и Гаврило Тимофѣевичъ — знакомые моего родителя — относились объ немъ съ самой лучшей стороны. Тому уже прошло полтора года, какъ я лишился его. Новый ударъ готовился поразить меня. Я сказалъ уже, что въ особѣ Грушина я почиталъ какъ бы отца, — чего онъ и былъ совершенно достоинъ. Часто

рѣшался я открыться ему во всемъ, — требовать... но боялся; какая-то робость, совсѣмъ не дѣтская, меня удерживала. Я зналъ, что я еще молодъ, что мнѣ необходимо нужно служить, быть достойнымъ Анеты. Въ одинъ вечеръ — не помню гдѣ — встрѣтился я съ Степанидою Ивановною. Она, какъ извѣстно уже Читателю, знала и меня и Анету и наши отношенія. Порадуйтесь, сказала она мнѣ, Анна Гавриловна помолвлена и, вѣроятно, прибавила она съ улыбкою, скоро выйдетъ.—За кого? спросилъ я въ чрезвычайномъ волненіи. Степанида Ивановна улыбнулась и отошла. Я остался одинъ, не зная что дѣлать. Странно, отъ чего я, будучи уже въ такихъ лѣтахъ (*двадцати лѣтъ*), былъ еще такимъ ребенкомъ. Теперь дѣло прошлое — почему я также столбенѣлъ въ шестнадцать лѣтъ какъ и въ двадцать, уже пожившій, какъ говорится, уже насмотрѣвшійся? Отъ чего Анета производила на меня тоже впечатлѣніе въ шестнадцать лѣтъ, какое и въ тринадцать? Я это объяснялъ себѣ тогда слѣдующимъ образомъ. Милая

Анета всегда и вездѣ не выходила изъ головы моей. Я съ ней породнился, время привязало меня еще болѣе; смерть отца, достойный ея родитель — все это еще драгоцѣннѣе дѣлало Анету. И такъ мудрено ли, что я остолбенѣлъ, когда услышалъ, что Анета выходитъ замужъ?—но это продолжалось не долго. Степанида Ивановна скоро вывела меня изъ сомнѣнія, говоря, что она хотѣла пошутить надо мною. Съ Лорнетовыми я свелъ хорошее, короткое знакомство и очень часто бывалъ у нихъ въ домѣ, такъ какъ и они у меня. Читателю уже извѣстны и братья и сестры хорошенькой Дуни. Должность я отправлялъ все не такъ какъ должно, и только мое знакомство съ Николаемъ Ѳедоровичемъ поддерживало меня во мнѣніи моихъ сослуживцевъ. Наконецъ наступила зима 1823 года — эпоха моей жизни, въ которую произошелъ рѣшительный переворотъ въ моей судьбѣ. Я жилъ — какъ должно жить молодому человѣку — съ хорошимъ достаткомъ. Отличная пара, прекрасные сани и ливрея, большое знакомство — все это

поставляло меня выше всѣхъ моихъ сверстниковъ и ласкало моему самолюбію. Въ началѣ Февраля я узналъ, что Грушинъ уѣхалъ, — уѣхалъ не сказавшись и не простившись со мною.

Я не зналъ чему приписать этотъ странный поступокъ. Я не могъ думать о его отъѣздѣ, ибо, какъ онъ мнѣ говорилъ, къ Февралю пріѣдетъ въ городъ все его семейство, пріѣдетъ Анета... и чего я не ждалъ при этой вѣсти! но все рушилось. Зима, балы, танцы — эти три слова, кажется, неразлучны между собою. Былъ балъ у Скорѣшенскаго, зажиточнаго помѣщика, весьма важной особы по всей губерніи, знаменитаго кормильца и проч. — балъ былъ великолѣпный, почти весь городъ былъ угощаемъ. Я былъ тамъ, тамъ была Лорнетова Дуня, безъ сестеръ и братьевъ; тамъ была Энни — можетъ быть, еще до полусотни лицъ, Марій, Грушъ, Василисъ и Θеколъ... Въ продолженіи бала Дуня упрекнула меня самъ я не знаю въ чемъ, просила когда нибудь на масляницу вмѣстѣ покататься...

Бухъ! раздалось по всей залѣ. Что такое? Что такое? Крикъ, шумъ, бѣготня, тревога, смѣхъ, разсказы... Что такое? »Вы видѣли? Полковникъ Кащеевъ тучный вальсировалъ, да поскользнулся и ушибся, кажется.« — Вы видѣли? »Ахъ, жаль бѣднаго.« — Да, Полковникъ упалъ. »Какъ, упалъ?« Да, сломалъ себѣ ногу и ранилъ бокъ — упалъ на саблю. »Видѣли вы какъ Полковникъ упалъ? »Нѣтъ, а я слышалъ, говорятъ, ушибся. »Какъ, ушибся! онъ едва ли живъ будетъ, всю голову размозжилъ, — упалъ на ребро стола, все повалилъ, а бѣднаго Климова такъ и притиснулъ къ стѣнѣ.« Ахъ что за потѣха!! »Видѣли какъ Полковникъ... со всѣхъ ногъ, да навзничь... экой!! однако, говорятъ, ушибся очень больно, високъ прошибъ объ...« Полноте Гг. сказалъ я наконецъ; вотъ Полковникъ, вы его ужь въ мертвые запишете. — Въ самомъ дѣлѣ упавшій Полковникъ прошелъ мимо насъ и совершенно въ прежнемъ состояніи, если еще не бодрѣе. — Энни была мила, только нестерпимая ея ма-

минька безпрестанно ее, кажется, учила, или ободряла, или я не знаю что, только очень часто подходила къ ней и, расправляя ревнивый голубой платочикъ, что-то говорила. — Я здѣсь узналъ отъ особы достойной всякаго вѣроятія, что Энни кроткая, милая дѣвушка, съ отлично-хорошимъ характеромъ, съ добрымъ сердцемъ и нравственностью; но не много упряма, или не упряма а, если вамъ угодно, разсудительна и не вполнѣ исполнявшая приказанія своей въ высочайшей степени кокетки-матери. — Третій часъ. Въ гостиной звонъ, крикъ; въ залѣ танцы... Видите, вотъ группа старыхъ барынь съ превысокими наколками и лифами; онѣ разсуждаютъ, какъ бы сшить по дешевлѣ трехъ-этажный чепецъ. Видите, вотъ почтенные старички разсуждаютъ въ своихъ сюртучныхъ фракахъ, коихъ возрожденіе они празднуютъ, надѣвая только во второй разъ и любуясь на мозаическія свои пуговицы и цвѣтъ сукна самый свѣтлый гороховый и самый яркій желтооранжевой — сидятъ и разсуждаютъ: сдѣлаетъ ли Наполеонъ

высадку въ Англію или Лудовикъ XVIII вступитъ на престолъ ; — смѣшиваютъ Григорія VII съ Григорьемъ Отрепьевымъ ; — одинъ цитуетъ изъ Ломоносова (?): «Безъ тебя нѣмотствуетъ Хемія, безъ тебя безмолствуетъ Элоквенцыя, безъ тебя молчитъ Піитика, безъ тебя не издаетъ гласу Грамматика!» и утверждаетъ, что Ломоносовъ еще молодой Риторъ и геній, увлекающій за собою всѣхъ современниковъ... трактуютъ объ сбытѣ продукцій и говорятъ, что по тарифу запрещено все и вывозить и ввозить, кромѣ сала и лѣсу, получаемаго нами отъ Англіи ; чаю и сахару, коими снабжаетъ насъ Швеція — а вывозъ разрѣшенъ только на апельсины и лимоны.

Дамы постарше нагружаютъ конфектами свои ридикюли для племянниковъ, внучатъ и дѣтокъ. Все занято. Пожилые, старые, молодые, взрослые и молоденькіе всѣ въ дѣйствіи, всякій занятъ, безпокоится — особенно молодежь. Я былъ весьма друженъ съ сыномъ Скорѣшенскаго — пешимепромъ,

лѣтъ въ восемнадцать. Онъ приготовлялся вступить въ гвардію и отживалъ послѣднюю зиму. Балъ кончается. Гости разъѣзжаются, а бдительный церковникъ уже отблаговѣстилъ къ заутренѣ. Утомленный, измученный, сонный, я едва добрался до постели и скоро забесѣдовалъ съ Морѳеемъ. На слѣдующій день, рано по утру, часовъ въ одинадцать пріѣзжаетъ ко мнѣ сынъ Скорѣшенскаго и приглашаетъ съ собою ѣхать въ деревню, гдѣ замѣтилъ онъ прекрасныя ягоды. Я отговаривался, что долженъ быть у должности: — все прочь! нашлись отговорки. Я спрашивалъ, гдѣ-жь его гувернеры? — Десю, спровадилъ я, отвѣчалъ онъ мнѣ, къ Горнымъ; ты знаешь, вѣдь онъ химикъ, такъ пошелъ къ литейщику что-то заказывать; а Гоблингъ у меня же отпросился къ своему знакомому Нѣмцу. Въ два часа мы воротимся. Скорѣе! деревня верстъ за семь. — Я велѣлъ заложить лошадей. Но вошедшій человѣкъ сказалъ Скорѣшенскому: папинька приказалъ васъ просить за какимъ-то необходимымъ дѣломъ. — Валеръ (*такъ*

я звалъ сына) испугался, и съ боязни и невѣденія что дѣлать, пошелъ очень скоро, одинъ безъ гувернеровъ. Я же отправился къ должности, хотя уже былъ двѣнадцатый часъ въ исходѣ.

Того же дня вечеромъ я катался вмѣстѣ съ Лорнетовымъ. Дуня пригласила меня къ себѣ вечеромъ, я назвался къ братьямъ ея и въ семь часовъ отправился. Пріѣхавши къ нимъ, я засталъ все многочисленное семейство усѣвшимся вокругъ чайнаго стола — (*такъ твердо соблюдаютъ купцы времена патріархальныя*). Мнѣ были чрезвычайно рады. Дуня въ простенькомъ платьѣ была отлично мила и что-то робко на меня поглядывала. Просидѣвши до десяти часовъ, я намѣренъ былъ уже идти, ибо и Дуня — предметъ моего посѣщенія, подъ конецъ ушла въ свои комнаты, отговариваясь головною болью;—собрался, и лишь только вхожу въ оффиціанскую (*гдѣ не было и не бывало никогда оффиціантовъ*), какъ почувствовалъ, что кто-то, или что-то живое до меня коснулось. Темнота не позволяла мнѣ

видѣть, но скоро ощущеніемъ узналъ, что то была женщина, и какъ удивился, когда по голосу угадалъ миленькую Дуню. Какъ вы хорошо сдѣлали, что пришли, сказала она. — Это былъ пріятнѣйшій долгъ мой, сударыня, отвѣчалъ я. — Въ залѣ послышался шумъ и Дуня, схватя меня за руку, скоро пошла въ противуположныя входу двери, тамъ коридоръ, еще дверь и — будуаръ Дуняши—небольшая комната, отлично расписанная и пышно драпированная. Въ переднемъ простѣнкѣ былъ огромный краснаго дерева туалетъ, съ весьма большимъ зеркаломъ. Два окна украшеныя гардинами и уставленныя цвѣтами были завѣшены трансъ-парансами. Кровать съ бѣлою кисейною занавѣскою, прикрѣпленною къ потолку блестящимъ кольцомъ, по которому вiющаяся змѣя, держа во рту огромный пучекъ складокъ занавѣса, казалось бдила сокровище — Дуню. Внутри я ничего не видѣлъ. Мебель состояла изъ четырехъ креселъ краснаго дерева съ золотою отдѣлкою и бархатными подушками. Въ этой же комнатѣ очарованія — была

прелестная Дуня. Не успѣли мы войти, и только заперли комнату, какъ. . .(*рука Дуни была у меня*) — какъ кто-то спалъ стучапься. Я оробѣлъ, Дуня испугалась. Кто тамъ? спросила она. — Дуняша, отопри мнѣ, сказалъ дѣтскій голосъ. — То была сестра Дуни. За чѣмъ ты идешь? спросила опять моя Армида, къ которой я, оставя страхъ и трепетъ, очень приближился и впился въ розовенькую щечку. — Отопри, плаксиво говорила малютка. — Ступайте на постель, сказала мнѣ Дуня, и я распахнувъ занавѣсь, спряпался въ эту колыбель прелестнаго созданія. Дуня отперла дверь и вошедшая малютка прямо къ постели и стала рыться подъ подушвами. . . Чего ты здѣсь? все перемнешь; — ступай, ступай, сказала Дуня и вывела крошечку изъ своей комнаты. Бѣдненькая заплакала и побѣжала къ матери. — Вылезайте! сказала мнѣ Дуня, смущенная и еще болѣе испугавшаяся; поскорѣе! сей часъ кто нибудь придетъ изъ большихъ. Я оставилъ засаду — дѣлать было нечего, поцѣловалъ Дуню уже нимало не прекословившую мнѣ и,

взявши что-то завернутое въ бумажкѣ, которое она мнѣ давала, схватилъ шляпу и бѣгомъ кинулся изъ комнаты. Это было первое посѣщеніе будуара красавицы.

Конецъ первой части.

РУССКІЙ

ЖИЛБЛАЗЪ,

ПОХОЖДЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА СИБИРЯКОВА

ИЛИ

ШКОЛА ЖИЗНИ.

Сочиненіе

Геннадія Симоновскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1831 года, Декабря 14 дня. Цензоръ *Л. Цвѣтаевъ.*

ГЛАВА I.

Губернаторъ. Сибиряковъ у него въ милости. Ученыя занятія. Несчастный случай. Отставка Сибирякова. Неожиданный переворотъ семейныхъ обстоятельствъ. Пріѣздъ матери Сибирякова.

Секретарь былъ болѣнъ и уже съ мѣсяцъ, какъ его должность исправлялъ Столоначальникъ нашего отдѣленія. Я обыкновенно всегда ходилъ съ докладами къ Губернатору, особенно въ отсутствіи Секретаря, и носилъ для подписанія бумаги. Познакомимъ Читателей съ почтеннымъ моимъ начальникомъ. Это былъ знаменитый вельможа, богатый и отлично образованный для общества. Его свѣтская любезность не могла не нравиться губернскому дворянству; а его важность, его благосклонность и внимательность заставляли подчиненныхъ любить и уважать его. Но, не коротко знакомый съ своею

должностію, онъ довѣрялся Секретарю и избраннымъ Совѣтникамъ. Онъ имѣлъ даръ, въ этомъ должно признаться, выбирать людей, но это случалось иногда и погрѣшительно. Онъ былъ прекрасный свѣтскій человѣкъ и слабый Палатскій, — отличный начальникъ и плохой дѣлецъ. Вотъ каковъ былъ Губернаторъ! Я почитался на хорошемъ щету и, казалось, могъ ожидать много лестнаго въ будущемъ. Скоро онъ сдѣлалъ меня Чиновникомъ Особенныхъ Порученій и доставилъ чинъ Коллежскаго Секретаря, болѣе и болѣе склоняя ко мнѣ свою довѣренность. И такъ обласканный начальствомъ, довольный самъ собою я былъ покоенъ и жилъ совершенно счастливо. Тогда обратился я на самаго себя и скоро узналъ, что мое образованіе было весьма недостаточно, и что время отъ времени этотъ недостатокъ становился чувствительнѣе. Я бралъ тайно уроки у Лукина, который, по общему мнѣнію всего образованнаго губернскаго круга, почитался ученѣйшимъ, но его уроки были скучны, не питательны. Къ счастію моему, что я былъ

знакомъ и даже друженъ съ извѣстнымъ уже Читателю весьма образованнымъ человѣкомъ — Леонидомъ, бесѣды котораго, увлекали меня; я непремѣнно хотѣлъ учиться и возвратить потерянное. Онъ рекомендовалъ мнѣ книги на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, которыя я, при его помощи, и выписалъ изъ Москвы на значительную сумму. Вы не можете представить себѣ, какъ я былъ радъ, получивъ оныя. Съ каждою страницею встрѣчалъ много новаго, чѣмъ болѣе читалъ, тѣмъ болѣе возраждалась во мнѣ охота и любопытство, тѣмъ болѣе открывалась малозначительность моихъ свѣденій. Я раздѣлялъ день слѣдующимъ образомъ. Рано по утру вставалъ и занимался, въ десять или одинадцать часовъ отправлялся къ должности, вечеръ проводилъ или у моего несравненнаго ученаго Леонида, или въ обществѣ, которое тогда имѣло для меня болѣе прелестей. Такая жизнь мнѣ чрезвычайно нравилась. Скоро узналъ я, или лучше сказать уразумѣлъ, что такое Литтература — и все отъ моего несравненнаго друга ученаго. Для позна-

нія совершеннаго просвѣщенія, ученый мой присовѣтовалъ мнѣ получать журналы, о которыхъ поняпіе, хотя не большое, я имѣлъ уже въ Гимназіи. Мы стали получать вмѣстѣ два журнала: Вѣстникъ Европы и Телеграфъ. Я не знаю почему другъ мой выписывалъ первый, ибо я предпочиталъ Телеграфъ, и совсѣмъ почти не читалъ Вѣстника. Телеграфъ нравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и особенно шутками и остротами въ статьѣ: Библіографія. Впрочемъ довѣрія къ критикѣ сего журнала я не имѣлъ — вотъ по какому случаю: Одна книга была разбираема въ обоихъ журналахъ. Другъ мой, не знаю для чего, выписалъ ее; я читалъ объ критики: въ Телеграфѣ была написана забавная, смѣшная, а въ Вѣстникѣ что-то глубокомысленна, такъ что я не понималъ нѣкоторыхъ выраженій. Прочелъ выписанную книгу, снова перечелъ критики и тогда статья Вѣстника сдѣлалась для меня поняпнѣе, а Телеграфъ, какъ критикъ, не имѣлъ въ глазахъ моихъ никакаго достоинства; я все читалъ его и еще охотнѣе читалъ его

Библіографію. Я проводилъ жизнь мою счастливо, благословлялъ начальство и моего друга ученаго. Вдругъ, нежданно-негаданно, Губернаторъ получаетъ отставку. — Какъ объяснить все дѣло? Молва была слѣдующая. Будто бы я, изъ шутки и нелюбви къ Губернатору, подговоренный и подкупленный другими, пользуясь довѣріемъ своего начальника, употребилъ оную во зло и такимъ образомъ, написавъ отставку отъ лица Губернатора, подалъ ему подписать оную, а онъ, никогда не читая бумагъ, и слѣпо полагаясь на мою вѣрность, подписалъ ее, какъ дѣловую бумагу. Но какъ говорилъ я тогда, такъ говорю и теперь, что я нимало не былъ виновенъ въ этомъ происшествіи. Я былъ отрѣшенъ отъ должности и просидѣлъ три недѣли на гауптвахтѣ. Производившіяся слѣдствія кончились безъ всякихъ послѣдствій и я наконецъ былъ выпущенъ. Въ продолженіе сего злополучнаго времени одинъ только другъ мой ученый не оставлялъ меня. Онъ раздѣлялъ со мною всѣ горести и услаждалъ скуку. Спустя два дни послѣ моего освобожде-

нія пріѣхала маминька. Я чрезвычайно обрадовался ея пріѣзду, не зная какая была тому причина. Она дѣлала мнѣ строжайшіе выговоры за неблагодарность къ своему начальству, — въ чемъ я не признавалъ себя ни сколько виновнымъ. На другой день пріѣхалъ къ намъ Предсѣдатель — тотъ самый, который вмѣсто лошади требовалъ у меня денегъ. Онъ, по словамъ маминьки, сдѣлался другомъ нашимъ и изъ доброй воли принялъ участіе въ управленіи нашимъ имѣньемъ. Тому уже минуло два года, какъ отецъ мой кончилъ жизнь свою. Съ дядею Димитріемъ вышла ссора изъ фамильнаго образа, который онъ взялъ къ себѣ и о которомъ производилось дѣло. Предсѣдатель вызвался оправдать меня предъ Губернаторомъ, но все это было тщетно и послѣ долгаго ходатайства мое дѣло кончилось тѣмъ, что, отставя отъ должности, разрѣшено вступить мнѣ въ другую какую-либо службу, которую я выберу по своему произволу. Я не любилъ Предсѣдателя какъ алтынника и грубаго человѣка; особенно ненависть моя усилилась когда

я услышалъ, что Предсѣдатель, по выходѣ въ отставку, былъ у насъ въ деревнѣ и все перемудровалъ по своей формѣ. Онъ былъ ласковъ ко мнѣ до чрезвычайности.

ГЛАВА II.

Забавное сватовство. Валеръ Скорѣшинскій. Приглашеніе къ Логнетовымъ. Непріятная переписка.

Въ одинъ день, когда мы остались наединѣ съ маминькою, она такъ начала говорить мнѣ тономъ тихимъ, благосклоннымъ и ласковымъ. »Вотъ, другъ мой, Саша, ты уже теперь въ лѣтахъ и съ опытомъ. Мнѣ становится тягостно управленіе имѣніемъ, теперь ты самъ можешь и пора и должно. Но по завѣщанію твоего родителя...

Я. Маминька! ради Бога кончите. Ужъ я чувствую, что вы хотите говорить о женидьбѣ.

Мать. Рано или поздно ты долженъ исполнить это, или иначе не получишь имѣнья. Будь терпѣливъ, выслушай меня. По чувству родительской любви я должна непремѣнно быть посредницею между

тобою и избранною; молодые люди могутъ ошибиться. Обманъ не разгадаешь. А каково весь вѣкъ маяться?... Да, Саша, въ такомъ случаѣ дѣти должны непремѣнно соглашаться съ волею родителей. Я имѣю на примѣтѣ одну дѣвушку, скромную, не бѣдную, красавицу; какъ ты думаешь кто такая?...

Я. Извините меня, маминька, я ничего не думаю да и кажется, рано мнѣ думать.

Мать. Ахъ какой незговорчивой! Тебя въ двухъ ступахъ не уполчешь; я говорю, ты долженъ и весьма будешь радъ, если узнаешь эту дѣвицу; ужь я спорить готова, что ты, если хорошо знаешь ее, то непремѣнно влюбленъ...

Я. Ради Бога кончите, маминька, или я уйду.

Мать. Такъ знай же: это Василиса Энфиногевна Плацемонова. Помни, что отецъ ея — Секундъ-Маіоръ, а двоюродный сватъ его — Климъ Артемоновичь (*Предсѣдатель*) — другъ нашего семейства... Что скажешь?

Я. Я вамъ ничего не могу сказать, кромѣ того, что ни Василиса Энфиногевна, которая годится мнѣ въ бабушки, ни другая, — никто теперь еще не можетъ быть моею женою. Если вы шутите, маминька, то кончите эти скучныя шутки.

Мать. Я вижу, что ты теперь вышелъ изъ рукъ вонъ. Но знай же одинъ разъ на всегда, что если ты не исполнишь моей воли, ты лишаешься всего.

Я. Прощайте, маминька, я не въ силахъ долѣе слушать эти разговоры. Я вышелъ. Друга моего ученаго Леонида, несравненнаго Леонида со мною не было. Огорченіе за огорченіемъ, а утѣшить некому. Съ Секретаремъ я былъ не въ ссорѣ, а въ большой размолвкѣ, по дѣлу Губернатора; прибѣгнуть мнѣ было некуда. Валеръ Скорѣшенскій посѣтилъ меня. »Ахъ, Сибиряковъ, какъ хороша Лорнетова! Знаешь ты ее?« — Ступай съ своими Лорнетовыми, мнѣ теперь совсѣмъ не до того, отвѣчалъя. — »Ну вотъ, велико горе! Послушай, ахъ, какъ это мило, я буду нынѣче у Лорнетовыхъ съ па-

пинькой! Одна изъ нихъ—его крестница, ахъ какъ она мила, я буду танцовать съ ней!... Вотъ худо — по Французски не знаетъ, а то бы я ей наговорилъ... Сибиряковъ! если ты знакомъ, будь нынѣче тамъ, составимъ кадриль, у нихъ и дамъ и кавалеровъ много.» Сдѣлай одолженіе, оставь меня, Валеръ, право мнѣ совершенно не до Дуни?... До какой Дуни?...— «Лорнетовой; говорятъ, пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ изъ Москвы, посмотримъ, какъ онъ будетъ... Въ столицахъ любимый танецъ — голоподъ, нѣтъ я не люблю — ну что *дай да*, *дай да* и проч.» Я посмотрѣлъ на часы. Уже часъ съ четвертью. Мнѣ пора ѣхать къ маминькѣ, сказалъ я, она обѣдаетъ рано. «Ну поѣзжай, да будешь ли у Лорнетовыхъ?» — Нѣтъ... Впрочемъ не знаю. Пошелъ, — и мы съ Валеромъ разстались. Пріѣхавши къ маминькѣ, я засталъ у нея Предсѣдателя и мать Василисы Энфиногевны. Мать моя была пасмурна и со мною обходилась очень сухо. За обѣдомъ говорили о дѣлѣ, по случаю образа. Предсѣдатель говорилъ: ужь

если я взялся сдѣлать, то сдѣлаю. Я спросилъ мать моей невѣсты о здоровьѣ ея дочери — и маминька, полагая, что я обдумалъ и соглашаюсь на ея предложеніе, спросила меня: кончилъ ли ты свои дурачества? Согласись, что мой выборъ хорошъ. Васюта! Васюта! кричала она, и къ моему удивленію, изъ ближней комнаты вышла Энфногевна разряженная. Я смѣшался. Мать, почитая это признакомъ любовнаго смущенія и желая ободрить меня, взяла Васюту за руку и подводя ко мнѣ: будьте счастливы, сказала она. — Я вышелъ изъ-за стола, схватилъ шапку и какъ бѣшеный помчался изъ комнаты. Что заключили обо мнѣ, не знаю. Дома опомнился я и написалъ къ матери слѣдующее письмо:

Дражайшая Родительница,

Милостивая Государыня!

Я нахожусь вынужденнымъ, презрѣвъ всѣ обязанности сына, отвѣчать вамъ, какъ долгъ и честь мнѣ приказываютъ. Объявляю вамъ одинъ разъ на всегда,

что Василиса Энфиногевна никогда не можетъ быть моею женою: ибо я не намѣренъ жить по расчету вашему — а тѣмъ болѣе избирать жену себѣ. Подтверждаю, что хотя мое ослушаніе и лишило бы меня наслѣдства моего родителя, но это ничего въ сравненіи съ вашею Васютою. Если эти комедіи не прекратятся сего дня, я начинаю дѣло и буду требовать опцовскаго имѣнія, какъ наслѣдственнаго. Съ истинною сыновнею любовію и моимъ почтеніемъ остаюсь *сынъ вашъ*.

Отвѣтъ на сію записку я получилъ черезъ полчаса.

Сынъ мой! Воля родителя непреложна. Имѣнье, какъ благопріобрѣтенное, должно оставаться на завѣщаніи владѣтеля. Въ послѣдній разъ говорю тебѣ: исполнишь или нѣтъ волю мою? — или нѣтъ тебѣ ни души наслѣдства. *Мать твоя.*

Нѣтъ ничего лучше повиновенья къ своимъ родителямъ, оно тѣмъ пріятнѣе, что соединено съ выгодами. Я смѣю желать, а не совѣтовать. *Климъ Артемовъ.*

Человѣкъ сказалъ, что маминька, кажется, сама ко мнѣ сбиралась. Я сѣлъ и началъ отвѣтъ, по окончаніи котораго хотѣлъ куда нибудь ѣхать.

Матушка! Никакія угрозы не будутъ дѣйствительны. Я не хочу изъ наслѣдства сдѣлать себя нещастнымъ. Остаюсь бѣднымъ, грѣхъ на вашей душѣ. *Сынъ вашъ.*

P. S. Я бы не хотѣлъ ни совѣтовъ, ни желаній никакого подъячаго изъ выгодъ все дѣлающаго и выгодами живущаго. *Сибиряковъ.*

Письмо было послано.

ГЛАВА III.

Внезапное приготовленіе Сибирякова къ отъѣзду въ Москву. Ссора съ Предсѣдателемъ. Забавный тостъ. Визитъ помолвленныхъ. Письма.

Является Валеръ съ своими гуевернерами. Я за тобой заѣхалъ, ѣдешь что-ли? »Куда хочешь, хоть въ адъ!..« Что такое? — »Ничего, другъ мой, ѣдемъ скорѣе... лошадей!« —Мы поѣхали. Голова моя кружилась и я уже въ комнатахъ узналъ, что мы у Лорнетовыхъ. Это славно! Въ моемъ положеніи и быть въ гостяхъ! Тщетно старался скрывать я мое безпокойство — всѣ примѣтили, особенно Дуня. Посидѣвъ не болѣе часа, я хотѣлъ ѣхать, но Валеръ остановилъ меня. Куда ты? постой, сей часъ танцы. Посмотри, ахъ, какая хорошенькая! — Погоди Сибиряковъ, сей часъ сей часъ. Я вошелъ и, какъ прежде, встрѣченъ былъ Дунею. »Извини, Душа, я теперь въ

аду... Божусь тебѣ, никакъ не могу. До благопріятнаго случая, до завтра. »Я пожалъ ей руку и отправился домой. На слѣдующее утро я долженъ былъ ѣхать въ Москву. Почти вся ночь прошла въ мечтаніяхъ непрерывныхъ, непріятныхъ, долгихъ; съ зарею я разбудилъ человѣка и, боясь медлить, боясь какихъ либо козней со стороны матери, послалъ за извощикомъ. Ждалъ. — Наконецъ возвратился человѣкъ и пренесъ мнѣ въ отвѣтъ то, что вчерась поздно вечеромъ тотъ самый извощикъ отправился изъ городу. — »Куда?» Неизвѣстно. »Какъ же паспортъ?» — Да онъ, вѣрно, сударь, изъ ближней деревни. Пріѣдетъ и выпребуетъ другой. »Сходить и привести поскорѣе другаго извощика!» — Человѣкъ дожидается отъ маминьки, какъ прикажете? — »Позвать сюда!» — Маминька приказала вамъ кланяться, сказалъ вошедшій лакей, и приказала узнать о вашемъ здоровьѣ. — »Скажи, братецъ, маминькѣ, отвѣчалъ я, что я очень нездоровъ и что сей часъ ѣду, желая ей всякаго благополучія.» Присланный вышелъ. Я убиралъ свои

вещи, собираясь въ дорогу; оставлялъ записки, перебиралъ бумаги, книги, хлопоталъ усердно; подъѣхала маминькина карета и я, скрывшись въ спальню, велѣлъ сказать, что дома нѣтъ. Это не помогло. Маминька вошла въ комнаты, — въ спальню и съ сими словами: «какъ это тебѣ не стыдно, не грѣхъ сердиться на мать! не ужели я отъ большаго тебя должна терпѣть печали? стыдись самаго себя» — обняла меня. Если вы пріѣхали, маминька, съ тѣми же предложеніями, то не надѣйтесь. Я сказалъ одинъ разъ. — «Полно, полно, все это шутки и на что это похоже: какъ ты разобидилъ Луку Артемьича? Онъ по добротѣ принялъ участіе въ моемъ вдовьемъ дѣлѣ, а ты... это не на что не похоже. Хотя для меня люби и почитай его какъ отца.» — Это все въ сторону, маминька; Артемьичь какъ Артемьичь, — инпересанъ и преподлѣйшей души, я бы желалъ, чтобы и дѣло наше было препоручено другому. «Перестань, Саша; я тебѣ говорю, что онъ долженъ быть отцомъ твоимъ. ты всегда мнѣ пропивишься.» — Мы

кончили говорить для обоюднаго спокойствія. Маминька просидѣла у меня все утро и отправилась домой, взявъ слово быть у нея обѣдать. Лишь только она уѣхала, является Валеръ. «Здраствуй Александръ, здраствуй! поѣдемъ къ обѣднѣ.» Что такое, развѣ Лукинъ проповѣдь говоритъ?—«Что за Лукинъ! тамъ будутъ Щоринковы! Знаешь, какая мнѣ всегда неудача, сказалъ Скорѣпенскій. Онѣ очень хорошо знаютъ меня. Я у Веригиныхъ съ ними танцовалъ, средняя всѣхъ лучше; послушай, я приду въ соборъ — и онѣ тамъ, я слышу, что говорятъ обо мнѣ, а не смѣю заговорить съ ними. Стою у обѣдни до самаго выходу, выду на паперть вмѣстѣ съ ними. Я хочу заговорить — онѣ въ карету и уѣдутъ. Такая досада! Ѣдешь что-ли?... одиннадцать часовъ.» Нѣтъ, отвѣчалъ я, мнѣ нынѣче надобно быть у маминьки; я полагаю что черезъ день или два ѣду въ Москву. «За чѣмъ?» — Разумѣется, къ мѣсту. Чёртъ возми здѣсь съ этими низкими душами. — «Я самъ можетъ быть черезъ мѣсяцъ поѣду въ Москву. Папинька вче-

рась говорилъ. Я вѣдь уже третій годъ служу въ.... Прощай, пора ѣхать.» Валеръ уѣхалъ къ обѣднѣ, а я приготовлялся къ обѣду, гдѣ долженъ былъ испытать непріятное присутствіе Артемьича. Въ двѣнадцать часовъ я былъ у матери. Тамъ уже находились Артемьичъ и многіе его родственники. Я обошелся со всѣми очень сухо. За обѣдомъ Предсѣдатель, выбравши минуту, сказалъ мнѣ: «никакъ не ожидалъ получить отъ васъ такой обиды; неужели вы забыли дружбу вашего батюшки и расположенія вашей маминьки?» О какой обидѣ говорите вы? спросилъ я, какъ будто не понимая. «Ваша записка...» О! все это пустяки, — а какъ ваше дѣло съ Веригиными? «Какіе, сударь, пустяки? я Статскій Совѣтникъ, а ты, молокососъ, еще смѣешь такъ издѣваться.» — Г. Предсѣдатель, сказалъ я хладнокровно, чины въ сторону. Если вы вздумали дѣйствовать наступательно, не думайте, чтобы я не выдержалъ вашего приступу, упишите гнѣвъ свой, вотъ вамъ вино, предлагаю тостъ за выигрышъ дѣла.—

Артемьичъ обидился чрезвычайно. Онъ блѣднѣлъ, кидалъ вилку и не могъ ничего сказать. — Подыми все, сказалъ я человѣку, и попроси Предсѣдателя, чтобы онъ не кидалъ прибора. — »Полно, полно, говорила мнѣ маминька; какъ тебѣ не стыдно поступать такъ съ твоимъ. . . Онъ отецъ тебѣ; по его попеченіямъ. . . »Слышишь ли, человѣкъ! продолжалъ я. — »Дуракъ, молокососъ, повѣса!» кричалъ во все горло Предсѣдатель. — О! когда такъ, просить прощенія, толстый пьяница! — Человѣкъ! сюда! Я вынулъ пистолетъ, Артемьичъ блѣднѣлъ, маминька испугалась и уговаривала меня. Просить прощенія и выпить тостъ — бокалъ квасу съ водой! или, говорю вамъ, пуля! . . Выбирайте. »Ради Бога кончите, Лука Артемьичъ, помиритесь! Саша полно! . .» Не отстану до тѣхъ поръ, пока не исполнишъ всего, что говорю я. Просить прощенія и выпить бокалъ квасу съ водой! Человѣкъ, позови всѣхъ людей и повара и мальчишекъ. Г. Предсѣдатель! Въ послѣдній разъ говорю вамъ: если послѣ трехъ минутъ вы не выпьете бокала

и не будете просить прощенія, — одинъ конецъ — пуля... Просите! «Какъ просить? сказалъ онъ, не смотря на то, что былъ очень пьянъ.» — Просто, встаньте и поклонитесь мнѣ, скажите: я виноватъ предъ вами, Александръ Ивановичь; прошу прощенія. «Никакъ, никакъ, никогда!» — Полноте Лука Артемьичь, ну кончите шутку шуткой, что за церемоніи? Кончите скорѣй, а то люди придутъ. Ну скорѣе! — говорила жена его брата Ѳеоктиста Петровна. «Какъ, мнѣ просить прощенія — старику въ пятьдесятъ лѣтъ!...» Три минуты кончились, все прошло, закричалъ я, и схватился за курокъ пистолета. Лука Артемьичь, какъ бѣшеный, вскочилъ со стула, разшаркался и произнесъ сказанную формулу. — Я предлагаю бокалъ, старикъ упрямится, не пьетъ. Наконецъ, обнадеживъ его, что самъ выпью бокалъ, успѣлъ склонить — и квасоводянный тостъ, при хохотѣ присутствующихъ, былъ выпитъ. Онъ напомянулъ мнѣ о моей очереди, я налилъ вина, выпилъ и на его упрекъ, что пью вино, а не микстуру, отвѣчалъ, что

обѣщался выпить бокалъ, а чего? — это отъ меня зависитъ. Столъ по сему случаю продолжался долго. Въ концѣ нашей трапезы остановилась передъ окнами дома карета и лакей побѣжалъ на нашъ дворъ. Ужь это проклятые визитеры — сказала маминька, — и вошедшій человѣкъ подаетъ билетъ: *Николай Поликарповичъ Попиньковъ и Авдотья Алексѣевна Лорнетова съ матерью.* »Дома нѣтъ! надоѣли ужасно.« Я удивился, прочитавъ билетъ. Ѳеоктиста Петровна разрѣшила мое недоумѣніе. Авдотья Алексѣевна или Дуня Лорнетова помолвлена за Ассессора и Кавалера Николая Панкратьевича Попинькова, и разъѣзжаютъ съ визитами.— Жаль, признаюсь, жаль было Дуни, но не намѣреваясь скоро быть въ Москвѣ, я принималъ мѣнѣе участія, но чувствовалъ нѣкоторымъ образомъ маленькую досаду, а потому и рѣшился непремѣнно быть вечеромъ у Лорнетовыхъ. У маминьки я пробылъ до семи часовъ и возвратился домой. Здѣсь подали мнѣ письма. Онѣ были изъ Москвы отъ Грушина и моего ученаго Леонида. Пер-

вый, увѣдомляя меня, что болѣзнь дочери была причиною его поспѣшнаго отъѣзда, звалъ въ Москву, совѣтуя проситься у маминьки. Второй пишетъ, что разстроенное его здоровье и желаніе узнать поболѣе заставляютъ его ѣхать въ чужіе краи, гдѣ онъ надѣялся пробыть не менѣе двухъ или трехъ лѣтъ. Въ концѣ своего письма Леонидъ прибавляетъ: »я слышалъ о всѣхъ дѣлахъ твоихъ, жалѣю, что мы не вмѣстѣ, и что ты доселѣ живешь въ городишкѣ, и не пріѣдешь въ Москву.« — Это, какъ нельзя лучше, способствовало исполненію моего намѣренія ѣхать въ столицу. Я сѣлъ и написалъ письма къ обоимъ моимъ знакомымъ въ Москву, велѣлъ по утру отнести на почту, а самъ отправился къ Лорнетовымъ.

ГЛАВА IV.

Вечеръ у Лорнетовыхъ. Женихъ Ассессоръ и Кавалеръ Попиньковъ. Удачное тайное свиданіе Сибирякова съ помолвленною.

Было уже довольно поздно. Проѣзжая однимъ глухимъ переулкомъ, я услышалъ небольшой шумъ. Велѣлъ тише ѣхать — и у стѣны одного дома примѣтилъ трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, какъ можно было видѣть при тускломъ свѣтѣ луны, былъ въ медвѣжьей шубѣ, другой въ плащѣ, а третій въ ливреѣ. По всему можно было заключить, что первый и третій били втораго: но крику не было слышно. Я велѣлъ поскорѣе ѣхать, боясь впутаться въ это дѣло, можетъ быть, важное; — просто, я побоялся и спустя минуты четыре былъ уже у Лорнетовыхъ. Все предвѣщало, что у нихъ было торжество великолѣпное. Весь домъ горѣлъ. Въ окнахъ мелькали головы гостей, съ

прическами, чепцами, шляпками и повяз-
ями. На дворѣ было множество экипа-
ей; лѣстница освѣщена, оффиціанская
слугъ, изъ коихъ иные дремали,
грали, другіе разговаривали и
рь въ коридоръ Дуни была
За Въ залѣ было множество и
во въ сюртукахъ съ сбор-
ками в галапахъ, въ чуйкахъ,
во всемъ ько изобрѣлъ непо-
стоянный в между франтами,
и экономическ посѣщь между куп-
цами. Нѣкоторы пили чай,
другіе, собравшись толко-
вали, щелкая по таба погла-
живая свои окладистыя ѣсь
было собраніе изъ Азіи и Е
была одѣта столь великолѣпн
не видывалъ никого, что́ бы был
подобно, не только съ нею равня
Бриліанты блестѣли, золото и на плап
кахъ и на платьѣ горѣло. Мнѣ жаль было,
что я скоро долженъ буду потерять
знакомство Дуни, которымъ такъ при-
выкъ наслаждаться. Въ ней замѣтна
была тоже печаль и ея робкіе миленькіе
глазки, казалось, упрекали меня въ дол-

говременномъ непосѣщеніи. Она подошла къ матери, потомъ вышла въ спальню. Я между тѣмъ разсмотрѣлъ жениха. Это былъ лѣтъ въ сорокъ мущина, средняго роста и сухощавой фигуры. На черномъ лицѣ его, украшенномъ рябинами, виднѣлся носъ ни Римской, ни Греческой,—просто Россійской, по сторонамъ котораго свѣтились сѣрые глаза съ навислыми бровями. Въ петлицѣ висѣлъ крестъ и медаль, болѣе не было въ немъ ничего замѣчательнаго. Я смотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ, разсуждалъ чего недоставало ему. Дворянинъ, какъ говорила мать Дуни, да еще Кавалеръ, съ достаткомъ, съ мѣстомъ, въ виду у начальства, акуратенъ, не роскошенъ. Въ самомъ дѣлѣ чего надобно ему, будучи супругомъ Дуни? спрашивалъ я самъ себя... Рога? Рога! повторилъ я мысленно и слѣдовалъ невольно влеченію руки, которая схватила меня. «Послушай Сибиряковъ, тебя Дуня велѣла позвать къ себѣ, сказалъ мнѣ Лорнетовъ на ухо; ступай за мной, она въ своей комнатѣ.» — Мы прошли съ нимъ въ какую-то кладовую,

изъ нея вышли въ тотъ коридорчикъ и... къ Дунѣ. »Ты Илюша смотри, чтобы кто нибудь къ намъ не пришелъ,« сказала Дуня брату. — Хорошо, отвѣчалъ сей и вышелъ. — Такъ-то Дуня, вѣрно Поминьковъ, сказалъ я, цѣлуя Дуню... »Ахъ нѣтъ, другъ мой, это воля маминьки. Я не знаю...« Дуня, я не привыкъ къ мысли уступить тебя; дай мнѣ ручку; мнѣ сказали, что у васъ свадьба чрезъ два дни, — какъ скоро! Да когда было все это? я, кажется, дни три не болѣе какъ былъ у тебя. »Николай Панкратьичь давно сватался, говорила Дуня, по помолвка сама вчерась.« Жаль мнѣ тебя, Дуня! Ахъ, другъ мой, я любилъ тебя, дай мнѣ руку, поцѣлуй меня. — Дуня заплакала. Я цѣловалъ ее долго. Она съ искренностію изъяснила свою ко мнѣ привязанность, говорила, что замужество нимало не разлучитъ насъ, если только я по прежнему буду любить ее. »Сибиряковъ! выходи, что вы больно долго?« говорилъ Илья за дверьми. — Сей часъ, сей часъ. — Опять минуты черезъ двѣ: »выходи, что ты? или уснулъ?« — Сей часъ, говорилъ я

и не выходилъ. «Мнѣ смерть скучно, сказалъ Илья, ужъ часовъ пять стою въ темнотѣ.» Хорошо, Илюша, ты премиленькой. Спупай въ залу, скажи, что я въ своей комнатѣ, а А. И. уѣхалъ. «Что вы тутъ будете дѣлать? спросилъ Илья.» Ничего, А. И. напишетъ мнѣ стишки въ альбомъ — только. Илья ушелъ, дверь была заперта и любовная вечерія... Ахъ юность, юность! — Когда дождешься такого времени! —

ГЛАВА V.

Альбомъ [illegible] залогъ вѣчной любви. Знакомство [illegible] Пушиньковымъ. Неожиданный бракъ [illegible] Сибирякова съ Предсѣдателемъ. Секретарь. Отъѣздъ Сибирякова.

Она въ самомъ [illegible] мнѣ альбомъ, въ которомъ живопись [illegible] поэзіею наперерывъ спорили въ [illegible]. Здѣсь была нарисована роза, [illegible]:

Какъ сей цвѣтокъ поля красуется,
Красуй такъ ты прекрасный полъ.

Подъ изображеніемъ часовъ, кои держалъ, кажется, Сатурнъ, съ острою косою: «время летитъ, часы, минуты и секунды проходятъ, не оставляя по себѣ никакой памяти; одно время, одна та минута, въ которую я видѣлъ васъ, рѣзко живетъ въ умѣ моемъ.»

Здѣсь куплеты:

Я люблю тебя, Дуняша,
Ты любви достойна, и проч.

и еще:

Люди всѣ сердца имѣютъ,
Только въ разныхъ степеняхъ,
Есть отъ взоровъ тлѣютъ, млѣютъ,
Есть спокойны и въ сердцахъ.

Потомъ:

По Французски хоть умѣю и проч.

Еще:

Когда олень моря полюбитъ, какъ лѣса,
Забвенна будетъ мнѣ тогда твоя краса.

Съ подписью: *Смотритель по лѣсной части такой-то.*

Послѣ сего читаешь:

Сердце въ выборѣ не властно,
Все, что мило, то прекрасно и проч.

И слѣдующее четверостишіе:

Родиться, жить и умереть,
Есть тихія брега покинуть для волненья,
Бороться съ бурями, вездѣ погибель зрѣть,
И бросить якорь свой у пристани забвенья. —

Пробѣгая

Когда-бъ я власть имѣлъ
Повелѣвать судьбой,
Иной бы власти не хотѣлъ,
Какъ вѣчно быть съ тобой. —

Удивляется, что въ альбомѣ Дуни есть и Французскіе стихи:

Toi seul est ce que j'aime,
A toi seul est mon coeur,
Toi seul est mon bien suprême,
Toi seul fait mon bonheur,
Toi seul est ma folie,
Toi seul est tout pour moi,
A toi seul est ma vie,
A toi seul est ma foi. —

Vot. dev. v. adôt —

Не успѣлъ я взяться за перо, чтобы написать что нибудь на память, какъ послышался голосъ матери: »Дуня! съ кѣмъ ты? Пусти меня.« — Я одѣваюсь, маминька. »Какъ долго! Мнѣ Илья сказалъ, что у тебя гости, отвори поскорѣй.« Нельзя, маминька, я совсѣмъ раздѣта. »Да отвори чтожь нужды.« Нѣтъ, маминька, я сей часъ выду. »Ну выходи же поскорѣй.« — Она отошла и мы отдохнули. »Какъ жаль, что вы

такъ мало у меня сидѣли: но помните Дуню, она васъ любитъ; этотъ перстень будетъ напоминать вамъ прощальный вечеръ. Ступайте.» — И мнѣ надобно дать тебѣ что нибудь на память, сказалъ я Дунѣ. Я смотрѣлъ на руки, у меня былъ перстень, но онъ былъ фамильный; искалъ въ карманѣ,— не было ничего, кромѣ серебряной табакерки. Я хотѣлъ непремѣнно дать что нибудь хотя въ десять разъ дешевлѣ перстня, который, говорила Дуня, стоитъ двѣ тысячи семь сотъ восемьдесятъ рублей. «Дайте хотя платокъ.» Нѣтъ, Дуня. — Я нашелъ и оторвалъ ей свою золотую печать съ фамильнымъ гербомъ, вырѣзаннымъ на яхонтѣ съ отличною отдѣлкою и моимъ именемъ.

Я возвратился въ залу, скоро пришла и Дуня. «Какъ ты вспотѣлъ!» сказалъ мнѣ Илья. Дѣлать нечего, отвѣчалъ я, пожавъ ему руку, и пошелъ къ жениху, желая съ нимъ познакомиться. Илья отрекомендовалъ меня и мы начали слѣдующій разговоръ.

Онъ. Я былъ знакомъ съ вашимъ ба-

тюшкою; если не ошибаюсь, его звали Иванъ Ивановичъ, — не такъ ли?

Я. Точно такъ.

Онъ. Гдѣ вы намѣрены служить послѣ непріятной Исторіи? . . .

Я. Вѣроятно гдѣ нибудь въ Москвѣ, куда надѣюсь скоро отправиться.

Онъ. Доброе дѣло. Я самъ непремѣнно буду тамъ; по послѣднимъ письмамъ моего брата — мнѣ открылось мѣсто.

Довольно, довольно! Читатель, продолжавшійся нашъ разговоръ не интересенъ. Дуня будетъ въ Москвѣ. . . Въ двѣнадцать часовъ я уѣхалъ. Утомленный кинулся въ объятія Морфея и — уснулъ.

Я не упомянулъ о томъ, что во время утренняго посѣщенія маминьки я успѣлъ согласить ее, что мнѣ необходимо ѣхать въ Москву, какъ по службѣ, такъ и для образованія, — слѣдовательно путь мой въ Москву былъ вѣренъ. Она обѣ-

щалась прислать мнѣ опредѣленную сумму, а для удобнаго пріисканія мѣста и для средствъ къ моему образованію дала право располагать ломбарднымъ билетомъ, совѣтуя размѣнять его на мѣлочи. Письма изъ Москвы подстрекали мою поспѣшность. По утру, когда я, куря трубку въ сообществѣ съ Басовымъ, обдумывалъ когда ѣхать, пріѣхалъ Скорѣшенскій. «Поздравляю тебя съ новымъ отцемъ, сказалъ онъ; желаю тебѣ любви его.» Что ты говоришь? спросилъ я. «Какъ будто не знаетъ! Мать твоя вышла за Артемьича... Сынокъ, сынокъ!... Батюшка!.. Экая какая она! старуха, а замужъ выходитъ.» Съ ума что ли ты сошелъ, Валеръ, такой вздоръ говоришь, сказалъ я. «Нѣтъ-съ это правда, прибавилъ мой человѣкъ, подававшій трубку; мы были въ церкви у Рождества.» Помилуйте, что вы? Я былъ у нея вчера до восьмаго часу. «Это такъ, сударь, а свадьба была въ одиннадцатомъ.—Послушай, Сибиряковъ, сказалъ Валеръ, Попиньковъ женится на Лорнетовой. Илья Лорнетовъ, этотъ глупый Филя беретъ Энни; я вчерась

былъ въ соборѣ, ахъ, какъ милы! а вечеромъ у Веригиныхъ, танцовали... Ныньче вотъ какъ-на дѣлаютъ! — у Веригиныхъ Москвичь былъ. Смотри вотъ... трайра, трайра.» Полно, Валеръ, до танцевъ ли мнѣ теперь. «Да еще, продолжалъ Скорѣшенскій, въ Неуклюжемъ переулкѣ нашли молодаго человѣка въ плащѣ, съ отрѣзаннымъ языкомъ. Лѣкарь анатомировалъ его; ничего не нашелъ, кромѣ того, что на горлѣ какая-то матерія и легкое гнило; онъ говорилъ, что это отъ затяжки табакомъ,— ты все затягиваешься; я вотъ не курю, мнѣ и горя мало.» Ступай, Валеръ отъ меня, ты мнѣ надоѣлъ. Ступай. — Позвать ко мнѣ кучера! сказалъ я, и сѣлъ на диванъ, задумавшись. Мнѣ никакъ не приходило на умъ, чтобы маминька вышла за Артемьича, но это было вѣрно. Узнавъ, что мнѣ можно было ѣхать на своихъ въ Москву, я велѣлъ вывезти возокъ и укладываться, сбираться. Я ѣду.

Дуня выходитъ за Попинькова, мѣста мнѣ нѣтъ. Анета, милая Анета въ Моск-

вѣ, другъ тамъ же. Я ѣду въ Москву!— «Николай Ѳедоровичь пріѣхалъ» — доложили мнѣ и я не успѣлъ встать, какъ вошелъ отецъ Энни и бывшій Секретарь Канцеляріи. Мы свидѣлись какъ давно и коротко знакомые. Долго говорили о дѣлахъ домашнихъ и Николай Ѳедоровичь иронически намѣкалъ мнѣ на свадьбу матери. Мнѣ оставалось слушать и терпѣть. Онъ объявилъ мнѣ наконецъ о помолвкѣ дочери за Лорнетова и я вспомнилъ, что Скорѣшенскій меня уже извѣстилъ объ этомъ. Я желалъ ему отъ души всякаго счастія, онъ мнѣ тоже. «Ужасное произшествіе, говорилъ онъ, произошло въ Неуклюжемъ переулкѣ, въ томъ самомъ изъ котораго поворачиваютъ къ дому Лорнетовыхъ. Тамъ найденъ молодой человѣкъ, избитый и съ отрубленнымъ языкомъ; теперь производятся дѣятельные поиски, но кажется, и слѣда нѣтъ. Около мертваго найденъ большой ножъ, весь въ крови — чрезвычайно ужасно! Но какъ бы вы думали кто этотъ убитый? Разгадайте: вашъ короткій знакомый — товарищъ. . .» Не знаю. — «Вы съ нимъ

давно знакомы.» Кто это такой? право не знаю. «Это. . . не бойтесь, Эдуардъ Ломберъ.» Бѣдный! Что кому сдѣлалъ онъ? Я его уже съ недѣлю нигдѣ не видѣлъ; — что слышно объ убійцѣ? «Ничего. Нашли его поутру мертваго, замерзшаго; вы вѣдь знаете переулокъ: ни одного жилья нѣтъ въ немъ, оранжереи и конюшни. Дѣлаютъ обыскъ въ домахъ, да гдѣ найти.» Жаль, очень жаль бѣднаго. Ахъ какія дѣла! Когда же зарѣзанъ онъ?—«Должно полагать нынѣче ночью.» Тутъ вспомнилъ я трехъ мущинъ, которыхъ видѣлъ въ Неуклюжемъ переулкѣ, ѣхавши къ Лорнетовымъ. Признаюсь я не много боялся. Николай Ѳедоровичъ отъ меня уѣхалъ и снова начались остановленные мои сборы. Всѣмъ, кто ни придетъ ко мнѣ, я велѣлъ отказывать. Отъ матери не было никакого извѣстія. Наконецъ снаряды мои были кончены и настала ночь. Никогда не проводилъ я безпокойнѣе времени. Мысль объ отъѣздѣ, о Эдуардѣ, Дунѣ, матери, мысль объ Анетѣ, другѣ, Москвѣ, — не допускали сомкнуться глазамъ моимъ; и лишь только

на зарѣ я не много забылся, какъ слышу: «Вставайте, сударь; пора: свѣтъ занимается: вы приказали разбудить себя, пять часовъ скоро.» Я всталъ и по окончаніи всего, что необходимо при отъѣздѣ, сѣлъ въ возокъ и — поѣхалъ.

ГЛАВА VI.

Ночлегъ въ Ковяловкахъ. Разсказы постояльцевъ. Несчастіе съ Сибиряковымъ. Встрѣча съ Леонидомъ. Характеръ его.

Вотъ встрѣча, не шутя,
Чудесная!

Н. И. Хмельницкій.

Я не буду описывать мою дорогу, которая продолжалась благополучно до деревни Ковяловки. — Ѣхалъ я очень скоро, по крайней мѣрѣ такъ, какъ можно ѣхать на своихъ лошадяхъ по гладкой зимней дорогѣ. Въ день я проѣзжалъ по девяносту верстъ и болѣе. На второй день моего отъѣзда къ ночи я пріѣхалъ въ упомянутое село Ковяловки. Насилу нашли чистую избу, гдѣ бы я могъ провести ночь по покойнѣе. Ворота разтворились съ ужаснымъ скрыпомъ и возокъ мой подъѣхалъ къ высокому мостку, ведущему въ избу. Меня проводили въ довольно чистую

комнату, отдѣлявшуюся отъ хозяйскаго жилья одною стѣною. Тамъ велѣлъ я разостлать коверъ, положить подушки и сѣлъ, куря трубку, записывать журналъ своего вояжа, который велъ довольно акуратно. Антръ-стѣна съ хозяйскою избою имѣла окно не плотно заворенное, такъ что мнѣ здавалось, будто бы тамъ кто-то и что-то разсказывалъ. Я былъ чрезвычайный охотникъ слушать разговоры простаго народа. Меня это завлекало болѣе романовъ Даленкура и журнальныхъ нравовъ. Отодвинувши отверстіе я увидѣлъ, что на лавкѣ, подлѣ которой тлилась лучина, сидѣла старуха и пряла шерсть, безпрестанно останавливаясь и внимательно слушая разсказъ кого-то, котораго мнѣ было не видно. Возлѣ нея лежалъ мальчишка и, облокотясь, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Болѣе я ничего не видѣлъ... «Э! еще съ такими ли мы возились! зарѣзалъ да и концы въ воду, говорилъ ровный басистый голосъ, да проучилъ бы его...» И! и! что ты, батька мой? отвѣчала старуха, сплеснувши руками.—

»Да вы что? съ донца не слѣзали, а я и въ Швабеціи бывалъ, и во Франціи и въ Нѣмеціи: объ насъ мѣлко-то не думай. Какъ я вотъ въ Польшѣ съ батюшкой Суворовымъ и въ Англіи, и въ Щверзунріи воевалъ. Вотъ горы! и неба не видно! Послушайте-ка, что я разскажу вамъ: Вотъ шли мы на побывку изъ Малороссіи съ другимъ товарищемъ и ѣдутъ Хохлы на волахъ. Какъ бы украсть у нихъ волика? говорилъ я; а товарищъ отвѣчалъ: какъ можно, ты видишь, они около воловъ лежатъ. — Пустяки, ступай ты въ лѣсокъ и проворь воловъ, а Хохловъ я отведу всѣхъ, мое дѣло; ты воловъ не мигай. Я подошелъ къ Хохламъ, они лежатъ, какъ черти всѣ въ дегтѣ, да жрутъ сало. Хохлы, черповы головы! — »А якія же мы черповы головы?« Идите смотрѣть какъ я долотомъ буду рыбу ловить, скорѣй. — Хохлы улыбнулись. »Ахъ ты Москаль, прямый дуракъ; якъ же можно рыбу долотомъ ловыть?« Да вы идите... Хохлы мои встали. »Эй! кумъ Трышко, сватъ Мартышко, идите дывуитеся, якъ же Рус-

ски долотомъ рыбу будетъ ловыть. Ахъ Москаль, Москаль!» — Мы пошли къ рѣкѣ. Хохлы всѣ до одного повалили за мной. Вотъ я привязалъ къ долоту веревку и кинулъ въ рѣку. Хохлы посмѣиваются. Товарищъ мой ужь спровадилъ воловъ — и я началъ тащить свою уду. Смотрите Хохлы рыбу тощу, тощу! — «Гдѣ же рыба? ахъ ты Москаль! Ха ха ха!» Въ рѣкѣ. Ну — посмѣялись и разошлись. Хохлы хватились воловъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Поѣхали и теперь твердятъ: «Якій же Русскы глупій! долотомъ рыбу ловыть! а воловъ спягнулъ... Экай Москаль.» — Въ избѣ въ продолженіи разсказовъ слышенъ былъ смѣхъ и балакерь продолжалъ: Въ Москвѣ у Спаскихъ воротъ я стоялъ на часахъ. Вотъ идетъ Хохолъ, а часы начали звонить четверти. Онъ остановился и смотритъ на верхъ, дивится: откуда звонъ такой. «Какъ ты смѣешь, Хохолъ воронъ считать? Ты знаешь, онѣ всѣ Царскія. Вотъ я тебя!» Взмылуйся, Пане, служивый. — «Давай по полтинѣ за каждую: сколько ихъ летѣло?» Че-

тыре летило. »Давай скорѣй деньги, а то сей часъ въ яму.« Хохолъ вынулъ мнѣ красненькую, я ему сдалъ шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ. Онъ воротился домой да смѣется съ радости. Фу Русски глупъ! воронъ летило дивять, а я сказалъ четыре — вотъ и сдачи шесть рублей. Фу глупы! — Сонъ пришелъ и не далъ мнѣ дослушать разсказовъ, которые, вѣроятно, Читатель, и вамъ надоѣли. Я спалъ довольно покойно, однако проснулся рано. — Отъ самаго юношества вся жизнь моя, кажется, сцѣпленіе какихъ нибудь необыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь должно было еще кое-что испытать мнѣ. Люди мои спали, я разбудилъ человѣка и приказалъ закладывать лошадей. Онъ вышелъ. Я посмотрѣлъ на часы, былъ уже пятый часъ и у хозяина всѣ встали. »Лошадей нѣтъ, Александръ Ивановичь,« сказалъ мнѣ возвратившійся человѣкъ. Какъ нѣтъ? »Не знаю гдѣ. Я бѣгалъ къ водопою, но тамъ нѣтъ кучера.« А кибитка? »И ее нѣтъ-съ, вѣрно кучеръ уѣхалъ.« Спросить хозяина! — Вотъ что было: Въ самую пол-

ночь кучеръ уѣхалъ. Выходившій хозяинъ видѣлъ только слѣдъ его. Надобно было не теряпь времени и послать погонь, не медля, поспѣшнѣе. Я купилъ у своего мужика лошадь и велѣлъ скакать человѣку, чтобы непремѣнно отыскать кучера, — скакать не жалѣть лошади. — Новое произшествіе! Въ кибиткѣ у меня было все: шкатулка, гдѣ было двѣ тысячи серебромъ и множество вещей, все платье и оружіе. На квартиру я всегда выносилъ портфель, гдѣ лежали мои бумаги и ломбардный билетъ, чернилы, бумага — и дорожную постель — это только и осталось; прочее все увезено. Человѣкъ мой поѣхалъ, а я разспрашивалъ обо всемъ хозяина. «И! и! и! батюшка, да вы ихъ и дождетесь? Они съ вечера шептались; ужь вѣрно дѣло сговорено... Ахъ! кто-то въѣзжаетъ!» сказалъ старикъ и пошелъ отворять ворота. Я сперва думалъ, что это мой экипажъ, но на дворъ въѣхалъ большой возокъ или карета, и я вошелъ въ комнату, боясь и встрѣчи и холоду. Хозяинъ просилъ меня позволить остановиться въ одной

комнатѣ, пріѣхавшему молодому барину; онъ, прибавилъ старикъ, однѣхъ лѣтъ съ вами и вамъ споручнѣй, веселѣй,— позвольте, сударь? —

»Да нѣтъ ли съ нимъ дамы — барыни? спросилъ я.« Никакой, одинъ одинехоникъ. Въ это время вошелъ человѣкъ, неся шкатулку, портфель и подушки. »Здравія желаю Александръ Петровичь!« сказалъ человѣкъ, низко поклонившись. — Гришка! съ кѣмъ ты? спросилъ я, удивляясь встрѣчѣ съ человѣкомъ моего друга ученаго. »Съ Леонидомъ Гавриловичемъ,« отвѣчалъ сей. Какъ, Леонидъ здѣсь? Гдѣ онъ? — »Здѣсь, въ избѣ-съ.« Я побѣжалъ къ моему другу...

ГЛАВА VII.

Пріѣздъ Сибирякова съ Леонидомъ въ Москву. Чувствованія Русскаго.

Какими судьбами! кричалъ я, цѣлуя Леонида; ты какъ ангелъ избавитель для меня въ теперешнемъ случаѣ, но какъ ты здѣсь явился? Скажи, за чѣмъ? Куда? Гдѣ ты былъ? »Doucement! Tais-toi,« отвѣчалъ онъ мнѣ и, схватя за руку, повелъ въ чистую комнату. Что это значитъ? спросилъ я. »Rien, mon cher, я ѣду инкогнито, вотъ и все тутъ,« говорилъ Леонидъ, замѣтя мое смущеніе. Мы сѣли на лавку. Скажи откуда ты? Я надѣялся найти тебя въ Москвѣ? Откуда ты? —»Я? отвѣчалъ онъ, я былъ въ деревнѣ въ десяти верстахъ отъ города, былъ на самое коротkое время и теперь ѣду въ Москву. Я недавно получилъ письмо твое изъ Москвы. Какъ же ты былъ въ городѣ? мнѣ это не понятно; располкуй мнѣ.«

Помилуй, ну что тутъ страннаго? скажи-ка лучше, что въ городѣ. »О, братъ, очень много, свадебъ множество... Слышалъ, говорилъ Леонидъ, мать твоя молодая... еще что: ахъ какъ я разстроенъ съ дороги! ты въ Москву же?» Да, въ Москву. »Ну еще что? здоровъ ли ты? еще что?... Фу, наладилъ я... Гришка, Гришка! вели завтракъ скорѣй.» Сей часъ, сей часъ. »Каково разстался ты? говорилъ Леонидъ, принимая на себя покойный видъ; что твоя Энни? ахъ — что твоя Анета?... да вѣдь она въ Москвѣ, я ее видѣлъ: она мила также, мила...» — Не знаютъ гдѣ ножикъ, сударь, сказалъ вошедшій Григорій; поваръ говоритъ что вечеръ вчерась его къ вамъ потребовали. »Дураки какіе! будто я за ножами хожу. Скоты! ступай вонъ!» говорилъ Леонидъ. Лице его перемѣнялось: то краснѣло, то блѣднѣло. Я разсказалъ ему о своемъ произшествіи, онъ на нѣсколько минутъ, казалось, успокоился: но все видно было большое разстройство. Что ты, Леонидъ, или ты не спалъ? »Rien mon cher, rien, je

t'assure; rien, je suis fatigué» говорилъ онъ, ложась на подушки. Подали завтракъ и мы сѣли. Леонидъ былъ нарава скрытнаго, угрюмаго, предпріимчиваго, дѣятельнаго. Онъ служилъ въ гвардіи и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ вышелъ въ отставку Капитаномъ. Причина сему была ссора съ полковымъ командиромъ. Онъ былъ молчаливъ и задумчивъ — эгоистъ въ высочайшей степени. Сердце его было недоступно для дружбы и я, самый коротkій изъ его знакомыхъ, не пользовался и половинною откровенностію. Скрытный, холодный, какъ ледъ; душа его не знала радости; безстрастное, усыпленное сердце дѣлало его унылымъ, скучнымъ и пасмурнымъ; рѣдко глаза его оживлялись жаромъ, рѣдко горѣли они — всегда томные, слабые. Для него не было ничего въ мірѣ, что́ бы интересовало его, кромѣ своей особы, на все смотрѣлъ онъ глазами равнодушія. Онъ не былъ никогда печаленъ, — всегда одинаковъ — холоденъ и мраченъ. Рѣчь его была отрывиста, говорилъ онъ лаконически. Ни къ родственникамъ, ни къ пріятелямъ не

имѣлъ онъ никакого чувства, ни любви ни ненависти, ни состраданія къ бѣднымъ, ни отвращенія къ злодѣямъ. Весь міръ его, вся сфера его дѣйствія было — я. Возвышенныя черты великихъ характеровъ Исторіи имѣли, кажется, на него нѣкоторое дѣйствіе. Его герои — Цезарь, Катонъ, Брутъ и другіе. Любимый поэтъ его — Байронъ, писатели — Паскаль и Монтескьё. Съ характеромъ твердымъ, съ волею непреклонною, съ умомъ, сколько могъ судить я, обширнымъ, съ многочисленными свѣденіями, онъ проводилъ жизнь свою, какъ казалось, въ бездѣйствіи. Таковъ былъ Леонидъ; таковымъ я зналъ его прежде, когда счастливая или несчастливая судьба свела меня съ нимъ въ городѣ. »И такъ ты ѣдешь со мною?« сказалъ онъ. Да, если не воротятся лошади, однако подожду. »Полно, что за дуракъ кучеръ — воротится онъ? Они, вѣрно, согласились съ человѣкомъ. Ѣдемъ со мной: я же теперь, теперь имѣю нужду въ развлеченіи. Тебѣ странно, Александа, что я такъ разстроенъ? Ахъ, другъ мой, одна дальная родственница померла —

жаль мнѣ... да скажи видѣлъ ли ты передъ отъѣздомъ мать твою? Былъ ли ты у Лорнетовыхъ на помолвкѣ? ахъ, какъ у меня голова разстроена... Человѣкъ! вели закладывать лошадей, смерть моя — сидѣть въ этихъ душныхъ избахъ.» Лошади еще не поены, сударь. «Ну вели скорѣй. — Александръ! знаешь ли ты, что Энни выходитъ за Лорнетова?... Энни... Энни!» — Я слушалъ и только удивлялся. Не могъ представить я, что занимало Леонида; никогда не показывалъ онъ къ Энни ни малѣйшей привязанности; не можетъ быть, чтобъ смерть дальней родственницы могла такъ безпокоить его, тогда какъ я не слыхалъ отъ него ни слова объ отцѣ и матери, даже не зналъ имѣетъ ли онъ ихъ. Безразсудно было бы съ моей стороны доискиваться причины его грусти; зная Леонида, я зналъ, что онъ мнѣ не откроетъ. Когда лошади были готовы, онъ звалъ меня съ собой — на что я, безъ всякихъ убѣжденій, скоро согласился.» Пріѣдешь въ Москву, говорилъ Леонидъ, напечатай объ своемъ дѣлѣ въ газетахъ, вѣрно не пропадетъ

ничего... Ѣдемъ!.. Ныньче въ Москву ночевать! C'en est donc fait, mais je vous avoue, je suis bien distrait»—говорилъ какъ будто мучимый ужаснымъ преступленіемъ, какъ будто лишившійся разсудка. — Ѣдемъ! сказалъ я — и возокъ двинулся.

Москва предъ ними

. . . . . .

Ужь бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.

. . . . . .

Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!...

А. Пушкинъ.

День былъ ясный. Яркое солнце сбавило на градусъ мороза и отражалось въ блесткахъ снѣга, кои сіяли въ дали какъ маленькія звѣздочки на земной поверхности. По дорогѣ встрѣчались намъ много ѣдущихъ въ каретахъ, саняхъ и повозкахъ, множество идущихъ, обозы, караваны и толпы народа. Около третьяго часа, когда солнце въ короткій Генварь-

скій день сворачиваетъ уже къ Западу, мы въѣхали на возвышенное мѣсто, съ котораго, какъ говорили, видна Москва. »Вотъ и Москва! — сказалъ Леонидъ, сидѣвшій до сего времени въ глубокой задумчивости, смотри Александръ.« Я опустилъ стекло и устремилъ любопытные взоры въ ту сторону, гдѣ предполагалъ увидѣть первую столицу — любимую дочь земли Русской. Пристально всматривался я, глядѣлъ, и ничего не видѣлъ. Кажется, я смотрѣлъ на лѣсъ, гдѣ безлиственныя деревья, съ повислыми на вѣтвяхъ клоками снѣга, лишь однѣ стояли. Еще подвинулись — и я узналъ въ вершинахъ деревьевъ шпицы колоколенъ и башенъ. Ближе и ближе подъѣзжали мы, явственнѣе становилась Москва передъ нами. Спустились въ лощину, опять поднялись на гору и городъ былъ совершенно видѣнъ. Какое зрѣлище! Высокія колокольни, огромныя строенія, площади, златоверхія безпрестанно церкви, безпрестанно огромные замки! Здѣсь на горѣ я вижу крѣпость съ колоссальными зданіями и посреди — колокольня, которой вершина

теряется въ облакахъ и отражаетъ послѣдніе лучи склоняющагося солнца; здѣсь мрачная башня, какъ великанъ, стоитъ и напоминаетъ своимъ готическимъ видомъ времена прошедшія, отдаленныя. Великій градъ, свидѣтель произшествій семи столѣтій! Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія вступаю въ предѣлы твои! Отъ XIV до XIX вѣка ты былъ мѣстопребываніемъ Царей великихъ, ты центръ Россіи, былъ и есъ средоточіемъ ея дѣятельности! Прошедшее умчалось, какъ волны, въ океанъ вѣчности, но здѣсь повсюду видны слѣды его. Тѣже колокольни съ колпачными своими верьхами, тѣже стѣны съ огромными своими зубцами, таже пестрота въ украшеніяхъ, таже неправильность въ размѣщеніи... Думалъ ли ты, Георгій, что Кучько, — мѣсто, гдѣ ты пировалъ съ своими собратьями, будетъ нѣкогда столицею царства величайшаго? Зналъ ли ты, Калита, избирая Москву, что столица твоя почти отъ всѣхъ Княжествъ великой Россіи въ равномъ разстояніи? Могъ ли ты предполагать, что, находясь на столь счастливомъ

положеніи, она сосредоточитъ въ себѣ все просвѣщеніе великой державы и будетъ дѣйствовать онымъ на всѣхъ съ равнымъ вліяніемъ? Москва драгоцѣнна для каждаго Русскаго. Она есть ядро всей Имперіи, — есть, такъ сказать, точка, къ которой прилѣплялось все прочее, и если спросятъ: какія мѣста, какой городъ былъ самымъ первымъ, начальнымъ нынѣшней Россійской Имперіи? Утвердительно отвѣчать можно: Москва. Это сѣмя, кинутое въ XII или въ XIV столѣтіи, которое въ XIX превратилось въ кедръ не имѣющій мѣста, куда бы простерть свои вѣтви, подъ сѣнію которыхъ покоятся милліоны народовъ. Сколько пережила ты, Москва вѣковая! Помнишь ли ты сосѣдственныя Княжества, между которыми двѣсти лѣтъ ты была непримѣтною волостію? помнишь ли ты своихъ сверстниковъ, которые высоко взнесли главу свою, процвѣли и пали къ стопамъ твоимъ? Памятенъ ли тебѣ гнѣвъ Монгольскихъ Хановъ, пожары, убійства и кровопролитія враговъ твоихъ? Все прошло, все рушилось, изчезло; одна ты

стоишь и, какъ будто, смѣешься всеразрушающей силѣ времени — стоишь: да знаетъ всякъ, какъ великъ Богъ Русскихъ, какъ силенъ Царь ихъ! Сотни лѣтъ протекли съ того времени, когда пламя Тамерлана, вспыхнувшее отъ побѣдоноснаго знамя Донскаго, превратило твои зданія въ пепелъ и развалины; сотни лѣтъ прошли съ того времени, какъ черная смерть и моръ лишили тебя обитателей; ты существуешь и, вопреки всѣмъ усиліямъ разрушенія, послѣ каждой злосчастной эпохи являешься въ новомъ блескѣ съ новою славою! Послѣднее испытаніе должна была ты выдержать, послѣдній, ужасный, неслыханный напоръ войскъ съ береговъ Рейна. Горитъ Москва... Далеко свѣтитъ ея зарево... Оно разогнало тьму, долголѣ висѣвшую надъ Европою и озарило слова начертанныя въ стѣнахъ роднаго ея брата: »Свобода! всеобщій миръ!« Загремѣли громы Русскіе: »Свобода! миръ! спокойствіе!« И изъ-подъ пепла, изъ-подъ развалинъ ты говоришь вселенной: »Какъ великъ Богъ Русскихъ! какъ великъ Государь ихъ!« — а любо-

пытный путешественникъ дивится красотѣ твоей. — И при недавнемъ бѣдствіи, когда чадолюбивый Монархъ на крыльяхъ любви прилетѣлъ къ умирающимъ дѣлить смерть и опасность — ты удивила вселенную и (слава Москвитянамъ!) изумленная Европа съ робостію и благоговѣніемъ исчисляетъ твои пожертвованія, гремящія въ билліонахъ. Цвѣти, колыбель Петра, цвѣти подъ благословенною десницею Монарха, да скажетъ всякъ:

»Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскашь?« —

»Стой!« сказалъ извощикъ, шлахбаумъ опустился и возокъ остановился. —

. . . . Ну, не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужь по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо ружья, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, Монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины, моды,

Балконы, львы на воротахъ
И сшаи галокъ на крестахъ.

А. Пушкинъ.

«Поди ты, поди!» раздавалось повсюду; народъ толпился, экипажи мелькали. Церквей въ Москвѣ совсѣмъ не такъ много, какъ кажется съ перваго взгляда. По улицамъ рѣдко встрѣчаешь одну по близости другой. Если ихъ, какъ говорятъ, двѣсти сорокъ, то это еще для Москвы не много; вспомните, что въ ней двадцать частей и около полу-милліона жителей; вспомните, что длина ея около девяти верстъ, а ширина одиннадцать; вспомните богомолье Москвитянъ и не дивитесь множеству храмовъ Божіихъ во градѣ избранномъ. Москва есть смѣсь Азіатскаго съ Европейскимъ. Огромные домы, разсѣянные безъ всякаго порядка, почти всѣ хорошей фасады и очень чисты; кривыя улицы, съ кривыми переулками, всѣ вымощены и безъ сору. Теперь посмотрите на усовершенствованіе образа жизни, на роскошь и богатство зажиточныхъ жителей сей столицы — и вы

увидите ту крайнюю точку, до которой возможно соединеніе Востока и Запада, — ту точку, послѣ которой непремѣнно должна быть борьба, и неизвѣстно, кто побѣдитъ Европейцевъ или Азіатцевъ. Подъ каждымъ почти домомъ лавки, каждая съ вывѣскою. Видите ли вы дороднаго малаго въ красной рубашкѣ, съ коленкоровымъ фартукомъ, споящаго въ дверяхъ, надъ коими прибитъ желѣзный листъ съ изображеніемъ руки, выходящей изъ облака и держащей подносъ, уставленный чашками, — съ надписью: Ростирація.—Растарація, Респорація, Растеряція и Ростиранція — мелькаютъ повсюду. Видно въ Москвѣ *многихъ трутъ и много теряютъ*. На каждомъ переулкѣ по нѣскольку мелочныхъ лавокъ съ замысловатыми надписями: Продажа винъ и Ностранныхъ товаровъ. Погребъ винъ, Рейнъ-вейна, рому и водокъ. Авашная, авощеная, овощная и другія лавки. Мебельныя: магазинъ, производство, работа, лавка и проч. Дамскія уборы и плашья; швеи и золотошвеи, перчаточницы и ветчинники, хлѣбники, стекольщики, бриліанп-

щики и колбасники; овчинники и шляпники; каменьщики, плотники, книгопродавцы и харчевники — все, вся, всѣ, отъ Креза до нищаго, отъ поэта до прозаика. Чего нѣтъ въ Москвѣ? Даже птичье молоко, тамъ, говорятъ, продается. Мы долго ѣхали — и я думалъ, что уже достигли противуположнаго конца города, но не тутъ-то было. — „Куда прикажете?“ спросилъ извощикъ. Въ Лондонъ! отвѣчалъ Леонидъ и мы скоро прибыли въ гостинницу, а на слѣдующее утро въ собственный домъ Леонида.

ГЛАВА VIII.

Обозрѣніе Москвы и ея окрестностей.

На третій день я напечаталъ въ газетахъ о случившемся обстоятельствѣ и, запасшись путеводителемъ, поѣхалъ въ саняхъ осмотрѣть Москву. Здѣсь я представлю Читателямъ только то, что болѣе обратило мое вниманіе. Описаніе Московскихъ фабрикъ, кому угодно, пусть читаетъ въ Статистикѣ; число церквей и названіе переулковъ могутъ найти въ какомъ-то Календарѣ.

Нынѣшній кремль есть памятникъ XV вѣка, (1485 — 1492) того времени, когда Государи Россійскіе начали призывать изъ Италіи въ Россію зодчихъ и архитекторовъ. Кремль былъ убѣжищемъ для жителей Московскихъ во время нападенія непріятеля. Всѣ сбирались внутрь онаго и отражали осаду. Кремль есть достояніе Россійской Исторіи.

Разсмотримъ достопримѣчательности онаго: Церковь *Спасъ на Бору* есть самая древнѣйшая. Она построена Калитою въ 1328 году; тамъ покоятся мощи святыхъ угодниковъ. *Грановитая Палата* — дворецъ Царей Россійскихъ, получила начало въ 1499 году.

Успѣнскій соборъ, освященный въ 1470 году — мѣсто коронованія Россійскихъ Императоровъ, достоинъ замѣчанія во первыхъ, по Ризѣ Спасителя, привезенной въ Москву при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ Персіи; во вторыхъ, по образу Владимірскія Богоматери, который еще въ XII вѣкѣ былъ принесенъ Андреемъ Боголюбскимъ въ Владиміръ изъ Вышгорода, а въ половинѣ XV Васильемъ Дмитріевичемъ въ Москву; въ третьихъ, по гробамъ святыхъ Патріарховъ и Митрополитовъ, кои тамъ покоятся; въ четвертыхъ, по богатству ризницы и иконостасовъ. *Соборъ Архангельскій* — S. Denis Россіи, основанъ при Іоаннѣ III. Въ немъ погребены всѣ наши Государи отъ Калиты до Іоанна, брата Петра Великаго. Прахъ

Годунова лежитъ въ Лаврѣ Сергія; мощи св. Димитрія Царевича почіютъ въ семъ храмѣ. *Благовѣщенскій*, коего Протоіереи были духовниками Государей, съ яшмовымъ поломъ. Вмѣстѣ съ Успѣнскимъ зависитъ отъ Синода.

Иванъ Великій, построенъ Годуновымъ около 1600 года. На оному считается тридцать три колокола, въ числѣ коихъ долженъ быть и славный Новгородскій вечевый колоколъ. Подлѣ онаго въ ямѣ лежитъ огромнѣйшій, въ двѣнадцать тысячь пудъ, колоколъ, вылитый при Аннѣ въ 1735 году. Самый большой изъ висящихъ — въ четыре тысячи пять сотъ пудъ, а языкъ онаго во сто пятьдесятъ пудъ. Ступеней на Иванѣ Великомъ около двухъ сотъ, вышина онаго сто тридцать пять аршинъ.

Чудовъ монастырь, основанъ въ XV столѣтіи св. Митрополитомъ Алексіемъ, коего мощи и тѣла многихъ вельможъ и послѣдняго Царя Казанскаго Симеона тамъ покоятся. Со временъ Императрицы Елисаветы въ семъ монастырѣ

находится каѳедра Московскихъ Архіепископовъ.

Вознесенскій дѣвичь монастырь, основанъ Евдокіею, супругою Димитрія Донскаго. Здѣсь похоронены почти всѣ Царицы Россійскія, начиная отъ Евдокіи до Наталіи Кирилловны матери Петра Великаго.

Потѣшный дворецъ, былъ мѣстомъ увеселенія Царя Алексія. Изъ зданій позднѣйшихъ временъ замѣчательны: Сенатъ, Арсеналъ, у стѣнъ котораго лежатъ трофеи Россійскаго воинства; дворецъ Елисаветы, Оружейная Палата, гдѣ находятся всѣ наши антики, отъ утварей Мономаха до одежды и вещей Петра Великаго и нынѣшнихъ Государей, и подлѣ которой лежитъ Царь-пушка. Заключимъ наше краткое описаніе Кремля словами Карамзина: «Кремль, говоритъ онъ, есть мѣсто великихъ Историческихъ воспоминаній; здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго, возникла мысль спасительнаго единодержавія, какъ жизнь среди могилъ и плѣнія. Здѣсь подъ звукомъ цѣпей Хан-

скихъ воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства побѣды и свободы. Здѣсь Донской развернулъ черное знамя Великокняжеское, чтобы идти на Мамая. Здѣсь Іоаннъ Васильевичь растоптaлъ басму или образъ Хана. Здѣсь началось и утвердилось самодержавіе, не для особенной пользы Самодержцевъ, но для блага народнаго. Отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Кремль былъ душенъ для тиранна!... Въ Спаскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечь обнаженный, чтобы свергнуть Лже-Димитрія. Сія священная ограда была театромъ ужасовъ: тутъ кипѣли волны бунтовъ Стрѣлецкихъ; тутъ издыхалъ на копьяхъ знаменитый Матвѣевъ. Мысленно видимъ улыбку торжествующей Софіи: видимъ десятилѣтняго Петра — уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей великій Государь прославилъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жи-

лищемъ Царей: но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и отечества, какъ въ средоточіи Россіи; отъ времени до времени являются предъ ними въ важныя рѣшительныя эпохи своего царствованія. Такъ, мы видѣли здѣсь Александра въ роковой, незабвенный годъ (1812), когда надлежало искупить великодушіе и твердость Россіянъ. Здѣсь померкла *блудящая* звѣзда Наполеона... Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ!»

Дворцы въ Москвѣ — слѣдующіе: а) Кремлевскій, который составляютъ: первое, Теремъ или Царскія Палаты, построенный въ 1487 при Іоаннѣ III; второе, Дворецъ Елисаветы, къ которому въ 1817 сдѣлана пристройка; третіе, Грановитая Палата (1487—91), съ краснымъ крыльцомъ о шестидесяти ступеняхъ. б) Слободскій, въ Нѣмецкой слободѣ; в) Государя Цесаревича тамъ же, построенный Петромъ I и доселѣ именуемый Старымъ Сенатомъ. г) Дворецъ Великихъ Князей подлѣ Чудова монастыря, и д) Петровскій въ трехъ

верстахъ отъ Тверской заставы около Петровской рощи.

Изъ монументовъ достопримѣчательны: *Пожарскаго и Минина*, воздвигнутый въ 1818 и слитый славнымъ Мартосомъ. *Сухарева башня*, построена Петромъ I въ 1692 въ честь Стрѣлецкаго Полковника Сухарева. Меньшикова башня и могила Боярина Матвѣева.

Изъ соборовъ, кромѣ трехъ упомянутыхъ, замѣтимъ четвертый *Покровскій* или *Василій Блаженный*, построенъ въ 1554, а возобновленъ въ 1784. Сей соборъ и церковь Успѣнія Богородицы на Покровкѣ, — одни собственно могутъ назваться готическими зданіями.

Кузнецкій мостъ, иностранная колонія, неизвѣстно почему такъ названная, есть та часть Москвы, которая, простираясь на Востокъ отъ Петровскаго театра, вся покрыта вывѣсками съ крупными золотыми надписями. Это банкъ, куда безвозмездно и безвозвратно вкладываютъ деньги помѣщики, молодые люди, а всего болѣе молодыя дѣвушки; это центръ моды и вкуса,—

горнило, какъ говоритъ Булгаринъ, гдѣ переплавливаются металлы, и гдѣ чистое золото, отдѣлясь, плыветъ быстрою рѣкою во Францію.

Гостиный дворъ — красивое зданіе съ прекрасною колонадою, — есть средоточіе Московской торговли, гдѣ дешевою цѣною продается Азіатская роскошь.

Толкучій рынокъ — площадь, на которой каждое воскресенье толчется многочисленная толпа народа, и гдѣ не рѣдко дорогою цѣною легкомысленные и неопытные покупаютъ ветхое отрепье.

Обратимся теперь къ тому учрежденію, попеченіе котораго есть неувядаемая слава Высокой Покровительницы: я говорю о *Воспитательномъ домѣ*. Огромнѣйшее зданіе съ безчисленнымъ множествомъ трубъ и оконъ, вмѣщаетъ въ себѣ тысячи воспитываемыхъ дѣтей, коихъ судьбу угодно было взять подъ свое покровительство Высочайшей Особѣ.

Петровскій театръ — превосходной архитектуры, богатѣйшей отдѣлки и совершеннаго удобства, — своею огром-

ностію напоминаетъ театръ Скаруса древняго Рима. — Собраній въ Москвѣ два: Благородное и Купеческое. Клубовъ тоже: Англійскій и Нѣмецкій.

Гульбища слѣдующія: Кремлевскій садъ, открытый въ 1822 году, есть памятникъ совершеннаго вкуса Виновника онаго. Дворцовый садъ, заведенъ Петромъ I.; Пресненскіе пруды, одолженные своею красотою Петр. Степн. Валуеву; Булевары, получившіе начало свое при Павлѣ I., изъ коихъ лучшій Тверской — садъ въ Англинскомъ вкусѣ; Нескучный садъ, гдѣ природа и искуство спорятъ между собою; садъ И. Н. Римскаго-Корсакова съ бюстами великихъ Монарховъ Россіи; Самотечный прудъ съ своимъ фонтаномъ; Петровская роща съ виллами Россійскихъ вельможъ; Марьина роща — мѣсто цыганскихъ сборовъ; Всесвятскій садъ, Дѣвичье поле, Симоново и друг.

Прекрасныя Московскія окрестности также достойны вниманія, я означу только нѣкоторыя:

1. *Поклонная гора*, на Тульской дорогѣ. Вся Москва передъ глазами.

2. *Васильевское*, принадлежащее Кн. Н. Б. Юсупову.

3. *Кунцово*, подаренное Царемъ Алексіемъ Нарышкину.

4. *Коломенское*, любимое мѣсто Царей Романовыхъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Россійскій Вифлеемъ — мѣсто рожденія Петра Великаго.

5. *Царицыно*, гулянье богатаго купечества; и сельское жилище Царей Россійскихъ, съ готическимъ дворцомъ Екатерины.

6. *Архангельское*, Кн. Н. Б. Юсупова, съ прекрасными видами.

7. *Горенки*, Гр. А. К. Разумовскаго — нѣкогда съ рѣдкимъ ботаническимъ садомъ, котораго нынѣ и слѣдовъ нѣтъ.

8. *Петровское*, Гр. А. К. Разумовскаго въ семи верстахъ отъ Москвы.

9. *Останкино* и

10. *Кусково*, мѣста гдѣ на лаврахъ отдыхалъ Шереметевъ.

11. *Свиблово*, Н. П. Высоцкаго.

12. *Дубровицы*, Гр. Момонова, на сліяніи рѣкъ Десны и Похры.

13. *Алексѣевское* и 14. *Тайнинское*, въ которомъ охотились нѣкогда Великіе Князья и Цари Россійскіе.

Всѣ сіи села и деревни прекраснаго мѣстоположенія, служатъ для жителей столицы убѣжищемъ отъ жара и духоты въ продолженіи лѣта.

Вотъ все вкратцѣ, что я почелъ за нужное сообщить моимъ Читателямъ.

Теперь остается сказать о наружномъ видѣ вообще Москвы — и, соглашаясь съ Кохреномъ, я привожу слова его: «Москва, по прежнему красива, богата, величественна, безобразна, великолѣпна, странна.»

ГЛАВА IX.

Гостинница Яра. Встрѣча съ Валеромъ. Московская молодежь. Знакомство. Извѣстіе о Грушиныхъ.

Осмотрѣвъ Москву, начнемъ нить нашего повѣствованія. «Сего дня мы ѣдемъ къ Яру, сказалъ мнѣ Леонидъ, надобно тебѣ посмотрѣть Московскій свѣтъ; не найду ли тамъ знакомыхъ, а то я вижу, ты начинаешь скучать.» Сего дня? спросилъ я. «Да, въ часъ, отвѣчалъ Леонидъ. Ѣдемъ.» Куда прикажете? «Къ Яру.» — Вы можете себѣ представить, Читатель, что гостинница Яра произвела на меня большое впечатлѣніе. Отличная чистота, прекрасная, учтивая услуга — чего я, должно признаться, никогда въ провинціи не видывалъ — очень мнѣ понравилось! Въ прекрасныхъ, чистыхъ, богатыхъ комнатахъ сидѣло множество посѣтителей. Вотъ столъ занятъ Гусарами: видите

ли этаго отчаяннаго хвата; онъ крутитъ рыжіе усы и, пуская круги дыму, запиваетъ Шампанскимъ. Вотъ партія фрачныхъ — фашіонаблей; жарко говорятъ они сдается: comme elle est charmante!.. Вездѣ разговоры, стукъ покаловъ, слои дыма. А вотъ занимается чтеніемъ газетъ. Прекрасное продолженіе времени! Каждую новость онъ запиваетъ грокомъ. То приходятъ, то уходятъ. Звукъ шпоръ и саблей, bon jour и adieu безпрестанно слышны. Смотрите какъ этотъ Уланъ, осушивъ покалъ, загремѣлъ по пуговицамъ. Браво, браво кричатъ собесѣдники и applodi, какъ будто въ благодарность, снова наливаетъ и снова одно и тоже. Я и Леонидъ шли въ другую комнату, какъ знакомый голосъ обратилъ мое вниманіе. »Сибиряковъ! сказалъ мнѣ выходящій мущина изъ другой комнаты, Сибиряковъ! Здраствуй братъ.« — Начались цѣлованья. Que le diable t'emporte! Я никакъ не могъ отыскать тебя, это уже третій день въ Москвѣ; ты дивишься, что я такъ скоро очутился въ Москвѣ? Я радъ, ah, comme je suis content!

Liberté! adieu mes gouverneurs! alle zum Henker! Вотъ въ чемъ дѣло: Папа боялся, тамъ ему сказали — всѣ говорили, что дороги скоро не будетъ, вода разольется; онъ испугался и... Ахъ, вотъ я тебѣ что скажу: imaginez, Попиньковъ avec sa Dounia est aussi à Moscou! Я пріѣхалъ съ ними вмѣстѣ. Ah, comme elle est jolie! Quelles yeux! Я влюбленъ въ нее по уши!» — Остановись на часъ Валеръ, (*Читатель вѣрно узналъ его*) скажи мнѣ, гдѣ Попиньковъ? — «Онъ теперь у Лейба, ищетъ квартиры. — Что за Дуня! charmante personne! На радостяхъ Шампанскаго! Шампанскаго! закричалъ Валеръ, и услужливый garçon не заставилъ повторить себѣ. Подали два десятка устрицъ, Шампанскаго; Валеръ между тѣмъ знакомилъ меня съ своими товарищами. Сѣли кругомъ и, глотая устрицы, пѣнили Шампанское.

Ты гдѣ нынче Вяловъ? спросилъ Скорѣшенскій одного молодаго человѣка. — «Нынче постъ, скучно. Я думаю — во Французскомъ театрѣ; баловъ нигдѣ нѣтъ, только и дистракціи что

театръ; а репетуаръ его также скученъ, какъ постъ,» отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Et vous, Mr. Pilou? — »Je ne saurai vous dire M.; peut être au pont des marechaux, où je suis invité.» — А вы, Г. ученый, спросилъ Валеръ третьяго, котораго серьезная физіономія аттестовала названіе. — »Нынѣче я буду у Г. Леснаго — журналиста на литературномъ вечерѣ.» — Кто у васъ нынѣ играетъ важную роль... ou, qui audessu des autres dans la litterature au soir le litteraire? — »Рейнъ-вейнъ,» отвѣчалъ ученый, посмотрѣвъ на донышко своего покала. — Рейнъ-вейнъ, Рейнъ-вейнъ! повторили друзья съ требованіемъ устрицъ и Шампанскаго. — Хочешь трубки, Prince? спросилъ Валеръ Вялова. »Non, mon cher, je ne fume pas.» — А ты Сибиряковъ? »Вели дать.» Между тѣмъ Леонидъ ходилъ по комнатѣ съ однимъ, вѣроятно, своимъ знакомымъ, не обращая, казалось, вниманія на нашу компанію. »Александръ, сказалъ онъ мнѣ, поди сюда!» — Я подошелъ. »Вотъ Г. короткій знакомый Грушина. Рекомендую вамъ моего друга, André Paulovitsch;

онъ также знакомъ съ Грушинымъ, прошу любить и жаловать.» — Вы мокорируете, этимъ знакомствомъ, сказалъ Андрей Павловичь, я не проманкирую обтенировать ваше расположеніе. Онъ пожалъ мнѣ руку, Леонидъ вышелъ въ другую комнату, и я съ новымъ своимъ знакомымъ имѣлъ слѣдующій разговоръ:

Онъ. Вы вѣроятно пріѣхали въ нашу столицу, чтобъ жуировать веселостями?

Я. Да-съ, я пріѣхалъ для того; но болѣе чтобы найти мѣсто.

Онъ. О! вы можете плясировать себя, гдѣ вамъ суетируется; протекція — вашъ рангъ.

Я. Ваша правда, André Paulovitsch, но скажите, гдѣ теперь Гавр. Тимоф. Грушинъ?

Онъ. Онъ демёрируетъ самъ въ Петербургѣ, а его фамилія здѣсь; Анна Гавриловна дурно себя портируетъ.

Я. Я не знаю его семейства.

Онъ. Это жаль. Фамилія прекрасная — шармируетъ своею любезностію.

Я. У него одна дочь?

Онъ. Нѣтъ, онъ не имѣетъ, какъ двѣ дочери, Анетъ и Агатъ. — Со мной теперь странный казусъ: Я сидѣлъ въ гостинной, вдругъ аттандирую: «André Paulovitsch! добрый день! какъ себя портируете?» — Кто же это? Я узналъ, шурнируя мои глаза, Leonidas. Могъ ли я ему репондировать будучи офрапированъ его аннонсомъ? Эти Мессіёры сидѣли въ той же шамбрѣ и, представыпе, конверсировали на Французскомъ лянгажѣ, мепризируя Русскимъ, папернельнымъ.

Мы конверсировали съ André Paulovitsch довольно долго. Онъ не говорилъ по Французски но французитъ Русской языкъ отлично не удачно. Я узналъ отъ него, что Анета больна; Гаврило Тимофѣевичъ въ Петербургѣ и возвратится не ранѣе лѣтняго пути. Узналъ гдѣ стоятъ они и симъ кончилъ скучную съ нимъ конверсацію. «Сибиряковъ! сказалъ Валеръ, завтра на Кузнецкій мостъ покупать перчатки, духи, помаду, воротнички et cetera.

Помада у Луисъ-Буисъ, nec plus ultra— прекрасная, сказалъ Князь Вяловъ, и

обращаясь ко мнѣ: »Adieu M. Sibiriakoff, au revoir — jusqu'au demain... adieu!« и ушелъ изъ гостинницы. — »Я у тебя нынѣче буду, Сибиряковъ, сказалъ Валеръ; ѣдемъ нынѣче въ театръ et cetera.« — Ну, братъ, ты ужь выучился et cetera, какъ ты понятливъ, дай Богъ тебѣ! — »Смѣйся. И такъ, vale.« Онъ ушелъ вмѣстѣ съ ученымъ, а мы остались въ гостинницѣ. Посѣтители безпрестанно смѣнялись: болѣе военныхъ, нежели статскихъ. Бутылки и завтраки уносились. Шумъ, движеніе, безпрестанное дѣйствіе. Въ три часа мы отправились домой.

ГЛАВА X.

Попиньковъ. Компанiонка Маланья Амосовна.

Безъ васъ пріѣзжалъ, сударь, какой-то господинъ, пожилыхъ лѣтъ, дурной собою, рябоватой и небольшаго роста,— нанимать большой домъ — такъ докладывалъ человѣкъ Леониду. — «Съ кремъ?» спросилъ я. — Не знаю-съ, онъ былъ [illegible] — «Какой носъ?» — Выгнутой этакой, похож[illegible]ший. «Такъ это долженъ быть онъ, непремѣнно онъ.» Спустя полчаса пріѣхалъ бывшій наемщикъ дома и въ лицѣ его я узналъ... Попинькова. Онъ объявилъ причину своего пріѣзда и началъ торговаться съ Леонидомъ. Домъ нашъ былъ на весьма выгодномъ мѣстѣ, не далеко отъ города и въ....ской части. Мы занимали флигель, а домъ, прекрасно отдѣланный, о семи окошкахъ отдавался

въ наемъ. — Послѣ долгихъ преній Попиньковъ нанялъ домъ и на слѣдующій же день переѣхалъ. Могъ ли я предполагать, что буду въ одномъ домѣ съ Дунею? — Чрезъ два дни я посѣтилъ Попинькова и былъ принятъ съ радушіемъ одноземца. Дуня была едвали не болѣе меня рада. Она то прислоняла палецъ къ губамъ своимъ, то упиралась платкомъ — знаки извѣстные. Надобно предупредить Читателей, что у Попинькова жила старая бѣдная дворянка Маланья Амосовна, занимая мѣсто дуени при нашей красавицѣ. Мал. Амос. была предобрая старушка, услужливая для дѣвушекъ, молоденькихъ женъ и вдовокъ и преснисходительная къ волокитамъ, не щадившимъ ничего для своего достиженія. Она передавала записочки, объявленія, изъясненія и доставляла отвѣты. Я зналъ ее еще на родинѣ и помнилъ услуги мнѣ оказанныя. По хитрости ли своей или по простодушію Дуни — она все узнала, и дала твердое обѣщаніе хранить тайну и доставлять свиданія. Я вошелъ въ дружбу съ доброю дуенею и посѣщенія мои начались какъ и прежде.

Самъ Попиньковъ отлучался по должности, а я... я былъ еще волонтеромъ. Онъ былъ Бухгалтеромъ въ..... Но бѣда въ такомъ случаѣ. Преждѣ свидѣтелями нашихъ свиданій былъ будуаръ прелестной; а нынѣ — дуеня и люди, кои мало по малу начали провѣдывать. Между тѣмъ Леонидъ долженъ былъ отлучиться изъ городу и флигель нашъ по просьбѣ Попинькова былъ причисленъ къ дому. Я долженъ былъ искать другой квартиры. Скорѣшенскій меня посѣщалъ почти каждый день, я завелъ довольно большое знакомство съ людьми моихъ лѣтъ, былъ безъ должности; охота къ ученью была, но я не учился. Да и что за ученье! думалъ я; мнѣ двадцать два года. Учиться никогда не стыдно! Да, это правда: ни зимой ни лѣтомъ, ни днемъ ни ночью, но для школьника. Изъ числа моихъ знакомыхъ многіе учились въ Университетѣ и ихъ толки возбудили во мнѣ желаніе увидѣть это высшее хранилище верховной учености; посѣщеніе онаго я отложилъ до свободнаго времени, а теперь святая недѣля.

ГЛАВА XI.

Первый день праздника Воскресенія Христова. Утренніе визиты. Сибиряковъ неожиданно получаетъ мѣсто помощника Попинькова. Услужливость Маланьи Амосовны въ любовныхъ дѣлахъ. Неудачное любовное похожденіе Сибирякова.

«Что можетъ быть шумнѣе и любопытнѣе Москвы въ свѣтлую недѣлю? Здѣсь нѣсколько провинцій соединены въ одномъ городѣ, нѣсколько вѣковъ видишь въ одинъ день, и старина и новость, и моды и странности, и высшее сословіе и простой народъ... все составляетъ картину разительную, восхитительную!»

Пора, сударь, вставать, сказалъ мнѣ человѣкъ; къ заутренѣ уже уже давно благовѣстятъ.—Я разкрылъ сонные глаза мои, осмотрѣлся — и шумный звонъ увѣрилъ меня въ словахъ человѣка. Квартира моя, по оспавленіи дома Леонида,

была на Маховой и слѣдовательно не далеко отъ города. Не смотря на двойныя рамы, звонъ былъ очень слышенъ. Я собрался и поѣхалъ въ церковь. Заутреня уже началась. Церковь полна народу. Никогда съ такимъ благоговѣніемъ не слушалъ я литургіи. Праздникъ Воскресенія — есть торжество торжествъ. Память юности напоминала мнѣ, какъ проводилъ я оный еще въ тѣ времена... Теперь я одинъ. Я молилъ Всевышняго да руководствуетъ меня на скользкомъ пути земномъ: грустно было встрѣчать мнѣ день сей отдаленному отъ родины и родителей, грустно одному встрѣчать и радости. Заутреня кончилась и народъ расходился. Я выжидалъ когда пройдетъ тѣснота, стоялъ и смотрѣлъ: нѣтъ ли кого знакомыхъ. Но кругъ мой ограничивался восьмью или десяткомъ молодыхъ людей, кои, вѣрно, слушаютъ службу дома, — стоялъ и очень явственно услышалъ слова женскаго голоса: ach! Anette, comme il ressemble... напоръ спѣшащихъ богомольцевъ не далъ мнѣ разслушать окончанія словъ. Церковь рѣдѣетъ и вотъ стали

выходишь дамы. Ихъ было множество. Я смотѣлъ, не для того чтобы узнать знакомыхъ, но по невольному влеченію, и очень былъ удивленъ сходствомъ одной барышни съ моею кузиною — Юліею. Это была совершенно она. Тотъ-же взглядъ, тоже лице и ростъ. Если бы я не былъ увѣренъ въ ея деревенскомъ пребываніи, я непремѣнно почелъ бы незнакомую за Юлію. Наконецъ я дома. Приносятъ Пасху, приходятъ люди, поздравляютъ, христосываются... Читатель! проводили ли вы когда нибудь одни въ чужбинѣ праздникъ Воскресенія? если проводили, вамъ не нужно описывать грусть, которую испыталъ я; причина этому: мое простое, провинціальное воспитаніе, при которомъ древняя религіозность болѣе сохраняется. Графъ, воспитанный въ Москвѣ иностранцами, не поймет[illegible] праздникъ — случай блеснуть богатствомъ. — Вотъ остановились дрожки. Это визитерные билеты: Princesse Alexandre Vorilsky, Comte Vialoff, Андре Половишь Членъ Англійскаго Клуба и друг. Наконецъ пріхалъ Скорѣшенскій.

«Христосъ воскресе! Александръ. J'ai parcouru dejà Тверскую — домовъ двадцать, Петровку, Арбатъ... А! у тебя billets de visites! Это что такое? *Princesse Alexandre Vorilsky.*—Не ужели къ тебѣ Княгиня сама пріѣзжала? C'est charmant!... А у меня сколько! Цѣлая корзина этихъ карточекъ; Князья, Графы et cetera. Впрочемъ vale, mon cher, мнѣ еще много объѣхать надобно...» Послѣ сего мнѣ подалъ человѣкъ записку. Вотъ что въ ней писано: «М. Г. Поставляю себѣ за большое удовольствіе извѣстить васъ въ этотъ день о вашемъ опредѣленіи: вы сдѣланы помощникомъ Г. Попинькова.—Желаю вамъ счастія. *Тур. Грекъ.*» — Кто изъ насъ болѣе удивился: вы, Читатель, или я?

. . . . . .

Лошади были готовы — — — поѣхалъ къ Попинькову. Онъ очень былъ радъ, Дуня еще болѣе. Я сказалъ, что почитаю за обязанность явиться къ моему начальнику. Попиньковъ не могъ понять этаго; но по краткимъ объясненіямъ, мы оба отправились къ главному нашему начальнику — Попиньковъ въ мундирѣ,

я во фракѣ. Экипажей на дворѣ было много. Въ залѣ толклись поздравители. Всякій думалъ что́ бы по леспнѣе сказать начальнику. Дверь отворилась и вельможа съ довольнымъ видомъ явился предъ нами. Надобно дивиться его способности обласкать всякаго, никого не обидя: всякій получаетъ лестное привѣтствіе, всякій довольный пріемомъ начальника пересказываетъ слова, которыми онъ былъ удостоенъ.—Уѣзжаютъ, вновь заѣзжаютъ къ другому, и въ этой сумато́хѣ проходитъ почти полдня перваго дня святой недѣли.

Побывавъ у начальника, я завезъ билеты къ моимъ знакомымъ и воротился домой. Спустя не болѣе часа, ко мнѣ пріѣхала Маланья Амосовна — дорогая и необходимая особа. Здравствуйте батюшка, Алек. Иван. — Вотъ и я къ вамъ, какъ снѣгъ на голову, ждали ли гостью?

Я. Добро пожаловать, что́ новенькаго?

Мал. Амос. И! что тебѣ новенькаго? — Авдот. Алек. приказала кланяться.

Я. Благодарю васъ. Что это ей вздумалось? вѣдь я у нихъ нынче былъ.

Мал. Амос. Вотъ тебѣ благодарность! а я думала, что мой молодецъ за радостную вѣсть мнѣ яичко дастъ...

Я. Да! я и позабылъ. Празднуйте, вотъ вамъ красненькая.

Мал. Амос. Ну вотъ это другое дѣло; теперь объявлю: нынче извольте пожаловать къ намъ часу въ шестомъ. Онъ ѣдетъ къ роднымъ; она сказалась больною.

Я. Чѣмъ она больна?

Мал. Амос. Чѣмъ больна! Женскія немощи догадки лѣчатъ.

Я. Если же мы встрѣтимся?

Мал. Амос. Вы проѣзжайте мимо оконъ: если я вамъ махну бѣлымъ платкомъ, вы заѣзжайте; если нѣтъ, то обождите.

Я. Хорошо; объ этомъ кончимъ. Мнѣ нужно знать, гдѣ здѣсь живутъ Грушины — вы вѣдь всю Москву знаете — скажите, гдѣ ихъ домъ?

Мал. Амос. Могу да и очень. Я у нихъ буду на третій день, во вторникъ; всю подноготную узнаю... Ой, ты, сѣрый глазъ, какъ огонь жарокъ.

Я. Ахъ въ самомъ дѣлѣ узнайте, тогда уже не красненькую дамъ.

Мал. Амос. Да что васъ такъ ведетъ туда? Изволь для милаго дружка и сережка изъ ушка. Да нѣтъ ли у васъ чего напиться?

Я. Чего вамъ, не хотите ли вина?

Мал. Амос. Ахъ! пью и квасъ, а гдѣ вижу пиво — не пройду мимо. Велите дать.

Человѣкъ принесъ вина съ водой; Мал. Амос. выпила и продолжала такъ:

Да ужь не пора ли пиркомъ да и за свадебку? вѣдь кто женится скорѣе, такъ въ домѣ будетъ спорнѣе.

Я. Что это вы! дайте мнѣ холостымъ-то пожить.

Мал. Амос. Холостой — что бѣшеный. Гдѣ-то лучше женатому! А ужь тогда, какъ сосватаю, тутъ-то мнѣ на капотецъ гардинапелю подарятъ.

Я. А вы вѣрно славная сваха!

Мал. Амос. Сваха! Вотъ тебѣ! я компаніонка, я вѣдь не изъ денегъ ухаживаю, а такъ, для собственнаго блезиру.

Я. Что мы заговорили съ вами о свадьбахъ! Скажите-ка лучше, каково Попиньковъ живетъ съ Дунею-то?

Мал. Амос. И такъ и сякъ. Гдѣ сердито а гдѣ смирно. Дѣлать нечего, женился, какъ подломился; ужь по пословицѣ: бился, колотился, а доброй жены не добился. — Что ему за жена? это вашему брату кладъ. Вольно было Ѳомушкѣ жениться на вдовушкѣ. — Думалъ денегъ взять, да вотъ и взялъ: приданое въ сундукѣ, а уродъ на рукѣ. — Красотка собою. Ужь какъ онъ-то дуренъ! Говори послѣ этаго, что поговорка справедлива: кому на комъ женишься, тотъ въ того и родится.

Я. Такъ я нынѣче буду, а васъ болѣе всего прошу узнать о Грушиныхъ. Сдѣлайте одолженіе! — Дунѣ кланяйтесь.

Мал. Амос. Хорошо, мой батюшка, я ужь заболталась, прощайте. Все сполна справлю; ты не забудь, милый мой.—

До свиданья! — Она ушла. Какъ назвать этотъ родъ людей, которые, исправляя должность компаніонокъ, начальствуютъ надъ путями сообщенія любовной коммуникаціи? Въ домѣ онѣ строгія блюстительницы добродѣтели, внѣ дома — онѣ свахи, пересказщицы, болтуньи, сплетницы. Этотъ родъ я называю бѣлыми Іезуитами, кои едва ли не болѣе вредны для замужняго міра, сколько онѣ для политическаго.

Въ шесть часовъ я отправился. Подъѣзжая къ дому, въ моемъ виду выѣхалъ Попиньковъ, почему я, слезши съ дрожекъ, пошелъ пѣшкомъ, велѣвъ пріѣзжать за собою въ девятомъ часу: ибо надѣялся провести весь вечеръ у Дуни. Я обыкновенно входилъ, во время отсутствія Попинькова, чрезъ дѣвичье крыльцо, гдѣ всѣ служаночки были моей партіи. Дуня со слезами приняла меня. Она жаловалась на рѣдкое свиданіе и мою холодность. Мы уже съиграли игру въ тинтере, сидѣли и толковали о средствахъ тайны; Мал. Амос. хлопотала, то заглядывала въ гостинную, то смотрѣла въ окно, то въ дѣвичью,—

какъ вдругъ пріѣхалъ Попиньковъ. Амосовна закричала, я вскочилъ съ дивана и прямо на заднее крыльцо. Здѣсь я услышалъ голосъ Попинькова и для своей безопасности, съ помощію темноты, скрылся въ чуланъ, который, къ моему счастію былъ съ вертушкою. Сижу и жду. Попиньковъ прошелъ мимо, бормоча сердитымъ голосомъ: «только я со двора, всѣ люди разойдутся. Какъ запирать передней двери!» и ушелъ во внутренность покоевъ. Послѣ сего, минутъ чрезъ пять, я снова услышалъ его голосъ, но уже на дворѣ; онъ приказывалъ что-то кучеру. Обо мнѣ, кажется, никто не забопился. Съ часъ сидѣлъ я въ своемъ карцерѣ, боясь выглянуть. Люди безпрестанно ходили по двору; по моему крыльцу рѣдко проходили, и притомъ, заключая по стуку сапогъ, проходили мущины; а мущинъ я боялся. Я прозябалъ, ибо Апрѣль въ то время былъ довольно холоденъ. Наконецъ я уже вышелъ изъ терпѣнія: ибо очень озябъ, — да и весело ли сидѣть въ темненькой клетушкѣ одному на холодѣ? Я выду и убѣгу, думалъ я — но моя шляпа

и плащь въ комнатахъ; во внутренность дома я и думать не смѣлъ: ибо Попиньковъ всегда вертится въ женской половинѣ. Досадно сидѣть въ заперти, а еще досаднѣе — въ заперти и въ холодѣ. Наконецъ, спустя полпора часа, кто-то вошелъ по лѣстницѣ и, стучась въ мою дверь, говорилъ сиповатымъ голосомъ: »Настюша! Настя! ты это? отопри мнѣ, я пришелъ.« Сей часъ, отвѣчалъ я, подражая женскому голосу, и медлилъ отпирать, желая вывѣдать, узналъ ли кучеръ мужескій голосъ. »Что ты обманываешь, каналья, говорилъ кучеръ; я вижу, ты меня провести хочешь: отопри, вотъ я тебѣ задамъ.« Что ты мнѣ сдѣлаешь? спросилъ я опять. — »Калачь Московскій,« отвѣчалъ кучеръ, и началъ стучаться сильнѣе. — Что будетъ, то будетъ, подумалъ я, и отворилъ дверь. Кучеръ удивился, увидѣвъ вмѣсто Настиньки мущину. Изумленный стоялъ онъ, вперивъ въ меня глаза свои, и вѣрно долго бы простоялъ такимъ образомъ, если бы не вышла дѣвушка. Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ указалъ на меня — все

это пантоминами. Я, не теряя случая, побѣжалъ съ лѣстницы, сопровождаемый стукомъ пощечинъ и сихъ словъ самаго Попинькова: »ахъ ты потаскуша!« — Я бѣжалъ. Ночь благопріятствовала моему положенію. Въ глухихъ переулкахъ я рысью, большими улицами шелъ тихо и при встрѣчѣ обтиралъ потъ платкомъ, какъ будто вспотѣлъ на морозѣ въ шесть градусовъ. Дома удивились чрезвычайно. Я проклиналъ Амосовну, а еще болѣе Попинькова и, разсерженный, раздосадованный искалъ успокоенія въ владычествѣ сна; но сонъ былъ безпокоенъ.

ГЛАВА XII.

Скорѣшенскій и Князь Вяловъ. Извѣстія объ Юліи и Анетѣ. Любовныя вѣсти М. Амосовны.

Весь день я чувствовалъ себя дурно. Никуда не выходилъ и никого не принималъ; по утру пріѣхалъ ко мнѣ Скорѣшенскій съ Княземъ Вяловымъ. «Ахъ, Сибиряковъ, я попалъ въ сѣти!» Вяловъ засмѣялся. Что такое? спросилъ я. «Видишь ли что: вчерась познакомилъ меня — вотъ Prince — съ своимъ семействомъ, тамъ я увидѣлъ прекрасную, charmante, премилую Юлію — и представь, одной съ тобою фамиліи — Сибирякова: можетъ быть даже родня тебѣ, изъ одного съ нами города.» — Какъ, Юлія здѣсь? спросилъ я. — «Развѣ ты ее знаешь?» возразилъ Вяловъ. — Юлія, дочь моего дяди Дмитрія, дѣвушка лѣтъ семнадцати, говорилъ я; помилуй да

какъ она здѣсь явилась? — »Такъ она тебѣ кузина?« , Да — кузина; скажите же какъ она здѣсь явилась? »Видишь ли, началъ Вяловъ, моя мать родная сестра Гавр. Тимоф. Грушина; mon oncle съ отцомъ Юліи знакомъ, и изъ жалости взялъ ее къ себѣ. Дядя теперь въ Петербургѣ, a ma tante и cousine Anette живутъ у насъ.« — Такъ ты родня Грушинымъ? спросилъ опять я. »Comment donc? отвѣчалъ Вяловъ, ma mère est de cette famille.« — Въ продолженіи всего разговора Валеръ стоялъ и очень пристально смотрѣлъ на меня и на Князя. Я опасался говорить объ Анетѣ: молодые люди сей часъ возмутъ въ подозрѣніе. Послушай, Князь, какъ же бы мнѣ видѣть кузину? — »Вотъ ужь и кузиной сталъ величать — говорилъ Скорѣшенскій; puis-je dire qu'Adame est mon parent ou cousin?« — »Какимъ образомъ! говорилъ Князь, пріѣзжай къ намъ нынче обѣдать, я тебя отрекомендую, — а сколько теперь часовъ?« — Одинадцатаго половина. — »Ну вотъ черезъ два часа и пріѣзжай, у насъ отобѣдаешь, а послѣ обѣда ensemble

подъ Новинское. Послушай, Сибиряковъ, ты не называй Юлію кузиной, сказалъ Валеръ, я... celà ne me plait, что соперникомъ... Ну хорошо, продолжалъ онъ, tu n'as pas les vûs sur... Никакихъ. Ѣдемъ. Прощай Сибиряковъ, жду къ себѣ обѣдать. Vale, amice... Какъ сказать по Латынѣ: *не называй ее кузиною:* non appelle cusinus — такъ что ли?» — Такъ, прощай. — Проводивши друзей, я предался размышленію. Вспоминалъ времена прошедшія, представлялъ Анету, представлялъ Юлію; думалъ, какимъ образомъ она попалась въ домъ Грушиныхъ, послѣ сего переходилъ къ сценѣ свиданія, хотѣлъ не ѣхать, боясь измѣнить себѣ; потомъ вспомнилъ о плащѣ и шляпѣ, досадовалъ, сердился, смѣялся... Подъѣхали дрожки. Я посмотрѣлъ въ окно и къ удивленію узналъ Мал. Амос. Чтобы болѣе казаться веселымъ, я вздумалъ пошутить съ старою свахою. Съ торжественнымъ лицемъ вошла она, улыбаясь, съ узломъ въ рукѣ. Старая ты дура, закричалъ я сердитымъ голосомъ, сей часъ велю березовую справку учинить.

Амосовна оробѣла. Робко глядѣла она на меня; я не могъ удержаться, засмѣялся и испуганная узнала шутку. «Вотъ тебѣ спасибо, вотъ тебѣ матушка Юрьевъ день! Я старалась, старалась, а онъ меня — ахъ мои матушки! величаетъ дурой.» Я шучу, Маланья Амосовна. А каково вы меня отдѣлали? — «Ахъ! ха ха ха, да гдѣ это вы были: подите-ка, онъ на насъ припыжилъ, что и.. и...» А плащь мой? «Вотъ я принесла его.» Это къ стати, я сей часъ ѣду къ Грушинымъ, сестра моя Юлія здѣсь. «Да, да, здѣсь, и я объ этомъ хотѣла сказать. Я у нихъ вчерась была; сестрица очень хочетъ васъ видѣть. И еще кой-что я сдѣлала— говорила Амосовна, смотря на меня съ язвительною улыбкою.» Что еще скажете? Вѣрно объ дочери? «Да, объ дочери.» Вы шутите? — «Какая шутка. Эта шутка не въ лисьей шубкѣ.» Скажите же, что вы говорили? — «Ужь давно говорила я: лишнее слово досаду приноситъ и до стыда доводитъ: а какъ отказать молодчику? Видите ли, Алек. Иван., я прихожу: мнѣ такъ рады

и мать и дочери; а отецъ денегъ даетъ. . .» Какъ отецъ! вѣдь онъ въ Петербургѣ? «Да, я ошиблась. Послѣ обѣда Юлія Дмит. съ хозяйкою-то поѣхала къ мадамамъ — (чертъ ихъ возми! дерутъ въ три-дорога), а я осталась съ Анною Гавриловною. Долго я не говорила объ васъ, все стыдилась.» — Сваха стыда не знаетъ. «Полно сердить меня, Алек. Иван.; я вотъ плюну да и уйду. Слушайте же, вотъ я и начала: Вы знаете, матушка, Алек. Иван. Сибирякова?» Да, знаю; я его видѣла въ пансіонѣ. «Какъ онъ вамъ кажется?» опять я спросила. — Да кто васъ просилъ спрашивать, какъ я ей кажусь. Ужъ здѣсь вы не у мѣста. . . «Да погоди, я, знаете, думала: съмъ я прямо на нее нагряну, и сказала съ дуру-то: ну полно, матушка, это старая пѣсня, соловья баснями не кормятъ; скажи просто любишь ли ты его? Я этаго и слушаю. Она сперва смѣялась, я думала, что попала на стать, еще сильнѣе пристала. Вотъ она и сердиться стала. А я ей въ угоду предложила свои услуги: не угодно ли-де, Анна Гавр., я могу вамъ

свиданье доставить, никто и не провѣдаетъ. Тутъ она, такъ сурьезно сказала: Мал. Амос., вы бѣдный человѣкъ — и притомъ дурнаго поведенія: я бы могла васъ сдѣлать несчастною за вашу дерзость, но Богъ съ вами, впередъ не смѣйте никогда говорить мнѣ объ этомъ; иначе я буду просить маминьку не пускать васъ и на дворъ къ намъ. —Дурной человѣкъ кто связывается съ вами.» — Амосовна замолчала и ждала, что скажу я на это.—Старая карга, безстыдная сваха! Кто просилъ тебя говорить обо мнѣ Грушиной? Вонъ! не знать моего дома! Подлая женщина! —Со слезами на глазахъ обратилась она ко мнѣ и прерывающимъ голосомъ едва говорила: «Вотъ что за всѣ труды и стыдъ! Подлинно въ чужомъ пиру похмѣлье,» и вышла изъ комнаты. —

Мнѣ жаль было бѣдную старуху. За все стараніе услужить мнѣ я такъ былъ неблагодаренъ! — Какое дѣло разсматривать здѣсь нравственную сторону ея промышленности? Хорошо ли, худо ли она сдѣлала, думалъ я, но вѣдь это мнѣ понравилось, если бы сдѣлалось удачно?

Но мнѣ досадно было, что Анета послѣ сего будетъ имѣть обо мнѣ невыгодное мнѣніе: мнѣ бы хотѣлось чтобы я былъ ей извѣстенъ чистымъ, добрымъ и непорочнымъ; а что произведутъ эти сплетни старухи! Ѣхать ли мнѣ къ Грушинымъ? Нѣтъ, не поѣду, не поѣду. Я лучше отложу на нѣсколько времени; можетъ быть, Анета, не обращая большаго вниманія на слова Амосовны, забудетъ объ этомъ и я въ выигрышѣ. Но Вяловъ скажетъ и сестрѣ и Анетѣ, что я обѣщался быть у нихъ. Юлія меня, вѣроятно, ждетъ не дождется. Что скажутъ онѣ, если я не пріѣду? Не подумаетъ ли Анета, что послѣ переговоровъ съ Амосовной я стыдился показаться? Нѣтъ, лучше ѣхать, показать, что я не имѣлъ ни малѣйшаго сношенія съ старою свахою, лучше ѣхать, я этимъ выиграю. Такъ колебался, сбираясь къ Грушинымъ. Мудрено ли это? Мал. Амос. поставила меня въ то положеніе, въ которомъ молодому человѣку трудно барахтаться. Я ѣду къ Анетѣ, я вижу милую, прекрасную, несравненную. Сколько лѣтъ кружитъ она

мнѣ голову! Сколько лѣтъ верчусь я на свѣтскомъ поприщѣ и не измѣнилъ ей по чувству! Но отъ чего она обидилась словами Амосовны, если сія предлагала ей о свиданіи? Развѣ она не желаетъ видѣть меня? Развѣ въ обширномъ кругу свѣта шумной столицы она избрала другаго счастливца, которому отдала свое сердце? Но кто сказалъ мнѣ, что она принадлежитъ мнѣ? Если я замѣчалъ прежде мнимое соотвѣтствіе, то развѣ долговременная разлука не могла изгладить впечатлѣніе юности? Мысли зрѣютъ со временемъ. Помысли, говорилъ я самъ себѣ, не тщетны ли твои надежды, и не смѣшна ли пылкость твоя? Вспомни холодную свѣтскую жизнь нынѣшняго времени, вспомни, что Анета могла видѣть тысячу лучше тебя — и не уже ли ребяческія шалости могутъ гнѣздиться въ груди семьнадцати-лѣтней дѣвушки? Размысли, спроси: любитъ ли она тебя?... Анета любитъ меня. Я помню ту первую встрѣчу, когда встрѣтившіеся взоры наши спросили и отвѣчали другъ другу, помню сіи случаевъ,

кои мнѣ очень ясно доказывали ея вниманіе. Впечатлѣнія дѣтства рѣзко напечатлѣваются, и весенняя букля розы— таже по цвѣту и лѣтомъ, но въ другомъ видѣ. Если Анета забыла меня, то она вспомнитъ при свиданіи, вспомнитъ и съ большею радостію: ибо память юности мила, говоритъ поэтъ.—

ГЛАВА XIII.

Домъ Князя Вялова. Барскія сужденія о воспитаніи и просвѣщеніи. Анета.

Въ назначенное время мы поѣхали къ Князю Вялову. Робко билось сердце мое; отъ чего былъ страхъ мой? Не уже ли отъ свиданія съ предметомъ милымъ, который не страшитъ, но влечетъ — свиданія съ Анетою? Но я въ залѣ. — »Милый, любезный Александръ! кто-бъ могъ полагать, что ты въ Москвѣ? говорила Юлія, кинувшись мнѣ на шею и осыпала поцѣлуями; я видѣла тебя — безъ сомнѣнія тебя — въ заутреню на первый день. Ахъ, Александръ! какъ ты перемѣнился! Представь себѣ, два года мы не видались: здоровъ ли ты?... маминька? получаешь ли ты отъ нея письма?« — Получилъ на четвертой день, по пріѣздѣ. »Но разрѣши мнѣ поскорѣе недоумѣніе: какъ ты живешь — у кого?«

Я живу у Грушина, Гавр. Тим.; помнишь ли ты его? — Знаю, помню.» Онъ уговорилъ папиньку... Но какъ ты перемѣнился! Тебя трудно узнать. Пойдемъ, я отрекомендую тебя Княгинѣ.» Мы вошли въ гостиную. На диванѣ сидѣла пожилыхъ лѣтъ дама. Гордый станъ ея, сановитость вида, показывали въ ней Штатсдаму двора Екатерины. Возлѣ нея сидѣла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, блѣдная, худощавая, съ томными, черными глазами, въ простенькомъ платьецѣ, съ простою головною уборкою: она привела мнѣ на память особу, въ которой нѣкогда я ничего не видѣлъ, кромѣ очаровательнаго. Съ удивленіемъ смотрѣла она на меня. Молодой Князь Вяловъ, бывшій здѣсь, подвелъ меня къ своей матери и отрекомендовалъ какъ своего знакомаго и брата Юліи. Тогда проясилось чело прекрасной: съ румянцемъ, съ какимъ-то стремительнымъ участіемъ смотрѣла она на меня и, не говоря ни слова, говорила много. Но обратимся къ старушкѣ. Она спрашивала: гдѣ я служу, гдѣ мое имѣнье, который мнѣ годъ — все съ обыкновенною

простотою, но сія простота въ устахъ ея имѣла какую-то важность. Черезъ полчаса пріѣхалъ Князь — старикъ маленькой, сѣденькой, съ орденами и косою, почтенный, тихій и съ радушіемъ Русскаго боярина.

Съ старикомъ мы говорили долго и о многомъ. По его разговорамъ, онъ былъ нѣкогда государственнымъ человѣкомъ. Наконецъ въ три часа начали обѣдъ. Изъ постороннихъ, кромѣ меня и человѣкъ шести родственниковъ, никого не было. Пусть гастрономъ опишетъ вамъ столъ, а я постараюсь изложить разговоръ, который по своему предмету довольно любопытенъ.

Княгин. Не уже ли ты не знаешь, Анна Павловна, (*мать Анеты*) Г. Сибирякова? онъ вѣдь вамъ сосѣдъ по имѣнію.

Анна Павловна. Не льзя было знать его; когда онъ стоялъ у родителей, мы были или въ Москвѣ или Петербургѣ; а когда я пріѣзжала въ деревню — (*Юлія.*)

»тогда Алек. Иван. уже не былъ въ деревнѣ, онъ учился въ Гимназіи.«

Княг. Какъ, вы воспитывались въ общественномъ заведніи?

Я. Да-съ, по волѣ папиньки.

Княг. Ахъ Боже мой! Это до сихъ поръ еще не вывелось изъ употребленія! Чему могутъ научить въ школахъ?

Молод. Князь. Ахъ, maman, вы видите, что Николая не приняли въ Университетъ, а сколько стоило его образованіе!

Стар. Князь. Ахъ этотъ мнѣ Николай! Въ Лицеѣ просрочилъ, въ Университетъ не принятъ. . .

Княг. Я и сама думала тоже, какъ это не принять такой фамиліи? Они бы гордились, что въ ихъ заведеніи молодой человѣкъ знатнаго рода.

Стар. Князь. Что имъ въ знатности? Они знаютъ, что знатность всего чаще вмѣстѣ съ лѣностію.

Молод. Князь. Да они сами всѣ Генералы — Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Княг. Что же за знатные? Изъ поповичей или Оберъ-Офицерскія дѣти.

Молод. Князь. А вотъ Николая не приняли.

Николай. Нѣтъ, maman, они и не спрашиваютъ кто я такой, прямо экзаменуютъ. — Я бы выдержалъ экзаменъ, да въ Лапинскомъ ничего не зналъ.

Княг. Вѣдь Профессоры же тебя учили.

Никол. Я все зналъ. Въ Лапинскомъ вотъ ничего, да въ Русскомъ не много, да въ Катихизисѣ; а то я и по Французски, и по Аглицки, и по Нѣмецки...

Стар. Князь. То есть ты все зналъ, кромѣ всего.

Никол. Профессоръ Словесности сказалъ, что я и изъясниться-то не умѣю.

Княг. Я говорила, что всѣ науки — дрянь. Выхлопотать Николаю мѣсто въ Иностранной Коллегіи или при Посольствѣ, а то въ Университетъ!

Валерѣ. Да подарить бы учителей или Профессоровъ.

Никол. То-то и бѣда, что не берутъ.

Валер. Ну, уроки брать у нихъ.

Никол. Мы брали, да у Лекторовъ Нѣмецк., Франц. и Итал.; а другіе Профессоры стали ѣздить за мѣсяцъ до экзамена. Профессоръ Словесности и уроковъ не даетъ.

Княг. Брали они по пятнадцати рублей за билетъ, а выучили...

Никол. Маman! Это все отъ Лапинскаго, да Русскаго, да Катихизиса. Вамъ надо бы пораньше начать; я говорю...

Княг. Ну что ты говорилъ? Тебѣ бы должно подойти и сказать: извольте экзаменовать меня, я Князь Вяловъ.

Никол. Надо мною и засмѣялись бы. И то я подхожу къ Профессору Русскаго, онъ спросилъ: что есть Піитика? Я говорю ему: L'art poëtique est... Онъ махнулъ рукой, — извольте идти.

Княг. А! извольте!

Никол. Да и поставили единицу, если не нуль.

Княг. Что это такое — поставили единицу, что это значитъ?

Никол. Профессоръ, который экзаменуетъ, смотря по отвѣтамъ, ставитъ 0 — ничего не знаетъ, 1 — худо, 2 — средственно, 3—хорошо и 4—прекрасно.

Анна Павловна. Васъ болтируютъ?

Княг. Ты бы подкупилъ, вотъ тебѣ и прикатили бы всѣ бѣлые шары.

Никол. Тутъ не шары катаютъ, тутъ просто перомъ балы ставятъ.

Княг. Ты все врешь, кажется; то шары, то балы — Богъ знаетъ, что ты говоришь.

Стар. Князь. То-то оно и есть, вы учитесь Французскому, а своего природнаго не знаете языка.

Княг. Помилуй скажи, по Русски съ людьми говоритъ, а Французскій. . .

Стар. Князь. Такъ пусть и говоритъ съ людьми, а въ Университетъ не приняли.

Старая Княгиня разсердилась. Анна Павловна, чтобы завести другой разго-

воръ, начала: я видѣла нынѣче Графиню А. Она ѣдетъ въ чужія краи, вы знаете ее?

Княг. Это дочь Б. Димитрія Степановича, который женатъ на Аннѣ Ивановнѣ В. — такъ она нынѣче Графиня?

Анна Павл. Вы и Графа знаете?

Княг. Котораго? Прокофья Андреевича? Какъ не знать. Отецъ его Графъ Андрей Прокофьевичь и мать Пелагея Николаевна очень коротки съ нашимъ домомъ; я и стариковъ-то помню — Прокофья Петровича и брата его Амоса Васильевича, который женатъ былъ на моей троюродной кузинѣ Княгинѣ Натальѣ Васильевнѣ.

Молод. Князь. Ахъ maman, вы всѣ дворянскія грамоты знаете.

Никол. Вотъ, маминька, вамъ бы читать Генеалогію въ Университетѣ.

Анна Павловна опять прервала разговоръ, обратясь къ другой какой-то Баронессѣ, и здѣсь Княгиня показала еще болѣе памяти. Иногда даже гербы говорила. Надобно замѣтить, что разго-

воръ былъ на языкѣ смѣшенномъ изъ Французскаго и Русскаго, я боялся надоѣсть Читателю этою микстурою. Съ Анетою я говорилъ, но очень мало. Въ шесть часовъ вмѣстѣ съ Князьями Вяловыми и Скорѣшенскимъ я отправился подъ Новинское. Вотъ посѣщеніе мое Грушиныхъ! Отдамъ отчетъ Читателю, что думалъ я, выѣхавъ изъ дому Князя Вялова.

Цѣль моего посѣщенія была, разумѣется, Анета; Юлія служила средствомъ. Что нашелъ я въ Анетѣ? Едва ли мысли, волновавшія меня предъ отъѣздомъ, не были справедливы. Ея равнодушіе и холодность меня мучили: Анета меня позабыла, думалъ я, но отъ чего же при моемъ появленіи тихій румянецъ покрылъ ея щеки? Отъ чего при прощаніи она три раза повторила мнѣ: прощайте, прощайте, и какъ бы упрекнула меня, сказавъ Юліи: «твой братъ, конечно, тебя будетъ часто видѣть, — тебя» и оборотясь ко мнѣ, снова повторила: прощайте и кинула взоры полные выраженія, — взоры, проникнувшіе въ глубину

сердца, и я, восторженный, повторялъ про себя: прощайте, прощайте!

Углубясь въ мечтанія я не замѣтилъ, что дрожки мои уже подъѣзжали къ мѣсту увеселенія. Шумъ, пѣсни и стукъ вывели меня изъ задумчивости я взглянулъ впередъ и глазамъ моимъ представилась разнообразная картина.

ГЛАВА XIV.

Гулянье подъ Новинскимъ. Французская Венера Шарлота. Графъ Агудаевъ. Цыгане. Несчастная попытка Сибирякова въ карточной игрѣ.

Множество балагановъ, съ различными вывѣсками, съ развѣвающимися флагами, были выстроены по бульвару отъ Новинскаго до Смоленскаго рынка. Въ каждомъ балаганѣ, размалеванномъ ландшафтами, гремѣла музыка и кричалъ паясъ, потѣшая толпу, обставшую все строеніе. Вокругъ тысячи каретъ, въ правильномъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другою, по тротуару и между барьерами, прогуливаются пѣшіе всѣхъ званій, возрастовъ, фигуръ и состояній. Качели, коньки, трактиры, панорамы, фокусъ-покусы, фиглярство, балеты и и все... отъ штукъ Пинетти до пустыхъ фокусовъ С. Мартена, отъ лубочной панорамы до лубочныхъ ви-

довъ Москвы — все, что можетъ занять и удовлетворить любопытству людей, для коихъ все это предназначено. Я долженъ признаться, что эта картина меня поразила. Зная изъ описанія Италіанскій Карнавалъ, я любовался на это Вавилонское смѣшеніе, на которомъ иностранцы веселятъ Русскихъ за здравіе своего кармана. Мы пошли пѣшкомъ и раза два обмѣряли кругомъ все мѣсто. Князю Вялову и Валеру встрѣчалось множество знакомыхъ, мнѣ очень мало. Въ семь часовъ Вяловъ предложилъ намъ ѣхать въ одинъ очень короткій домъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, веселостей болѣе, нежели подъ Новинскимъ. Мы отправились. До сихъ поръ я не знаю, что́ это былъ за домъ. Не опытнѣе ли меня Читатель, я опишу ему наше путешествіе, пусть узнаетъ, что́ это за мѣсто. Въ полверстѣ до Тверской заставы стоитъ трехъ-этажный домъ о девяти окнахъ, прекрасной архитектуры. Сюда пріѣхали: я, Вяловъ и Скорѣпенскій. По широкой лѣстницѣ, освѣщенной лампами, вошли мы въ переднюю, гдѣ четыре человѣка въ бога-

тыхъ ливреяхъ, убивали время въ карты и въ шашки. Огромная зала, ярко освѣщенная, съ богатою отдѣлкою, вмѣщала въ себѣ человѣкъ до одиннадцати мущинъ и ни одной женщины: я думалъ, что мы пріѣхали къ какому нибудь знакомому Вялова, но я очень ошибся. Всѣ мущины дружески жали руку Вялову, были во всей свободѣ и даже съ излишнею вольностію. Они ходили то въ гостиную, то въ боковую комнату, гдѣ стоялъ билліардъ и, напѣвая романсы, казались всѣ принадлежащими къ сему дому. Иные играли на гитарѣ, другіе съ чашкою шоколада, кофе, за покаломъ вина, жарко разговаривали и довольно громко смѣялись. Мы слѣдовали въ гостиную комнату, отдѣланную съ чрезвычайнымъ богатствомъ. Малиновое сукно съ серебреными звѣздами замѣняло обои, диванъ краснаго дерева съ золотою отдѣлкою, обитый малиновымъ бархатомъ; мраморныя пьедесталы съ яркоблестящими жирандолями, огромныя трюмы, вышиною во всю стѣну, отличныя картины — все было богатѣйшей отдѣлки и изящнѣйшаго вкуса. Мы

прошли и гостиную, входимъ въ угóльную. Это была круглая комната съ сводомъ, отдѣланная кисеею. Между малахитовыми колоннами стояло канапе, на которомъ сидѣла... я не знаю кто. »Bon jour, mon Prince,« сказала она Вялову и позвонила въ колокольчикъ. Bon soir, ma Charlotte, отвѣчалъ Князь и отрекомендовалъ меня. Скорѣшенскій былъ уже знакомъ. Прекрасная приказала вошедшей дѣвушкѣ подать шоколаду, или лимонаду, или кофе — чего намъ было угодно. На креслахъ возлѣ дивана сидѣла женщина пожилыхъ лѣтъ, перебирала какіе-то билетики.—Шарлота прекрасная, прехорошенькая Француженка, плѣняла своимъ обращеніемъ. Пріятный голосъ, кажется, совершенно соотвѣтствовалъ Французскому языку, на которомъ эта Венера изъяснялась плѣнительно. Она просила насъ выдти въ гостиную, куда и сама послѣ десяти минутъ прибыть обѣщалась. Намъ подала шоколаду дѣвушка молоденькая, хорошенькая, румяниньká. — Явилась Шарлота. Всѣ облепили ее. Всѣ говорятъ, спрашиваютъ, просятъ — и всѣ съ такою вольностью,

и такою свободою... Тогда я понялъ, что́ за Сильфія была эта Шарлота и что́ за Меркуріи сопутствовали эту Венеру. Съ улыбкою нѣжною, обворожительною, съ румянцемъ стыдливымъ, съ взорами томными, обращалась она ко всякому. Со всѣми говорила, всѣмъ отвѣчала. Наконецъ, по просьбѣ Вялова и другихъ мущинъ, Шарлота сѣла за фортопіано и звучные тоны, съ стройной гармоніи раздавались подъ ея пальцами. Я таялъ, млѣлъ, горѣлъ... »Chantez quelque-chose,« говорили одни — и Шарлота, акомпанируя фортопіано и гитару, пропѣла чистымъ контръ-ально пѣснь достойную сочинителя и кантатрисы.

Она кончила и всѣ аплодировали. Послѣ сего, не знаю почему, какъ и для чего—комнаты опустѣли... Съ часъ продолжалось это опустѣніе. Я вошелъ въ залу, Вяловъ и Скорѣшенскій меня дожидались. — »Ѣдемъ! сказалъ Князь; уже девять часовъ.« —Куда же еще? спросилъ я. »Тебѣ надобно нынѣче все узнать.« Хорошо, отвѣчалъ я; но поздно, куда же тепе́рь ѣхать? »Къ Цыганамъ,« отвѣчалъ Вяловъ, и вмѣстѣ съ Скорѣ-

шенскимъ начали меня уговаривать. — Господа! куда теперь? поѣдемте лучше домой. »Ничего, въ одиннадцатомъ воворотимся и натанцуемся... Ахъ, какъ поютъ Цыгане! — ты себѣ и представить не можешь. Посмотри, какое найдемъ тамъ общество!» Всѣ опъ Шарлоты прямо туда. Хорошо, поѣдемте, отвѣчалъ я, но въ десять часовъ домой. — »Домой, непремѣнно домой,» говорилъ Вяловъ, и мы уже на пути въ Грузины. — Я совершенно забылъ сказать, что у М. Шарлоты я потерялъ пятьдесятъ рублей. Но... »Стой, стой!» кричалъ Князь, и наши дрожки остановились передъ домомъ, отпкуда пѣсни и музыка намъ уже сдавались. Входимъ въ комнаты: шумъ, гарканье, стукъ, крикъ, звонъ — рѣзко насъ встрѣтили. Помилуй, Вяловъ, куда мы заѣхали? Нѣтъ братъ, я домой ѣду; что это за табары Цыганскіе! — Я не видывалъ ничего отвратительнѣе того, что мнѣ представилось. Пьяные мущины, сидя за столиками и куря трубки, выкидывали деньги поющимъ Цыганкамъ. Черненькія, румяныя Цыганочки, съ быстрыми глазами, съ

совершенною свободою ласкались къ Сибаритамъ, выманивали денежки и пѣли пѣсни. Я согласенъ, говорилъ я, простоять здѣсь въ темнотѣ съ полчаса, но никакъ не болѣе, и не пойду ближе.— Я остановился. Скорѣшенскій и Вяловъ пошли въ другія комнаты и черезъ нѣсколько времени возвратились. »Сибиряковъ! Иди въ заднюю половину! тамъ Графъ Агудаевъ, Князь Пряниковъ, Спинозовъ и множество — вся знать.« Я не колебался, услышавъ звонкія фамиліи, и перешелъ въ другую половину. Тамъ зрѣлище было совсѣмъ другое. Въ богатыхъ комнатахъ, за ломберными столами, сидѣли мущины и играли въ карты. Вяловъ подвелъ меня къ одному почтеннаго вида мущинѣ и отрекомендовалъ какъ своего друга, который искалъ случая познакомиться съ хозяиномъ дома. Дружески обошелся со мною Графъ Агудаевъ (*владѣтель дома*) и разговаривалъ довольно много, не переставая притомъ продолжать игру. Въ половинѣ одиннадцатаго я напомнилъ Вялову, что пора ѣхать, но Графъ съ горячностію перервалъ слова мои: »Какъ, Мг. Сиби-

ряковъ, вы уже ѣдете? позвольте мнѣ имѣть удовольствіе провести съ вами вечеръ, я очарованъ вашимъ знакомствомъ: могу ли надѣяться, что вы пожертвуете нѣсколькими часами?» — Помилуйте, Графъ, отвѣчалъ я, съ большимъ удовольствіемъ, если это только вамъ не въ тягость. «Какая тягость, говорилъ Графъ, я очень благодаренъ Князю, что онъ меня познакомилъ съ вами... Фоль-Робертъ, по десяти!... познакомилъ съ вами, я не люблю льстить, и какая нужда въ этомъ? но скажу откровенно, что не продолжительный нашъ разговоръ... Помилуйте семь выигрышу... нашъ разговоръ... двѣ тысячи семь сотъ восемьдесятъ четырѣ рубли я выигралъ у Пряникова... и если позволите, то за здоровье... Вздоръ! по пяти рублей, Робертъ... Человѣкъ! человѣкъ! — (Во все это время Графъ то обращался къ игравшимъ, то говорилъ со мною.) Дай, братецъ, Шампанскаго; у меня дорогой гость,» сказалъ Графъ вошедшему человѣку, и по окончаніи разсчета, всталъ и подошелъ ко мнѣ: «не любите ли вы пѣсни?» спросилъ онъ. Да-съ, я очень люблю,

отвѣчалъ я. »Prince! faitez inviter Anette et les autres cantatrices,« сказалъ Графъ Вялову, который перебѣгалъ изъ комнаты въ комнату. Пришли три Цыганки. Между тѣмъ подали вина — и я, по просьбѣ Графа, выпилъ три покала. Цыганки сперва обошли всѣхъ сидѣвшихъ, потомъ, по приказанію Графа, запѣли пѣсню:

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И Цыгане — молодцы
Ни о чемъ не тужатъ.

Гей Цыгане, гей Цыганки!
Живо! веселѣе!

Мы на горе не глядимъ,
Все съ весельемъ сносимъ,
Хоть по сутькамъ не ѣдимъ,
Но не жнемъ, не косимъ,
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для чужой работы,

Лишь проснемся и поемъ:
Нѣтъ у насъ заботы.

Гей Цыгане, гей Цыганки!
Живо! веселѣе!

У Цыганей круглый годъ
Праздникъ новоселье;
Имъ покровъ небесный сводъ,
А земля постелью.
Есть вино — мы дружно пьемъ,
Нѣтъ вина — пьемъ воду,
Мы богатства не возмемъ
За свою свободу.

Гей Цыгане, гей Цыганки,
Живо! веселѣй!

Шампанское пѣнилось, Цыганки пѣли. Скоро хоръ трехъ Индѣянокъ обступили мущины и съ шумомъ, иногда со вниманіемъ, слушали пѣсни. Цыганки пѣли прекрасно. Если вы, Читатель, не слыхали ихъ пѣнія, вы не можете понять меня. Съ какимъ искуствомъ переливались чистые, ясные, пріятные голоса ихъ! Какъ превосходно начинала запѣвавшая и подхватывали двѣ другія! Съ необыкновенною прелестью измѣняли онѣ возвышеніе и пониженіе и перехо-

дили отъ одного куплета къ другому. Я не слыхивалъ до того времени ничего подобнаго. Послѣ я слышалъ Каталани, но въ ея пѣніи удивляешься, благоговѣешь предъ непостижимою силою и вѣрностію голоса, — тамъ, говорю, удивляешься: здѣсь плѣняешься. Тамъ дивишься, какъ великая пѣвица съ легкостью поетъ творенія великихъ Моцарта и Россини: здѣсь слова прямо идутъ въ сердце и, не смотря на наглый видъ слушавшихъ и дикую грубость поющихъ, невольное умиленіе является въ слушателѣ. Но когда смуглянка быстро поведетъ свои огненные очи и съ чувствомъ броситъ оныя на предстоящаго — это невообразимо!... Пѣніе кончилось. Графъ и другіе перецѣловали Цыганокъ, подарили или заплатили имъ двадцать пять рублей, и по покалу Шампанскаго. «Не угодно ли вамъ еще? спросилъ меня Агудаевъ; вы можете заставить ихъ: благодарность отъ васъ зависитъ.» Мнѣ очень бы хотѣлось, говорилъ я, если...—«Помилуйте!... Анюта! Молодой господинъ хочетъ васъ послушать: спойте: «*лѣто*

пятнадцати не болѣ» — и Цыганки начали пѣть. Этотъ романсъ спѣли онѣ, кажется, еще лучше. Я былъ въ совершенствѣ доволенъ, подарилъ Цыганкамъ пятьдесятъ рублей — за что онѣ были очень благодарны. Ихъ отпустили, и Графъ началъ говорить со мною. Послѣ всѣхъ вопросовъ о моемъ состояніи и проч. и проч. Графъ предложилъ: »Господа! не угодно ли вамъ въ карты? вы играете Г. Сибиряковъ? Клянусь вамъ, что я очень радъ, что познакомился съ вами. Человѣкъ! человѣкъ! вычистить столы и подать Шампанскаго! Вы будете играть? спросилъ Графъ снова, обратясь ко мнѣ.» — Къ стыду моему, Графъ, долженъ я признаться, я не знаю ни одной игры. »Это прекрасно! не играть въ карты — это достоинство въ молодомъ человѣкѣ.» Я не совсѣмъ согласенъ съ вами, Графъ; мнѣ кажется, это необходимо. »Конечно, но играть съ воздержаніемъ, съ умѣренностію. Не угодно ли вамъ начать — мы будемъ играть по малости — со мною въ пикетъ? положимъ по десяти копѣекъ point.» Съ большею охо-

тою, Графъ, я надѣюсь, что не разссоримся, если point и по четверти, — особенно съ такимъ человѣкомъ какъ вы, говорилъ я. »Пожалуйте безъ церемоніи, я не люблю этихъ комплементовъ и говорю вамъ, что въ моемъ домѣ все просто. Я васъ люблю, Г. Сибиряковъ, и если не противно мое знакомство. . .« Поставляю за честь, Графъ. »Человѣкъ! Шампанскаго!« — Мы сѣли за столъ и начали тасовать карты. Подали вина, я выпилъ покалъ, еще другой: почокались съ Графомъ, и третій, въ головѣ начало шумѣть. — »Amice! закричалъ мнѣ Валеръ, ne sedi, peutes perdere.« Я засмѣялся. Ба! сказалъ Графъ, у насъ здѣсь и Латинисты есть. . . Первая игра кончилась рефетомъ, во вторую я выигралъ двѣсти, въ третью шестьдесятъ четыре, четвертую. . . прочаго я ничего не помню. Шампанское подносили, и мы съ припѣвомъ:

». . . Pour choquer
Nous provoquer
Le verre en main, en rond nous attaquer
D'abord nous trinquerons pour boire
Et puis nous boirons pour trinquer.« —

чокались покалами и опустошали шипящую влагу. Но голова моя кружилась, вертѣлась — и я помню, что играли въ карты, помню, множество цыфръ было на сторонѣ Графа, — какъ сонъ помню, что я подписалъ что-то, и въ продолженіи сего времени бывшіе почти всѣ разъѣхались. Вялова и Скорѣшенскаго я не видѣлъ. Наконецъ, какъ будто сталъ пробуждаться я и, посмотрѣвъ на часы, вижу, что уже третій. — «Довольно, Графъ, сказалъ я, время домой!» и кинулъ карты. — Сей часъ, но надобно счесться, отвѣчалъ Агудаевъ и началъ складывать: я проигралъ три тысячи пять сотъ восемьдесятъ одинъ т. е. восемь сотъ девяносто пять рублей. «О какъ много!» сказалъ я, и, вынувъ бумажникъ, хотѣлъ отщитывать деньги. — Что вы дивитесь, отвѣчалъ Графъ, это, я думаю, пятая часть вашего проигрыша; видите-ль, что молодымъ людямъ играть вредно. Впрочемъ завтра я у васъ. Мы сочтемся. Я не обратилъ вниманія на слова Графа, но въ бумажникѣ не было ни одной ассигнаціи, а помнится, что тамъ было до

четырехъ сотъ рублей полусотенными. Ничего не могъ понять я. — До завтра, до завтра! говорилъ мнѣ Графъ, пожимая руку и провожая въ залу. И сонъ и дѣйствіе вина затемнили разсудокъ мой, я простился съ Графомъ и уѣхалъ. Ночь провелъ очень дурно. Чувствовалъ боль и лихорадочные припадки. Въ шестомъ часу я уснулъ и проспалъ до двѣнадцати. Нѣтъ ничего хуже, какъ проводить въ бдѣніи и пьянствѣ ночь до третьяго часа. Головная боль, какое-то неудовольствіе на самаго себя, неловкость, сонный видъ, блѣдность, вялость — вотъ признаки тѣхъ, кои изъ дня дѣлаютъ ночь и обратно. Въ два часа пріѣхалъ Графъ Агудаевъ. Со страхомъ я принялъ его. Вчерашній вечеръ и проигрышъ — меня ужасали. «Э! господинъ притворщикъ! сказалъ Графъ улыбаясь, вчерась говорилъ, что не умѣешъ играть, впрочемъ вы горячи: вы проиграли значительную сумму.» Да, помнится мнѣ, что девять сотъ... кажется такъ? — «Это мнѣ, перебилъ Графъ; а то еще Спинозову четыре тысячи.» — Что вы, Графъ! Я съ нимъ

не игралъ. Какъ это возможно? четыре тысячи! «Да, и я въ васъ поручился; вотъ вексель, который вы мнѣ дали.» Графъ вынулъ бумагу, гдѣ, къ несчастію, я увидѣлъ истинну... моя подпись, вексель въ четырехъ тысячахъ рубляхъ, проигралъ девять сотъ и потерялъ изъ бумажника. — Каково это для того, у котораго нѣтъ ни сотни кромѣ ломбарднаго билета!! Чувствованія мои если не всякой можетъ испытать на себѣ, то по крайней мѣрѣ можетъ представить. И такъ ихъ въ сторону; а разсмотримъ то, какимъ образомъ выигралъ Графъ такъ много, въ столь коротkое время. Рефеты у насъ, какъ я могу запомнить, были изъ пяти; я записывалъ самыя мѣлочи. До часу сидѣлъ подлѣ меня Скорѣшенскій, Вяловъ рано, не знаю съ кѣмъ, уѣхалъ: какъ же могли выиграть пять тысячь слишкомъ, тогда какъ при Валерѣ у насъ было не болѣе двухъ рефетовъ? Я отказываюсь разрѣшить этотъ трудный вопросъ и прибѣгаю къ помощи, въ этомъ случаѣ, опытнѣйшаго. Пусть

Читатель хотя на нѣсколько времени имѣетъ терпѣніе взять урокъ у игрока Зарѣзина, которому всѣ тайны сего искусства очень извѣстны.

ГЛАВА XV.

Сибиряковъ въ отчаяніи. Физическое разслабленіе. Развлеченіе.

Я просилъ Графа подождать деньги, обѣщаясь все заплатить черезъ мѣсяцъ, просилъ, чтобъ онъ не сказывалъ никому о моемъ проигрышѣ, особенно изъ моихъ знакомыхъ. Графъ обѣщался все сдѣлать и оставилъ меня въ четыре часа. Представьте себѣ человѣка лишеннаго ума, который бродитъ по комнатѣ, —по видимому, думаетъ, углубляется, но въ которомъ ни одна мысль не останавливается, все летитъ, не оставляя слѣдовъ. Представьте себѣ купца лишившагося имѣнія, который бродитъ съ мыслію поправить свое состояніе, представьте себѣ банкрота, блѣднаго, безвластнаго, который смотритъ на свои товары, продаваемые съ молотка въ полцѣнокъ и не смѣетъ сказать ни одного слова: таковъ былъ я. Все, что

ни приходило въ голову, потемнялось, уничтожалось мыслію о проигрышѣ пяти тысячь. Мысль укоренится,ростетъ и наконецъ созрѣетъ. Мнѣ проиграть пять тысячь! думалъ я, проиграть въ то время, когда я ничего не имѣю наличными, проиграть и не заплатить — срамъ и поношеніе фамиліи Сибиряковыхъ. Все къ чёрту! все къ дьяволу! кричалъ внѣ себя. Вертены! Грабители!... »Вы не комедію ли репрезентируете? говорилъ входящій André Paulovitsch (*очень кстати*).

Я. Ахъ! Андрей Павловичь, — очень радъ, какъ вы себя носите?

Андрей Павловичъ. Я хорошо себя порпирую. Давно ли вы визитировали Грушиныхъ?

Я. Вчерась я у нихъ обѣдалъ. Они говорятъ вамъ свои респекты.

Анд. Пав. Вы эмабильный джительменъ. Я отъ сердца люблю васъ. Многіе есть, которые козируютъ на Французскомъ языкѣ или лянгажѣ, вы ексептируетесь изъ этаго числа, вы конверсируете всегда на патернельномъ: это меритируетъ луанжи отъ всѣхъ. Однако

за симъ какъ это мепризировать патернельнымъ языкомъ, это есть правда, что иные разы не возможно обойтись безъ Французскихъ вокабуловъ. Напр. аннонсировать, манкировать, абюзировать, портировать и прочее сему подобное — а то говорятъ: это интересно, вмѣсто: это занимательно; говорятъ вліяніе, это переводъ Французскаго слова influance. Иные слова взяты съ Нѣмецкаго: напр: кучеръ, отъ чего не говорить возжеправъ и множество. — Я отъ юности демерировалъ въ Парижѣ, однако говорю довольно правильно, не есть ли это?

Я. Андрей Павловичь, вы имѣете резонъ.

»Bonam diem, Сибиряковъ! громко сказалъ Скорѣшенскій, войдя въ комнату. Здоровъ ли ты?... А Андре-Половишь, какъ вы себя носите?«

Анд. Пол. Очень хорошо. Я не здоровъ, какъ только болѣнъ, говоритъ Французская проверба.

Скорѣшенскій. Сибиряковъ! Мнѣ нужно сказать тебѣ что-то.

Анд. Пол. Я вамъ анпеширую, господа; мнѣ есть и время идти. До свиданія, прощайте.

Я. Помилуйте, Анд. Пол., ничего, прошу васъ посидѣть, вы никогда анпешировать не можете.

Анд. Пол. Мнѣ въ клубъ, прощайте!

Оставшись двое, мы начали разговаривать о вчерашнемъ вечерѣ.

Скорѣш. Ты тамъ такъ долго сидѣлъ, что я — смертельно спать хочется — звалъ, звалъ тебя, не могъ дозваться: хорошо, по крайней мѣрѣ отыгрался ли ты? При мнѣ на тебѣ было записано, кажется, до тысячи прехъ сотъ point. Вяловъ тоже проигралъ, но не по твоему: онъ, представь себѣ, — семь сотъ восемьдесятъ рублей!

Я. Да, это не по моему. Я проигралъ пять тысячь!

Скорѣш. Какъ? пять тысячь!

Я. Просто: не то бѣда, что проигралъ, а то, что у меня денегъ нѣтъ. Билетъ не размѣниваютъ, но выдать надобно довѣренность.

Скорѣш. Не уже ли ты говоришь серьёзно?

Я. Помилуй, или я шучу съ тобою? Но чёртъ возьми деньги! я теперь безъ денегъ, живь нечѣмъ...

Скорѣш. У меня у самаго нѣтъ. Было до семи сотъ, я отдалъ Вялову: если хочешь, заложи мои вещи: вотъ часы, трубка.

Я. Благодарю тебя, Валеръ, вѣрный другъ познается на дѣлѣ.

Скорѣш. Amicus fidelis in calamitate dicebantur...

Я. Полно ради Бога врать по Латынѣ.

Скорѣш. А! врать! Вчерась я говорилъ тебѣ: peutes perdere; если бы послушалъ, не думалъ бы нынче.

Я. Дѣло сдѣлано, воротить не льзя, и всѣ слова напрасны. Дурно сдѣлалъ я для себя, твое дѣло помочь, — и того не надо — молчать — болѣе ничего.

Скорѣш. Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Я просто влюбленъ въ Юлію. J'ai des vus sur elle... Ахъ! Сибиряковъ, она мила, прелестна, comme un ange!

Я. Мнѣ вовсе не до тебя, я дурно чувствую.

Скорѣш. А! а! это вѣрно Шарлота?.. Тьфу дьяволъ! денегъ надо, не запускай: хочешь ли я достану хоть не много?

Я. Какимъ образомъ?

Скорѣш. Заложу часы, рублей двѣсти дадутъ на мѣсяцъ.

Я. Мнѣ этаго и довольно. Чрезъ два дни придетъ мнѣ довѣренность, или Леонидъ пріѣдетъ. Но зачѣмъ твои часы? возьми мои, съѣзди въ мѣняльную, отдай за двѣсти — на недѣлю съ процѣнтами по пяти копѣекъ; если не выплатится сумма, ихъ часы. За квартиру у меня отдано, съѣзди Валеръ. Валеръ поѣхалъ. Въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ боль, ломоту и рѣзь. Новая бѣда. Деньги проиграны и... Ахъ! сколько разъ я раскаевался въ посѣщеніи Шарлоты! Какъ проклиналъ день этотъ! Черезъ два часа пріѣхалъ Валеръ и привезъ все, какъ предполагали—двѣсти рублей ассигнаціями.

Теперь, сказалъ я, удружи, съѣзди къ Доктору, ты не можешь представить,

какая рѣзь въ головѣ и ломота въ желудкѣ.

Скорѣш. Что ты врешь? ломота въ желудкѣ!

Я. Да, съѣзди; именно ломота въ желудкѣ.

Скорѣш. Если я вру, то мой ученый всегда говоритъ: fallis te ipsum.

Я. Полно, убирайся съ своею Латынью; съѣзди за Докторомъ.

Скорѣш. А скоро я слетаю за деньгами? Вотъ ужь бѣгутъ... я наизвощикѣ и плачу шесть рублей въ день.

Я. Хорошо, хорошо, только съѣзди за Медикомъ. Я увѣренъ, что если скоро примемся, ломота моя въ недѣлю пройдетъ.

Скорѣш. Сей часъ ѣду.

Онъ не заставилъ себя дожидаться. Чрезъ часъ или мѣнѣе пріѣхалъ онъ, но одинъ.

Я. Что Докторъ?

Скорѣш. Сей часъ пріѣдетъ. Искалъ, искалъ — измучилъ соловаго; ужь и Семенъ жалуется.

Я. Какой Семенъ?

Скорѣш. Извощикъ. А! вотъ и Медикъ!

Тогда вошелъ худощавый мущина съ золотыми очками и цигарою. Это былъ Докторъ. Онъ разспросилъ меня, что я чувствую, давно ли почувствовалъ, наконецъ прописалъ рецептъ, о которомъ опытнымъ напоминать не нужно, а не опытнымъ безполезно. Помнится мнѣ, что въ немъ запрещается соленое и кислое: но зачѣмъ отнимать пищу у Медиковъ?... Велѣно было какъ можно развлекаться или чтеніемъ или разговоромъ, потомъ, поюмѣявшись на мой щетъ и поговоривъ нѣсколько, онъ вмѣстѣ съ Валеромъ отправился, желая мнѣ скораго выздоровленія и обѣщаясь посѣщать каждодневно по два раза.

Оставшись одинъ, я думалъ о послѣдствіяхъ моей неопытности, стараясь отдалить раздраженіе нервъ, вредное для моего положенія. Но какимъ образомъ отогнать мысль и гдѣ найти развлеченіе? Книгъ я не имѣлъ ни одной, кромѣ календаря: ворочалъ календарь, но чтеніе именъ и праздниковъ до чрезвычайности утомительно; я закурилъ трубку и противъ воли сталъ насвистывать какой-то романъ, желая хотя

симъ протянуть нѣсколько свою меланхолію. Жалѣлъ, что никто не посѣщаетъ меня, выдумывалъ средства чѣмъ прогнать скуку, наконецъ вздумалъ: послалъ человѣка къ ученому сотоварищу Скорѣшенскаго, спросить книгъ, — если есть нынѣшнихъ или старыхъ, будучи увѣренъ, что съ книгою занимательною некогда будетъ думать о постороннемъ, съ скучною сонъ предупредитъ всякое помышеніе. Ученый прислалъ мнѣ полновѣсную Исторію — твореніе, надѣлавшее много шуму (*не изъ пустяковъ ли?*) и самое пресловутое.

Но отъ того ли, что начало этой Исторіи безтолковѣе предисловія Курганова письмовника, или отъ моей болѣзни — я не имѣлъ терпѣнія читать оную; и, на зло, какъ только начну, поминутно придетъ мысль о моей болѣзни, — хочу превозмочь себя, продолжаю — но чувствую сильный рѣзъ и ломоту... Я кинулъ читать и заставилъ своего человѣка сказывать мнѣ сказку. Это продолжалось до двѣнадцати часовъ! Мнѣ простонародный слогъ разскащика болѣе нравился чопорной напыщенности самоз-

ванца-историка. Человѣкъ мой уснулъ, а я лишенъ былъ успокоенія. Всю ночь, можно сказать, я пострадалъ. Никогда я не проводилъ мучительнѣе сего времени. Ломота и рѣзъ, кажется, постепенно увеличивались; при семъ физическомъ — разстройство нравственное было въ большей степени. Какъ преступникъ я, кажется, боялся упрековъ совѣсти; боялся представить свое положеніе, не смѣлъ думать о средствахъ къ своему поправленію; все какъ кругъ имѣло одинъ центръ — боль, и какъ шаръ — вертѣлось на оси внутренняго угрызенія. Тогда-то вспомнилъ я слова отца: »Опытность достигается собственною личностію.« — Тогда-то узналъ я: какъ необходимъ отецъ, или добрый наставникъ, или опытный другъ для молодаго человѣка даже въ двадцать два года. — Размышленія мои были прерваны колокольнымъ звономъ къ заутренѣ. Боже! избавь меня отъ нестерпимыхъ мученій! Чрезъ полчаса показался свѣтъ и я отдохнулъ нѣсколько, особенно когда увидѣлъ людей. Какъ была длинна и тяжка ночь! По утру я чув-

ствовалъ себѣ легче, а въ десять часовъ прибылъ ко мнѣ Скорѣшенскій. Я просилъ его пригласить ко мнѣ его сотоварища ученаго, надѣясь съ нимъ разогнать нѣсколько скуку. Скорѣшенскій сказывалъ мнѣ, что обо мнѣ спрашивали у Грушиныхъ. Юлія очень безпокоится и хотѣла пріѣхать ко мнѣ; Князь Вяловъ тоже болѣнъ, однако черезъ день надѣется выѣзжать. Валеръ уѣхалъ, и вмѣсто его, къ моей радости и желанію, посѣтилъ меня Ученый.

Я былъ отъ души радъ его посѣщенію; съ нимъ можно было хотя о чемъ нибудь поговорить, а съ Гг. Вяловымъ и Скорѣшенскимъ вопросныя привѣтствія: гдѣ былъ? куда ѣдешь? и симъ подобныя, составляли наши бесѣды. Ученый былъ веселаго характера, съ хорошими познаніями и добрый собесѣдникъ. Онъ слѣдилъ современную Литтературу и въ этомъ отношеніи далеко превосходилъ насъ — профановъ. Желая показать, что и мнѣ не чуждо нѣкоторое понятіе о настоящемъ просвѣщеніи,

я обратилъ разговоръ нашъ къ извѣстнымъ писателямъ и поэтамъ. Ученый говорилъ много и съ увѣренностію, иное хвалилъ, но болѣе хулилъ, словомъ, вопъ результатъ его сужденій:

ГЛАВА XVI.

Бесѣда съ Ученымъ. Толки о Россійской литтературѣ. Забавные уроки стихосложенія.

Credite posteri. Hor. —

Россійская литтература родилась вмѣстѣ съ Ломоносовымъ; до него, за исключеніемъ весьма немногихъ и между прочимъ Тредьяковскаго, писали по Славянски. Ломоносовъ по всей справедливости заслуживаетъ названіе отца Россійскаго слова. Рожденный въ низкомъ состояніи, онъ доказалъ, что́ значитъ геній, какъ могущественъ полетъ его! Шагнуть изъ рыбачьей хижины въ славную Академію, вступить въ споръ съ великими учеными иностранныхъ земель — можно только генію — Ломоносову. Напрасно утверждаютъ неучи, будто у насъ языкъ Русскій, а не Россійскій; это значитъ сказать, что во Франціи Франкскій. Ибо мы говоримъ не по

Шведски, не по Козарски — а просто по Славянски. Франки преобразовали языкъ Галловъ, а въ нашемъ Славянскомъ весьма малая часть иностранныхъ словъ. Земля Славянская съ пришествіемъ народа Руси стала называться Русь, а съ введеніемъ образованія Русь перемѣнилась въ Россію. Но de lana caprina non est disputandum. Вліяніе Нѣмцевъ на языкъ Россійскій было и долженствовало быть велико. Самый характеръ Ломоносова — какъ характеръ Лебрюна на Французскій — имѣлъ вліяніе на языкъ, имъ произведенный. Воспитанный въ Германіи у знаменитаго Гунтера, начинавшись древнихъ писателей, Ломоносовъ впадаетъ часто въ барбаризмы, но онъ не имѣлъ другаго образца: и такъ мудрено ли, что панегирики его суть сколъки съ Плиніевыхъ, его рѣчи — подражаніе Цицероновымъ?

Я. Какъ вамъ угодно, а мнѣ Ломоносовъ очень не нравится. Рѣчи его съ огромными періодами, утомительны, а оды, эпистолы, кантаты — это сборъ пустыхъ звонкихъ словъ, гдѣ чувства

столько же, сколько у Тредьяковскаго гармоніи.

Ученый. Для молодыхъ людей, кои читаютъ смѣсь только журналовъ и тоненькія поэмки новѣйшихъ поэтовъ, Ломоносовъ и не можетъ быть другимъ. Но возьмите, прочтите сочиненія до Ломоносова, разберите, узнайте какъ былъ великъ кругъ просвѣщенія въ Россіи до его времени — вы удивитесь, вы не повѣрите исполинскимъ успѣхамъ пѣвца Елисаветы.

Я. Согласенъ, что онъ былъ ученъ для своего времени, но что же за Поэзія въ слѣдующихъ стихахъ Тредьяковскаго?

Транъ тараранъ,
Бьютъ въ барабанъ
Петру Петровичу
Умовъ Умовичу. —

Что за конструкція?

Идетъ дѣвка въ лѣсъ,
Схватясь съ парнемъ чрезъ. —

Скажите, что за чувство въ сей идилліи:

Лѣто, лѣто, ты горяче,
Мухами обильно паче,
Но вотЪ тѣмЪ лишь не любовно,
Что вотЪ ты вотЪ не грибовно.

Ученый. Вы шутите? или правду говорите?

Я. Совсѣмъ не шучу. Я еще прибавлю, что Ломоносовъ какъ Драмматикъ ниже Тредьяковскаго.

Ученый. Кто больше всѣхъ знаетъ, тому и книгу въ руки.

Я. Скажу коротко и ясно. Изъ послѣдователей Ломоносова не было ни одного, который бы, какъ и самъ онъ, могъ имѣть, или могъ дѣйствовать на современниковъ: Херасковъ плохъ, Сумароковъ жидокъ, грубъ; Фонъ-Визинъ посредственный комикъ и преплохой прозаикъ; Княжнинъ, какъ и всѣ прочіе, болѣе или мѣнѣе обезъянили иностранныхъ писателей; Державинъ далеко возносится, но скоро падаетъ; Петровъ, Капнистъ, Костровы и до ста подобныхъ — пустозвоны, безъ смысла, безъ

души и безъ всякихъ способностей. Читая ихъ, невольно припоминаешь начало піитики Буало: C'est en vain qu'au Parnasse и проч.

Учен. Доканчивайте, я слушаю. Перещитывайте новое поколѣніе.

Я. Новое поколѣніе начинается съ Жуковскимъ — поэтомъ съ неподложнымъ чувствомъ, съ душею воспитанною подъ безоблачнымъ небомъ Италіи; ниже его: Батюшковъ и Богдановичь — тоже изрядные поэты; но le prince des poëtes—это Пушкинъ или триумвиратъ: Пушкинъ, Баратынскій и Дельвигъ — это романтики, какъ говорятъ, отчаянные, — идолы, на коихъ...

Учен. А что́ же вы забыли Карамзина? или онъ не обратилъ вниманія современниковъ?

Я. Да, Карамзинъ прекрасно написалъ Лизу; а впрочемъ его Исторія уже относится къ XVIII вѣку, для насъ явилась новая, писанная со всемъ жаромъ историческаго чувства, съ самой высоты философическаго синфеза...

Учен. Благодарю васъ за новыя идеи, которыми обогатили меня; впрочемъ

шутите ли вы или нѣтъ, а Жуковскій — именно отецъ новаго поколѣнія. Прекрасный поэтъ, съ творческою силою пламеннаго воображенія, съ душею чистою, ясною какъ небо востока, съ чувствами истинными, съ поэтическимъ дарованіемъ, ученостію; онъ первый коснулся народности, первый познакомилъ насъ съ Прекраснымъ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи, и первый съ Карамзинымъ имѣлъ обширнѣйшее вліяніе на своихъ современниковъ. Но Жуковскій имѣетъ погрѣшности противъ языка, и Горацій Екатерины не безъ оныхъ; но первый, заимствуя образъ выраженія въ чужѣ, гораздо вреднѣе для молодыхъ подражателей, нежели пѣвецъ Фелицы. А что касается до классицизма, то въ этомъ случаѣ barbarus sum...

Я. Ахъ, кстати объясните мнѣ, что́ такое классицизмъ и романтизмъ; я читалъ объ этомъ у Сталь, но она говоритъ очень кратко.

Учен. Классиками называются у насъ въ Россіи тѣ, кои, ухватясь за Аристотеля, не двигаются даже до Батюшё, —

люди пожилые, съ старинными предразсудками, въ парикахъ XVII вѣка, или молодые люди, съ Цицерономъ и Горацiемъ въ рукахъ, проповѣдуютъ: нѣтъ другихъ авторовъ, ниже Цицеронъ и Горацiй. Это классики. — Романтики Русскiе.... Прежде объясню происхожденiе сего слова. Россiйскiй романтизмъ получилъ названiе свое отъ романеи, горячаго, воспламенительнаго напитка, среднихъ вѣковъ: это народъ хмѣльной, безъ знанiй, безъ вкуса, безъ ума, — народъ, который будучи не въ силахъ читать древнихъ классическихъ писателей, ругаетъ все, кромѣ современнаго, въ которомъ, по ихъ словамъ, отразился духъ времени и удовлетворено требованiе вѣка.

Я. Но шутки въ сторону, позвольте васъ спросить о слѣдующемъ: литература есть отголосокъ или эхо общества. Поэтъ, какъ прекрасно сказалъ одинъ мыслитель, есть пульсъ человѣчества: слѣдовательно осуждать нашу литтературу — значитъ идти позади своего вѣка, значитъ осуждать общество.

Учен. Совсѣмъ не то, выслушайте. Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ родился въ Германіи и потомъ во Франціи и Англіи.

Русскіе журналы, какъ переводъ иностранныхъ, протрубили въ своей землѣ чужестранное извѣстіе. Споръ о романтизмѣ родился отъ излишества, отъ пресыщенія, такъ сказать, литературнаго. Все сдѣлано, все пересужено, пришла пора въ бирюльки играть: вотъ Сталь со Шлегелемъ выступили на сцену; за ними цѣлыя орды, пошла драка, а Русскіе съ такимъ же равнодушіемъ, какъ перенимаютъ Парижскія моды, подумали: сѣмъ и мы вступимъ въ бой, у насъ свой Байронъ, свой Ламартинъ, Муръ, Гюго — словомъ: журналистамъ нашимъ (*нѣкоторымъ*) побредилось, что Россія точно тоже, что и прочія державы, — вздумали и гаркнули: «мы-де романтики, представители человѣчества, мы имѣемъ Исторіи съ философическихъ синѳезовъ, мы-де не пишемъ полновѣсныхъ поэмъ, каковы Одиссея, освобожденный Іерусалимъ, потерянный рай, Генріады, Луизіады и проч. . . Насту-

пило другое время, — время романтизма: прочь классики! твердите свое: eloquentia est ars bene dicendi. . .» твердятъ не смотря на то, что глава ихъ партіи, творецъ Гернани, говоритъ, что поэзіи болѣе всего нужны Гомеръ и Шекспиръ. — Я согласенъ, что нынѣшнее направленіе иностранной литтературы весьма отлично отъ прежняго: причина сему — политическіе перевороты. Но почему это направленіе названо романтизмомъ? 1812 годъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ нашего просвѣщенія и Геренъ не безъ основанія говоритъ, что знаменитое торжество надъ Наполеономъ дало новую енергію народной гордости — и 12 годъ слишкомъ замѣчателенъ въ лѣтописяхъ нашей литтературы. Но всякому гражданину свойственно желать добра своему отечеству: почему и должно бы было не сѣять плевелы на литтературной почвѣ, ибо извѣстно, что основаніемъ иностраннаго просвѣщенія была древность. Пусть Русскіе, оставя безполезные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, возмутся за древность, (въ этомъ слу-

часъ со всемъ моимъ уваженіемъ я упомяну о Баронѣ Дельвигѣ, котораго сочиненія переживутъ славу и друзей и и враговъ его;) пусть Русскіе объяснятъ намъ миѳологію древнихъ, которую, кажется, уже пора разсматривать не какъ вымыслы пламеннаго воображенія, но какъ олицетворенную высшую философію. Нынѣ не смотрятъ на Сатурна, пожирающаго собственныхъ дѣтей своихъ, какъ на жестокаго отца, но какъ на время, — силу дѣйствующую, производящую, уничтожающую собственное свое твореніе. Пусть объяснятъ намъ, что́ значитъ сопутствіе Меркурія свитѣ Венеры, кто дочь Юпитера и необходимости: тогда авось Превращенія Овидіевы будутъ имѣть въ глазахъ ученаго большую цѣну, тогда мы увидимъ, какъ далеко еще мы — дѣти XIX столѣтія отстоимъ отъ древнихъ. Если же смотрѣть на миѳологію древнихъ, какъ на чувственный апоѳеосъ существъ воображаемыхъ, коимъ приписывается покровительство извѣстной какой-либо вещи, то мы видимъ боробанъ Самоѣдовъ, исписан-

ный различными фигурами, но и на немъ мы не хотимъ не видѣть духовнаго смысла: въ боробанѣ Самоѣда видимъ связь, видимъ толкъ, не грубый вымыселъ болвана для поклоненія безсмысленныхъ животныхъ, а въ миѳологіи древнихъ, обширнѣйшей, совершеннѣйшей, понимаемъ одну игру языческаго игриваго воображенія! — Пусть, говорю, обработаютъ это, чему начатки видимъ въ Германіи, тогда и Славянская миѳологія будетъ для насъ яснѣе. Смѣло сказать: читая прекрасный переводъ Иліады Гнедича, дремлешь отъ скуки; читая превосходныя оды Лебрюна, сердишься на Лирика за то, что такъ много вмѣшиваетъ миѳологіи. — Отъ чего это?... Классики Русскіе кинули бы ars poëtica Горація, гдѣ много остраго, но нѣтъ системы, — это сборъ эпиграфовъ, а не классическихъ правилъ; кинули бы l'art poëtique Буало, который ничего не смыслитъ въ поэзіи и натянулъ свою піитику, хотя вольными стихами, но принужденно и вяло. Поэтъ говоритъ: я получилъ ab Joue principium; А Аристотель, Горацій, и Буало осмѣли-

ваются сыну неба предлагать свои правила! — Правилъ въ собственномъ смыслѣ для Поэта не существуетъ; онъ имѣетъ образцы, и сіи образцы — древніе; я говорю это о поэзіи, почти тоже можно сказать и о прозѣ Цезарей, Ливіевъ и Таситовъ. Ихъ мы не видимъ. Цицероны были и въ большомъ количествѣ!

Древность непремѣнно должна быть основою всякой литтературы; древность есть фундаментъ твердый, незыблемый, на которомъ уже возвышаются нѣсколько зданій; но фундаменда порожняго еще осталось много, строить можно сколько угодно, закладывать зданія безъ основанія не возможно: это доказываютъ вамъ всѣ новѣйшія литтературы.

Мы могли взять Парижъ, орелъ нашъ вознесся надъ Константинополемъ и Ериваномъ.... Но въ мірѣ нравственномъ таковые скачки не виданы. Науки могутъ быть пересажены, но литтература, въ тѣсномъ смыслѣ, идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Я. Послѣ вашего монолога позвольте

мнѣ сдѣлать маленькое возраженіе: отъ чего кругъ читающей публики такъ много увеличился въ сравненіи временъ вашихъ образцовыхъ писателей?

Учен. Увеличеніе читающей публики есть естественное слѣдствіе распространяющагося образованія, а ничуть не дѣло новѣйшихъ сочинителей.

Я. Отъ чего книги новыхъ поэтовъ въ два года выходятъ по семи изданій, а Ломоносова сочиненія бесѣдуютъ съ пылью въ школахъ?

Учен. Отъ того, что сочиненія новѣйшихъ поэтовъ пишутся для толпы, а Державины...

Я. Да, ваша правда; кто-то объявилъ подписку на сочиненія Державина, — нашлось человѣка два, три, не болѣе.

Учен. Полноте, полноте: Державинъ и новѣйшіе поэты — это булатъ и мужикъ — Крылова.

Я. Согласитесь же, что нынѣшніе поэты берутъ преимущественно изяществомъ слога: возмите стихи Пушкина — это музыка; а Падолинскій довелъ легкость до nec plus ultra.

Учен. Я этаго и ждалъ. Что́ значитъ легкость стиховъ, когда тяжело открыть смыслъ? Угодно ли вамъ, чтобы я показалъ до какой степени доведена упроченность риѳмоплетенія.

Я. Что вамъ угодно?

Учен. Пожалуйте бумаги и перо, я сей часъ напишу вамъ, о чемъ вамъ угодно.

Я. Помилуйте, что вы? Это не чулокъ вязать. . . .

Учен. Проще, нежели лапоть плесть. Отъ этаго у насъ поэмы, какъ блины пекутъ. Но прошу помнить, что я не обѣщаю вамъ стиховъ Державина, или еще болѣе — Жуковскаго, *я* напи́шу вамъ такіе, о коихъ упоминаетъ Горацій:

Aut insanit homo, aut versum facit. Lib. II. Satira VII.

Напишите сперва какой нибудь стихъ, хотя чужой или свой; выдумайте, — къ нему подбирайте прочіе.

Я. То-то и есть, что выдумывать-то трудно.

Учен. Помилуйте! Ну возмемъ на примѣръ:

Грустно мнѣ. Отрадныхъ дней —

Теперь второй стихъ, какого бы ни былъ смысла, лишь бы имѣлъ связь съ первымъ: первый кончится «отрадныхъ дней» — продолжайте:

Съ давнихъ поръ ужь я не вижу.

Теперь пріискивайте риѳму къ слову: «дней.» — Замѣтьте что съ словами кончащимися на *ней* риѳмуютъ сравнительныя степени и родительный падежъ мн. чис. именъ, кончащихся на ѣ. И такъ «днейѣ» риѳмуетъ: дружнѣй, грустнѣй и проч. Пріискивайте строку, — положимъ:

По во сто разъ того грустнѣй —

Видите ли и соотвѣтственность есть съ первою строчкою.

Теперь ищите риѳму къ слову «не вижу.» Не трудитесь слишкомъ, пусть будетъ: «вижу» и такимъ образомъ пишите:

Когда даль свою я вижу.

Вообще риѳмы подбирать легко. Одно *я* имѣетъ мало созвучныхъ словъ: но ставьте дѣепричастія — и въ шляпѣ дѣло.

Начните слѣдующій куплетъ:

Все темно для насъ, что будетъ,

И другая строка:

Яснѣй дня то, что прошло;

Вообще всего легче пріискивать риѳмы къ глаголамъ, отъ этаго новые поэты такъ любятъ ставить глаголъ на концѣ. Риѳма къ «будетъ» — убудетъ, наступитъ и проч. Въ первомъ стихѣ мы говорили о будущемъ, во второмъ о прошедшемъ, въ третьемъ должно о будущемъ, и такъ пишите:

То намъ страшно, что наступитъ.

Я. Да въ первомъ говорено о будущемъ, для чего же теперь о томъ же?

Учен. Для того, что такъ приходится, а теперь о настоящемъ:

То не страшно, что пришло.

Теперь заключайте свое стихотвореніе, на примѣръ:

Все бѣжитъ своей чредой.

Второй — на примѣръ:

Время все ломаетъ.

Пріискивайте риѳму къ слову »чредой« — постой, стой, мой, твой и проч. Пишите:

Любовь къ жизни молвитъ: »стой!«

Пріискивайте риѳму къ слову »ломаетъ« — пѣняетъ, вздыхаетъ, и проч. И такъ пишите:

Но рокъ не внимаетъ. —

Это конецъ. Прочтите, что вы написали:

Грустно мнѣ. Отрадныхъ дней
Съ давнихъ поръ ужь я не вижу;
Но во сто разъ того грустнѣй,
Когда даль свою я вижу.

Все темно для насъ, что будетъ,
Яснѣй дня то, что прошло;
То намъ страшно, что наступитъ,
То не страшно, что пришло.

Все бѣжитъ своей чредой.
Время все ломаетъ.
Любовь къ жизни молвитъ: »стой!«
Но рокъ не внимаетъ.

Я. Помилуйте, здѣсь одинъ мужескій, а три женскихъ; одинъ въ пять, а другой въ шесть стопъ; ямбы, хореи....

Учен. Романтики не признаютъ родовъ; мѣра въ романтизмѣ произвольна, смыслъ тоже; вы можете назвать это стихотвореніе: время, стансы или иначе, какъ вамъ угодно. Для меня это такъ легко, что я берусь написать цѣлый листъ вольными стихами безъ помарокъ и въ продолженіи получаса. — Между тѣмъ я засидѣлся, двѣнадцатый часъ — прощайте! —

Прощайте! говорилъ я; ради Бога приходите ко мнѣ, ваша бесѣда очень для меня....

Учен. Мы классики, я думаю, вамъ не такъ-то нравимся: прощайте, прощайте.

ГЛАВА XVII.

Радостное извѣстіе. Любомудріе Леонида.

Много горя перенесъ я съ болѣзнію, но кто безъ сего? Вся недѣля прошла, а я не выходилъ изъ комнаты. Скорѣшенскій и его сотоварищъ посѣщали меня—и прогоняли, хотя нѣсколько, несносную тоску и муку. Наконецъ я совершенно выздоровѣлъ, но долженъ былъ принять нѣкоторыя предосторожности. Въ понедѣльникъ я непременно хотѣлъ явиться къ должности, какъ въ десять часовъ явился несравненный мой Леонидъ Гавриловичь Травиловъ. »Что ты такъ блѣденъ, Александръ? сказалъ онъ; не уже ли Московскій климатъ вреденъ твоему здоровью?«

Не здоровью, Леонидъ, а карману.

»Что такое? Ты проигрался?«

Болѣе.

»Объяснись, я не понимаю. . . .«

Промотался, купилъ болѣзнь и мученье! Денегъ нѣтъ, тебя нѣтъ....

«Деньги есть. Шкатулка твоя найдена и въ ней двѣ тысячи безъ двухъ сотъ совершенно цѣлы. Благодари меня, я все обработалъ.»

Какимъ образомъ?

«Ты вѣчно доискиваешься причинъ! Твое цѣло: теперь печатай въ газетахъ, что все отыскано.»

Извини меня, много благодаренъ. Я радъ, что вижу тебя въ лучшемъ состояніи; прежде ты былъ очень что-то....

«Александръ! Я пришелъ говорить къ тебѣ не о прежнемъ; брось твои замѣчанія, ты предурной физіогномикъ! Скажи лучше: каково время провелъ?»

Я разсказалъ ему обо всемъ, что случилось во время его отсутствія, не позабылъ упомянуть и о Турчанкиномъ Грекѣ.

Этотъ Грекъ для меня загадка. Его благодѣянія даже для меня досадны. Что за таинственность! что за скрытность! — Или онъ хочетъ со мною съиграть повѣсть Гофмана? Я могу

быть благороднымъ: но зачѣмъ же оставлять въ невѣденіи. Я почитаю его, цѣню и уважаю все, что онъ дѣлаетъ для меня, но не могу понять зачѣмъ онъ скрывается?

»Что тебѣ за дѣло? Люби этихъ невидимыхъ благодѣтелей: Христіанскія души!«

Я узнаю его, и узнаю очень скоро. Чрезъ три недѣли увижусь съ Анетою, спрошу ее о балѣ Живалова и задача кончена; если она была тамъ, то вѣрно знаетъ.

»Какъ ты скоро рѣшаешь! Если же Анета и знаетъ, но въ заговорѣ съ Грекомъ, что́ ты узнаешь?«

Тогда я и узнавать не буду. Другъ Анеты — мой другъ, воля Анеты — законъ мой.

»Что́ мы растолковались о Грекѣ: скажи-ка лучше, каково ты себя чувствуешь?«

Ахъ! Леонидъ, очень дурно. Третій день, какъ открылась болѣзнь моя; первый день — это адъ мученій: скука, тоска, грусть, уныніе.... тогда я жалѣлъ о твоемъ отсутствіи, тогда я

вспомнилъ со слезами искренности о твоей дружбѣ, которая хотя только въ половину или менѣе моей отвѣтствуетъ. Другъ на землѣ дороже всего.

»Философствуй, философствуй.... я слушаю.«

Нѣтъ, Леонидъ, я не шучу, я говорю, что чувствую. Не смотря на твою скрытность, на твой мрачный, угрюмый характеръ, не смотря на твою гордость высокомѣрную, ты не сердишься на меня? Я говорю другу, я переливаю все чувство невольно.... ты не сердишься?

»Молчу.«

Я люблю, тебя, Леонидъ и это для меня задача.

»Не люби меня, презирай. Но я уже не могу перемѣнить своего влеченія. Ты отвѣтствуешь скрытностію на мою искренность? Это для меня все равно. Я смотрю на сіе какъ на обыкновенное дѣло: ибо чувствую, что и твое вниманіе есть уже награда моей откровенности.«

Ты смѣешься иногда надъ тѣмъ, что мнѣ стóитъ большихъ попеченій и усилій, это для меня нимало не обидно, и

даже не странно; другому я бы не простилъ сего; но ты не то, не то, что я.... Леонидъ! Ты выше насъ. Одного прошу у тебя...

»Александръ! Александръ! Какъ ты новъ въ мірѣ! не уже ли свѣтъ не сдѣлалъ тебя опытнѣе? Трудна будетъ жизнь твоя! А о чемъ ты просишь?...«

Объ одномъ: Александръ требуетъ отъ тебя дружбы, если только любовь и почтеніе имѣютъ на оную право.

»Дружбы?«

Дружбы, откровенности и взаимной довѣренности. Ты обидишь меня, если отвергнешь просьбу мою; дружба умножаетъ счастіе наше и уменьшаетъ страданія человѣка: ибо раздѣляетъ съ нами несчастіе, а въ счастіи удвояетъ радость нашу.

»О чемъ ты говоришь? я не понимаю.«

Я требую твоей дружбы: дружбы — отрады сердца...

»Ахъ, другъ мой, другъ мой! и ты вѣришь дружбѣ, и ты вѣришь міру! Не уже ли ты думаешь, что свѣтъ таковъ, какимъ представляетъ намъ его

Исторія? Выкинь изъ головы эту мысль; Оресты и Пиллады хороши въ Миѳологіи. Лукреціи и Бруты идутъ только въ трагедіи. Все живетъ для себя, все живетъ для корысти; чѣмъ скрытнѣе признаки эла, тѣмъ оно жесточѣ. Не вѣрь міру, все ложь; правда на землѣ никогда не существовала. Совершенство мы видимъ нынѣ только въ сказкахъ. Александръ! Дружба нынѣшняго свѣта смѣшна. Мудрствованіе нынѣшнихъ философовъ — вздоръ. Есть одно мѣсто, гдѣ свѣтильникъ истинный, яркій, благодатный — свѣтильникъ правды, дружбы, любви и любомудрія проливаетъ свѣтъ свой на нѣсколькихъ избранныхъ. Тамъ-то свѣтъ, а вашъ свѣтъ — тьма. Не удивляйся словамъ моимъ, я имѣю право ненавидѣть міръ, я извергъ. Предъ тобою одушевленное проклятіе: смотри на него; я, какъ человѣкъ, — міръ въ маломъ размѣрѣ. Полвѣка прожилъ я и мысль о мірѣ возрасла, утвердилась и созрѣла въ умѣ моемъ. Ты молодъ, Александръ, ты неопытенъ; узнай — и ты, клянусь тебѣ, возненавидишь міръ. Это смѣсь

лжи съ коварствомъ, обмана съ козна-ми, зла съ ухищреніями. . . Александръ, не люби міръ!»

Леонидъ! Не ссорь меня съ міромъ. Жизнь моя только начинается, цвѣтущая даль льститъ моему ожиданію, грѣхъ тебѣ будетъ, если ты употребишь во зло мое легковѣріе. Леонидъ! ты ужасенъ: но гдѣ свѣтильникъ истины? открой мнѣ его, да прольетъ онъ отрадный свѣтъ свой и на непосвященнаго.

»Ты многаго требуешь! Узнай себя, въ состояніи ли ты разлюбить жалкій міръ, чтобы искать свѣта внѣ его, внѣ тьмы, погребсти себя для тѣлеснаго и жить единственно духовно-служителемъ истины.»

Твои слова мнѣ непонятны.

»Смотри: это кольцо есть знакъ самоотверженія, знакъ друга правды и брата посвященныхъ въ таинства истиннаго любомудрія.»

Ради Бога открой мнѣ все, я радъ слѣдовать тебѣ.

»Слово твое да будетъ порукою въ твоемъ обѣщаніи. Я не требую клятвы,

это вымышлено для душъ низкихъ: ты согласишься со мною, что единственная отрада на землѣ — дружба: но она оставила міръ. Здѣсь злоба и коварство замѣстили ее. Это кольцо... Но увѣренъ ли ты въ себѣ?»

Очень увѣренъ, доканчивай.

«Это кольцо есть знакъ общества братій, къ которымъ я принадлежать честь имѣю; общества, другъ мой, благочестивыхъ мужей, благоразумныхъ, съ чистѣйшею цѣлію и строжайшимъ исполненіемъ. Это общество — духовные рыцари.»

Ты говоришь, Леонидъ, что кольцо сіе есть знакъ общества, къ которому принадлежишь ты, — сокровенный знакъ общества: слѣдовательно и общество должно быть тайнымъ? или я тебя не понимаю.

«Да! это общество тайно для тѣхъ, кои не въ состояніи исполнить обязанности брата-члена. Я знаю тебя, Александръ; я люблю тебя, будь нашимъ братомъ. Я отъ тебя требую этаго, какъ другъ, какъ истинный!»

Леонидъ! Если общество ваше тайно, не старайся заманить меня въ эти сѣти. Но какая цѣль вашего общества и почему оно тайно?

«Цѣль нашего общества таже, что и цѣль истиннаго христіанства; главное упражненіе наше: послѣдованіе Іисусу Христу, исполненіе заповѣдей Евангелія, умерщвленіе чувствъ и обрѣтеніе удовольствія въ волѣ Отца небеснаго — вотъ средства къ достиженію великой нашей цѣли!»

Цѣль ваша благородна, Леонидъ, но скажи же, почему это общество тайно, и что́ за обязанность вашего члена?

«Оно тайно для непосвященныхъ; должность членовъ состоитъ въ разрушеніи вѣтхаго и въ созданіи новаго творительною силою. Онъ долженъ любить Бога и познавать волю его. Онъ долженъ любить ближняго, прилѣжно испытывать все его окружающее, тщиться проникать всегда во внутреннѣйшее, убѣгать суетности, любить молчаніе, чаще обращаясь внутрь себя, и стараться познавать корень и различныя семена пороковъ, предпринимать

всѣ возможныя мѣры къ разрушенію царства тьмы, изъ плѣна коего ищущему свѣта должно освобождаться. — Онъ долженъ повиноваться властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти, — обязанность члена быть истиннымъ Христіаниномъ, какъ предписываетъ священное писаніе.»

Леонидъ! Должность члена тяжка; но выслушай меня: привыкнувъ съ малыхъ лѣтъ безусловно повиноваться власти, поставленной, какъ я вѣрую, отъ Бога, — привыкнувъ, повторяю, при началѣ всякаго дѣла спрашивать самаго себя: будетъ ли это полезно и мнѣ и всему человѣчеству, я, почитая распоряженія благодѣтельнаго нашего правительства путемъ къ благоденствію, и пріученный исполнять велѣнія власти, какъ непреложное, необходимое — я тебя спрашиваю: если цѣль вашего общества можетъ принести пользу человѣческому роду, если она согласна съ видами правительства, то почему оно тайно? Почему не преподаете вы правила, чтобъ всякъ могъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣсущаго?

»Ты узнаешь все лучше, согласенъ ли быть членомъ?»

Твое предложеніе я не почитаю коварствомъ, но какая вамъ прибыль въ такомъ братѣ, который душевно вамъ не будетъ... Я не знаю, какая связь вашего братства?

»Духъ единой любви, который совокупляетъ насъ какъ бы въ единое тѣло, существенно въ насъ живетъ, водитъ, одушевляетъ, упѣшаетъ и подкрѣпляетъ насъ; наружная связь — подъ условіями подпись руки.»

Подпись руки? Леонидъ! Ваше общество противно моему образу мыслей. Подпись руки!... принадлежать къ обществу тайному!... принять условія!...

»Ты все понимаешь въ превратномъ смыслѣ. Посмотри условія. (Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее мнѣ, я развернулъ и началъ читать.)

Излишняя поспѣшность почти всегда вредна, замѣтилъ я изъ многихъ опытовъ. Какъ рѣшиться вступить въ об-

щество, цѣль котораго темна и почти была мнѣ непонятна, — общество тайное? . . .

Я подписалъ единственно изъ убѣжденій Леонида и потому, что всѣ пункты были согласны съ моими чувствами. Вскорѣ послѣ сего какой-то стыдъ овладѣлъ мною, я укорялъ себя въ малодушіи, упрекалъ за легковѣріе и излишнюю довѣренность; но слова Леонида представляли мнѣ все въ прекрасномъ видѣ, и я на время успокоился. Онъ много говорилъ мнѣ о правилахъ его общества, и о томъ, что я долженъ выдержать трехъ-дневный искусъ, о чести и славѣ подвизаться на поприщѣ премудрости божественныя Истины; смиреніе, кротость, которыя проповѣдалъ онъ мнѣ, сдѣлали наконецъ меня нѣсколько приверженнымъ къ брацкому обществу.

Леонидъ казался необыкновенно живъ; кажется, душа его была въ необыкновенной дѣятельности, но томные доселѣ глаза его сверкали во всѣ стороны, какъ раскаленные уголья. Я былъ задумчивъ, въ первой разъ сурьёзная мысль

очень занимала меня. Какъ душно здѣсь, открой окно, сказалъ я, и въ растворенную раму проникъ визгливый напѣвъ разнощика — мальчика:

. . . Съ имбиремъ, съ имбиремъ!
Варилъ дядя Симеонъ, Симеонъ,
А и тетушка Арина
Ихъ и кушала, хвалила.
Ай, ей, съ имбиремъ, съ имбиремъ!

Другой мальчикъ. »Эй, съ имбиремъ! постой! Что стоитъ десятокъ?» — Двадцать копѣекъ. »Возьми грошъ.» Ахъ ты голь Египетская! только и есть видно, что грошъ. »Какъ же! Это у меня осталось: хозяинъ послалъ шелку купить, у меня грошъ остался, а что пятокъ стоитъ?» — Десять копѣекъ. »Возьми грошъ.» — Съ ума сойдешь, коль грошъ возмешь.

Леонидъ. Вотъ тебѣ міръ! Это между мальчиками низшаго класса, тоже увидишь и въ высшемъ.

Кончи Леонидъ, я и такъ разстроился отъ твоихъ разговоровъ: теперь бы прогуляться.

Леонидъ. Кстати, пойдемъ въ библіотеку: мнѣ нужно вамъ справиться; тебѣ можно выѣзжать?

Лѣкарь позволилъ.

Леонидъ. И такъ поѣдемъ.

Не успѣли мы сѣсть въ крытые дрожки, какъ вошелъ почтальонъ къ намъ на дворъ. Я предчувствовалъ, что пришло письмо опять маминьки: »*Страховое письмо Е. В. Б. М. Г. Алек. Иван. Сибирякову.*« — Маминька прислала довѣренность. Старикъ отецъ мой былъ исправенъ: онъ положилъ деньги не на неизвѣстнаго, а просто опять Ив. Иван. Сибирякова. Онъ не шалилъ капиталомъ, сынъ слѣдуетъ его примѣру. — Библіотека для чтенія — дурная лавка, съ съ плохими шкафами, старыхъ изорванныхъ книгъ, и двумя диванами, покрытыми темненькимъ ситцемъ. Посѣтителей было человѣкъ пять, иные занимались чтеніемъ, другіе разговорами. Леонидъ спросилъ какую-то газету, далъ номеръ мнѣ, мы сѣли, я смотрѣлъ въ печатный листъ, слушая жаркій разговоръ трехъ читателей, которыхъ

начала мы не застали, а что слышалъ, то и предлагаю.

Первой. Помилуйте, что вы говорите: если-бъ вы стали писать Карѳагенскую Исторію, то не описывали бы жизнь Финикіянъ, основателей колоніи? Хорошо это тамъ, гдѣ вѣрно (?) извѣстно, а у насъ необходимо. Докажете ли вы, что Русь не происходитъ отъ Козаръ? Вы скажете, что Норманны описаны иностранными писателями. Вы ихъ имѣете, а я нѣтъ, слѣдоват. описать...

Второй. Помилуйте, государь мой, — какъ доказательство — описаніе образа жизни Норманновъ должно имѣть мѣсто въ историческихъ изысканіяхъ, диссертаціяхъ, но никакъ не въ Исторіи, гдѣ имѣютъ мѣсто одни разультаты сихъ изысканій.

Первой. Вотъ это такъ. Но если и этимъ, и *первымъ* прошибся нашъ Ѳукидидъ, то и тогда его твореніе положитъ печать свою на вѣки, какъ синфезъ, какъ Исторія — Философія — Неологистика — Гастрономика.

Второй. Да, ваша правда.

Третій. Ужь именно, отъ мифическаго...

Второй. А вы лучше разсмотрите это дѣтское воззрѣніе: онъ величаетъ лице мифическимъ и описываетъ его подвиги; кажется, Историкъ-Философъ долженъ различать Исторію отъ миѳологіи. Великій предшественникъ его... Но что говорить, когда онъ самъ признается: «Мы ошибемся, если будемъ сравнивать первыя дѣйствія ума человѣческаго съ полнымъ его развитіемъ.»

Второй. Позвольте, вы слишкомъ строги: отъ мифическаго до историческаго, отъ ложнаго до истиннаго: первые вѣки, картина извѣстнаго міра, система феодализма, предвѣденіе будущаго, разгадки, загадки, шарады, логогрифы — все, чего вамъ угодно.

«Ваксы, помады, щетки, гребенки, булавки — не угодно ли, почтенные господики?» — говорилъ, отворивши дверь, косматый Еврей... Всѣ захохотали, даже угрюмый Леонидъ и тотъ улыбнулся.

Третій. Именно только нѣтъ ваксы и щетокъ, а то всего довольно. Дай Богъ всякому! друзья его, написавъ повѣсти двѣ изъ чужой Исторіи, хвалятъ философическое твореніе, и (какая наглость!) говорятъ сами о себѣ, что они по своимъ замѣчаніямъ достойны довѣренности публики! ... Рженая каша сама себя хвалитъ. Или, какъ говорятъ Нѣмцы, самохвальство воняетъ; я смѣю спросить васъ, чѣмъ наполнены вышедшіе томы?

»Имбиремъ, имбиремъ, киселемъ, киселемъ« — раздавалось въ ушахъ моихъ, когда наши дрожки катились къ театру. Леонидъ отправился домой, а я для собственнаго своего развлеченія остался видѣть представленіе. Актеры играли превосходно. Я безпрестанно участвовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, увлекался одною страстію и забывалъ, что былъ въ театрѣ. Эти минуты были лучшія изъ моей жизни. Пріѣхавъ домой, я Леонида засталъ за книгою. Какая это у тебя книга спросилъ я?

»Псалмы Давида.«

Какъ! ты вздумалъ перечитывать псалтырь! — кажется, это странно; почему же не Дидро, почему не Байрона?

»Все имѣетъ свое время.«

Что! сдался! Врагъ міра...

»Я не врагъ міра, я другъ и служитель истины, я врагъ порока«

Слѣдовательно ты врагъ самому себѣ. Какъ человѣкъ,—ты подверженъ пороку, какъ порочный — врагъ самому себѣ.

»Кончи! не мѣшай мнѣ.«

Я закурилъ трубку, перечиталъ письмо, присланное отъ маминьки, а Леонидъ сидѣлъ за книгою, кажется, очень углубившись въ чтеніе.

»Ежели нечестивый не обращается, »то онъ изощряетъ свой мечь, напря»гаетъ лукъ свой и направляетъ его; »кладетъ на него орудія смерти, стрѣлы »свои содѣлываетъ палящими.

»Се нечестивый зачалъ неправду, »былъ чревать злодѣйствомъ, и родилъ »себѣ обманъ.

»Рылъ ровъ, ископалъ его, и упалъ въ »яму, которую приготовилъ.

»Злоба его обратилась на его главу, »и злодѣйство его пало на его темя.« —

Читалъ Леонидъ съ какою-то торжественностію и благоговѣніемъ. «Рылъ ровъ — повторилъ онъ возвышеннымъ голосомъ, и ископалъ его, и упалъ въ яму, которую приготовилъ.» — Завтра предстоитъ тебѣ, продолжалъ онъ, вставъ съ своего мѣста и обращаясь ко мнѣ, завтра — великое дѣло: исполни оное, того требуетъ другъ твой, — если только я могу требовать. Онъ пожалъ мнѣ руку и удалился.

Въ удивленіи смотрѣлъ я на торжественную важность Леонида; страшныя слова: «рылъ ровъ и проч.» вертѣлись въ головѣ моей. Весь остатокъ вечера я провелъ въ размышленіи. Не могъ понять, не могъ проникнуть въ тайну Леонида, но слово дано, подпись сдѣлана и да будетъ мнѣ стыдно, если я измѣню своему слову!

ГЛАВА XVIII.

Карточный долгъ. Обѣщаніе Скорѣшенскому. Посѣщеніе Вяловыхъ. Масонское общество. Испытаніе и обряды. Сибиряковъ посвящается въ число собратовъ. Грустныя думы. Неожиданное открытіе.

«Человѣкъ дожидается, сударь, отъ Графа,» говорилъ мнѣ мой камердинеръ, когда я проснулся. Графъ Агудаевъ весьма учтиво въ маленькой записочкѣ требуетъ деньги. Это побудило меня размѣнять билетъ, на который довѣренность я получилъ вчерась. И такъ поѣхалъ я въ Воспитат. Домъ, гдѣ послѣ многихъ хлопотъ получилъ двѣнадцать съ половиною тысячъ, а на остальныя подъ именемъ неизвѣстнаго взялъ билетъ. Мнѣ хотѣлось показать Графу, что Сибиряковъ не нуждается въ деньгахъ, что не смотря на способъ, какимъ образомъ онъ выигралъ извѣстную сумму, я слишкомъ цѣню подпись руки своей

и строго исполняю платежъ карточ-ныхъ долговъ, — лучшая репутація молодаго человѣка! — Возвращаясь изъ Воспитательнаго Дома я встрѣтилъ Скорѣшенскаго, который во весь опоръ скакалъ по Петровской площади. «Стой, стой! куда ты Сибиряковъ? Нынче надобно быть у Вялова, я уже съ мѣсяцъ не видалъ ни его, ни Грушиныхъ. Et bien, ta soeure est malade mais... Ѣдемъ къ Педотти, j'ai quelque chose dire à toi.» И мы отправились на Кузнецкій мостъ. «Дай мнѣ обѣщаніе, сказалъ Скорѣшенскій, когда мы вошли въ кондитерскую, быть сего дня вечеромъ здѣсь часу въ девятомъ или десятомъ.» — Постараюсь, отвѣчалъ я. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ обѣщаться навѣрное, по дѣлу Леонида, которое не сходило съ ума, — не знаю, но постараюсь быть. Скажи, что ты затѣваешь? «Узнаешь послѣ, отвѣчалъ Валеръ; но будь непремѣнно, ибо ты необходимъ. Nec plus ultra!» Симъ кончились наши переговоры. Валеръ взялъ десять фунтовъ лучшихъ конфектовъ; я отправился къ Вялову, въ полной

увѣренности, заключая по покупкѣ, что Гг. хотятъ сдѣлать пикникъ. . . для друзей и кровныхъ. Былъ уже второй часъ, когда я пріѣхалъ къ Вяловымъ. Всѣ встрѣтили меня съ радостію, особенно Анета; она, кажется, ожила отъ моего пріѣзда. Юлія была больна, и такъ какъ она находилась въ женской половинѣ, то я и не могъ ее видѣть. Здѣсь встрѣтилъ я давно знакомаго мнѣ Андрея Павловича съ двумя своими сыновьями и съ патернельнымъ лягажемъ. — Мои поступки, кажется, уже были извѣстны: ибо всѣ смотрѣли на меня подозрительными глазами; особенно Княгиня, во взорахъ которой видна была ѣдкая насмѣшка. «Аполлонъ, Аполлонъ! кричалъ Андре-Половишь маленькому мальчику въ Греческой рубашечкѣ, — поди здѣсь, Его Сіятельство деньируетъ тебя видѣть.» Малютка подошелъ и Андре-Половишь съ отческою гордостію выказывалъ знанія своего сына.

Помилуйте Андре-Половишь, сказала Княгиня, — вы и дѣтей своихъ сдѣлаете педантами; ужъ самъ-то несносенъ по своимъ разговорамъ. Богъ

знаешь какой у тебя аксанъ; жилъ въ Парижѣ, а по Французски говоришь какъ Гасконецъ, по Русски какъ Французъ — не знаю, какой ты націи.

Андре-Половишь, какъ будто не обращалъ вниманія на слова Княгини, анализировалъ Русскія слова на Французскомъ лангажѣ съ своимъ Аполлономъ, не смотря на то, что никто его не слушалъ кромѣ старика-Князя. Кончилось испытаніе перваго и началось испытаніе втораго мальчика лѣтъ пяти, резваго, бойкаго и вовсе не педанта. »Димитрій, Димитрій! говорилъ Анд. Пол. своему меньшему сыну, приди здѣсь.« Малютка, кажется, что-то спроказилъ въ другой комнатѣ, подвигался очень лѣниво, думая, что отецъ узналъ о его шалости. Няня понуждала его и приговаривала: »ужь не запирайтесь, а то онъ васъ дома высѣчетъ.« Робко подошелъ Димитрій къ отцу своему, съ совершенною рѣшительностію. »Хорошо, Димитрій,« — сказалъ Анд. Пол. — Quoi Papa? спросилъ ребенокъ, цѣлуя отцовскую руку. »Скажи мнѣ — продолжалъ Анд. Пол. — кто сот-

ворилъ міръ? Смотри, вотъ Князь и барышни экзаменуютъ тебя: не сдѣлай ошибки.» — Quoi Papa? — повторилъ опять съ робостію маленькій шалунъ. «Кто сотворилъ міръ? снова спросилъ Анд. Пол. недовольный невниманіемъ сына, скажи мнѣ — сердито уже спрашивалъ отецъ, кто сотворилъ міръ?» C'est moi, Papa, отвѣчалъ малюпка и кинулся цѣловать разсмѣявшагося отца. Барышни, дамы и Князь-старикъ засмѣялись.

По окончаніи обѣда я остался еще на полчаса, торопясь ѣхать къ Леониду. Анета была очаровательно-прелестна. Я спрашивалъ о Юліи, она мнѣ отвѣчала, что сестра почти не больна, но фантазируетъ и прибавила: «Какой вы нѣжный братъ! безъ Юліи вамъ скучно...»

Напротивъ, сударыня, можетъ быть есть, что гораздо болѣе меня интересуетъ...

Да, это правда: но Князя нѣтъ дома. Онъ нынѣче вмѣстѣ съ Скорѣшенскимъ уѣхалъ очень рано, сказала она, посмотрѣвъ на меня съ неизъяснимою улыбкою,

въ которой я видѣлъ, что Анета знаетъ предметъ моего посѣщенія и лишь только хотѣлъ я спросить о маскерадѣ Живалова, какъ вошла мать Анеты и начала разговоръ о моей службѣ, матери и проч. Но было уже четыре часа, когда я, оставя домъ Князя Вялова, прибылъ домой, гдѣ Леонидъ меня уже дожидался.

Два часа, какъ я жду тебя, сказалъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату. Пора ѣхать. Въ пять часовъ откроется засѣданіе. Возьми съ собой денегъ хотя часть Турчанкина-Грека. Я оставилъ дома восемь тысячь, прочія взялъ съ собою.

»Но, Александръ, я спрашиваю тебя: съ усердіемъ ли, или по одной наружности вступаешь ты въ наше общество?«

Признаюсь, Леонидъ, что болѣе по наружности, нежели по усердію: но я далъ слово: я сдержу оное. Мнѣ не понятно темное твое толкованіе; я понимаю слова, не понимая смысла. Узнаю ваше общество, можетъ быть я привяжусь къ оному и душею и сердцемъ.

«Есть степи, другъ мой, въ коихъ на необозримомъ пространствѣ нѣтъ ни капли воды, ни клока зелени. Яркое, знойное солнце раскаляетъ пески и самый материкъ земли пересохъ отъ жара. Одинъ разъ въ годъ подымается тамъ великій вѣтръ; подымая пески, переноситъ съ одного мѣста на другое и тогда песочная степь, уподобляется песочному морю. Ни малѣйшихъ признаковъ жизни не видно въ странахъ сихъ, мертвая природа ужасаетъ все живущее. Рѣдко, очень рѣдко иногда заблудившійся путешественникъ настигается въ степяхъ сихъ, — еще того рѣже онъ остается въ живыхъ, если рука Провидѣнія не подаетъ ему своей помощи. Таковъ міръ. Посреди сего ужаснаго мертвеннаго пространства стоитъ гостинница, гдѣ жрецы добродѣтели подаютъ спасеніе гибнувшимъ путешественникамъ. Эта гостинница — наше общество, — общество, въ которомъ лучь свѣтильника добра и блага проливаетъ свой свѣтъ на своихъ приверженныхъ, и, озаряя ихъ небеснымъ своимъ сіяніемъ, налагаетъ печать свою на

всѣ ихъ дѣйствія и помышленія. Другъ добра живетъ для добра и съ нимъ изчезаетъ. Теперь ты узналъ короче о нашемъ обществѣ: скажи же, душевно ли хочешь быть нашимъ сподвижникомъ?»

Ѣдемъ. Скоро пять часовъ. —

Леонидъ не много подумалъ и потомъ какъ бы прошивъ воли бралъ свою шляпу.

«Александръ, я не ѣду, если ты не чувствуешь духовнаго желанія.»

Ты обидишь меня, отвѣчалъ я, данное мною слово я долженъ выполнить; ты предложилъ мнѣ путь, доведи же до цѣли.

Карета наша (Леонидъ не соглашался ѣхать въ дрожкахъ) уже катилась по бойкой мостовой Замоскворѣчья; далеко, далеко отъѣхали мы. Наконецъ остановились у воротъ одного дома, мрачная наружность котораго показывала его необитаемость; съ визгомъ расхворились ворота, верѣи заскрыпѣли и мы подъѣхали къ крыльцу, гдѣ Швейцаръ стоялъ съ огромною булавою. —

Домъ былъ двуэтажный, и съ хорошимъ фасадомъ, на дворѣ было обыкновенно, но только пусто и мрачно. Мы вошли въ переднюю, тамъ никого не было. Вошли въ пріемную и здѣсь онъ велѣлъ мнѣ подождать, а самъ пошелъ въ слѣдующую комнату. Спустя полчаса онъ вышелъ ко мнѣ съ другимъ братомъ и сказалъ, что общество братій поручило имъ ввести меня въ *комнату приготовленія*. Тутъ незнакомый братъ спросилъ меня: какъ твое имя? Я отвѣчалъ: Имя мое *Томъ*, мое прозваніе *Вемонъ* и мнѣ пять лѣтъ съ половиною. Онъ говорилъ о твердости, съ каковою долженъ былъ я выдержать испытаніе, потомъ, завязавъ мнѣ глаза, онъ ввелъ меня въ комнату и надѣвъ на меня какую-то мантію, развязалъ глаза, посадя меня подлѣ перваго стола. Здѣсь я увидѣлъ слѣдующее: Комната была довольно обширна, въ ней стояли три стола съ разными эмблеммами. Все показывало какую-то таинственность. На столѣ, около котораго сѣлъ я, было: раскрытая Библія на шестой и седьмой стр. премудрости Соломона. На крас-

номъ шнуркѣ съ пятью узлами въ сердцѣ крестъ — знакъ рыцаря ищущаго премудрости. Обнаженный мечь, погашенный свѣтильникъ, осповъ мертвой головы, подъ которою стояла лампада, сосудъ съ водою и доска, на которой было написано золотыми буквами: *Познай себя, обрящеши блаженство внутрь тебя суще.* Послѣ сего меня спрашивалъ, чувствую ли я, что тьма меня окружаетъ? Вѣрю ли я, что во тьмѣ свѣтъ и въ смертномъ безсмертное скрывается, что отъ тлѣннаго нетлѣнное раждается? Онъ говорилъ много, представлялъ примѣры и потомъ опять спрашивалъ: истинно ли я желаю искать премудрости и гдѣ обрѣсти ее надѣюсь? Онъ представлялъ трудности, съ исканіемъ премудрости соединенныя, о бѣдствіяхъ ищущихъ премудрости и проч. Я ему отвѣчалъ утвердительно, и когда онъ кончилъ вопросы свои, надѣлъ на меня знакъ рыцаря ищущаго премудрости (о которомъ я упомянулъ выше). Пять узловъ находящіеся при ономъ знаменуютъ то, что ищущій премудрости долженъ обуздывать чувства

свои и покаряться ея ученію. И послѣ: давъ нѣкоторыя наставленія въ смиреніи, мы вышли изъ комнаты приготовленія. Все это было отправляемо торжественно и весьма суръёзно. Что это значитъ, спрашивалъ я самаго себя, къ чему таковыя испытанія и скоро ли доберемся до самаго дѣла. Я не могъ проникнуть во все мною видѣнное, ни въ самыя слова моего экзаменатора. Углубляться всѣми силами во внутренность свою — было для меня столь же понятно, сколько эмблемма вещей, на первомъ столѣ лежащихъ. Наконецъ это мнѣ показалось нѣкоторымъ образомъ каррикатурою; я носился между духовнымъ, о чемъ мнѣ толковалъ испытывавшій, и страннымъ, что я видѣлъ во всемъ меня окружавшемъ. Такъ думалъ я, какъ вошелъ ко мнѣ мой наставникъ съ симъ вопросомъ: размышлялъ ли я о прудномъ пути, мною избираемомъ, и твердое ли имѣю желаніе продолжать его? я отвѣчалъ, утвердительно. Онъ подаетъ мнѣ мечь и велитъ омыть глаза водою стоящаго сосуда и, давъ мнѣ зажженный изъ лампады свѣтильникъ, под-

велъ къ другому столу. Все это дѣлалъ онъ, говоря передъ каждымъ врученіемъ нравоученія сильныя и истинныя. Второй столъ былъ покрытъ бѣлымъ. По угламъ онаго стояли четыре незаженныя свѣчи, по срединѣ звѣзда съ буквою G, пропивъ сего стола на стѣнѣ слѣдующая надпись: *Блаженъ слышащій въ сердцѣ своемъ громогласное вѣщаніе слова Божія, и зрящій откровеніе Божественное въ натурѣ!* — На столѣ лежалъ запонъ. Запонъ весь бѣлый съ чернымъ подбоемъ. — Онъ мнѣ говорилъ много, много и все также непонятно, какъ и прежде; мнѣ казалось, что онъ для того говорилъ такъ высокопарно и неудобопонятно, чтобы скрыть ложь и легче опутать сѣтями неопытнаго собрата. Вводитель развязалъ мнѣ глаза и спросилъ: не имѣю ли я чего металлическаго, а паче денегъ? Я говорилъ, что при мнѣ есть деньги. Мнѣ приказано было отдать ихъ, какъ вещь профановъ — и увѣряли, что по закрытіи ложи онѣ мнѣ возвращены будутъ. Я отдалъ кошелекъ съ червонными и бумажникъ — сколько всѣхъ

денегъ, я не помню. Вводитель приказалъ засвѣтить стоящія на столѣ четыре свѣчи свѣтильникомъ, который я имѣлъ въ рукахъ. Надѣлъ на меня родъ передника, разулъ и, завязавши опять глаза, потушилъ свѣчи, безпрестанно говоря, какъ и прежде, слова Славянскаго нарѣчія, изъ коихъ понималъ я много-много половину. Дѣлалъ вопросы о моей готовности. Я, признаюсь, нимало не былъ готовъ, но учреждалъ прошивное. Мнѣ хотѣлось докончить эту комедію, которой я отъ души смѣялся. Послѣ втораго раза введшій меня началъ испытывать въ третій разъ. Я узналъ, что это послѣдній — и рѣшился на все давать согласіе. Онъ подвелъ меня къ третьему столу. Сей столъ былъ покрытъ желтымъ, на немъ стоялъ рукомойникъ съ водою, бѣлыя перчатки и золотая лопатка. На меня надѣли мантію съ разными изображеніями на бѣлой подкладкѣ. На оной изображено было сердце, съ котораго льется кровь. Омываетъ мнѣ руки, для того, какъ говорилъ онъ, что въ храмѣ премудрости хранится *неизреченное, изящ-*

ное, и *безцѣнное* толь чистое, что не чистое прикоснуться къ нему не можетъ.

Совѣтовалъ мнѣ носить мантію и бѣлыя перчатки и подавая лопатку, прибавилъ: *Мудрые пріемлютъ орудіе къ работѣ для прославленія токмо источника всѣхъ благъ и для точнаго исполненія его воли.* Я привѣсилъ лопатку къ запану и приготовился взойти въ собраніе Капитула... Испытывавшій меня, постучась въ дверь, на вопросъ: кто тамъ? отвѣтствуетъ: *Испытанный, омовенный, знаменіемъ избранія и ранами, на подвигѣ добромъ полученными, украшенный желатель премудрости.* По окончаніи сихъ словъ мы слышимъ: *Таковому не должно и не можно воспретить входъ;* и я, держа въ одной рукѣ мечь, а въ другой горящій свѣтильникъ, былъ введенъ въ присутствіе и поставленъ у ковра разостланнаго около предсѣдающихъ.

Комната, гдѣ сидѣли премудрые, была довольно пространна и обита зеленымъ бархатомъ съ золотымъ шитьемъ различныхъ изображеній. Всѣ окна были

занавѣшены. Столъ былъ покрытъ краснымъ сукномъ. Членовъ было около десяти человѣкъ, всѣ въ манжіяхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ съ запонами. На головахъ ихъ были Капуцинскія шляпы, лица въ полумаскахъ, черезъ плечо висѣли шпаги на широкихъ перевязяхъ, изъ коихъ на средней была слѣдующая надпись: *Станите убо препоясани чресла ваша истиною и облекшеся во броню правды:*

Это собраніе мудрецовъ и премудрыхъ не произвело никакого на меня впечатлѣнія. Они были, по видимому, суръёзны и величаво сидѣли. Мнѣ все это казалось страннымъ, надутымъ, смѣшнымъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ началъ со мною бесѣдовать, онъ читалъ много, много — цѣлую проповѣдь; я отвѣчалъ откровенно и на все былъ согласенъ. Послѣ негромкаго разговора объявили мнѣ, что мое имя *Водолей* и тотчасъ привязали мнѣ что-то на спину. Потомъ предсѣдатель говоритъ: «*Вступи братъ на мѣсто работы!*» Меня разуваютъ и ставятъ на шаръ земный, на коврѣ изображенный, говоря:

Испытуй сокровеннѣйшее земли, обрящешь таинственный камень, истинное врачевство.

Послѣ сего у меня стали требовать плоды работы моей (вѣроятно домашней, потому что здѣсь я еще не работалъ) въ знакъ неприлѣпленія къ богатству и проч. я отдалъ находящіеся при мнѣ червонцы. Тутъ Предсѣдатель началъ мнѣ читать наставленія, что драгоцѣнное вещество не есть цѣль истинныхъ каменьщиковъ — искателей премудрости, — все подтверждая текстами; далѣе говорилъ о дѣвственномъ бракѣ съ Софіею и многомъ другомъ, потомъ на меня надѣлъ кольцо съ сею надписью: *помни смерть* и крестъ на розовой лентѣ; потомъ, обратясь къ собратіямъ, въ высокопарныхъ выраженіяхъ объявилъ всему собранію, что я принятъ въ число братьевъ. Мнѣ, какъ и прежде, Предсѣдатель прочелъ наставленіе и наконецъ все умолкло. Предсѣдатель всталъ, поклонился всему Капитулу и сказалъ:

„Милостивые Государи, собраты! Духовные рыцари, достойные послѣдо-

вители истинныхъ каменьщиковъ, искатели премудрости и свѣтильники добродѣтели! Радуясь душевно, что число наше умножилось сопричисленіемъ сего Водолея къ обществу нашему, и празднуя день сей—толико вожделѣнный, день торжества и побѣды нетлѣннаго надъ тлѣннымъ, я надѣюсь, что вы не укосните споспѣшествовать мнѣ въ дѣлѣ благомъ и богоугодномъ — въ помощи ближнему. —

Дознавъ я о бѣдственномъ положеніи одного благочестиваго семейства и, исполняя свою обязанность, заклинаю васъ, благодѣтельные братія, помочь симъ несчастнымъ своими пожертвованіями.»

Окончивъ сіе, Предсѣдатель подошелъ къ развернутой книгѣ, лежавшей на другомъ краю стола, и, подписавъ, сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Братья поперемѣнно подписывались и отходили, когда же до меня дошла очередь, то Предсѣдатель, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

«Твое пособіе будетъ порукою за твое усердіе. Не смотри на то, что братія твои жертвовали мало. Они исполняютъ сіе уже не въ первый разъ. Будь

достойнымъ потомкомъ благотворительныхъ каменьщиковъ.»

Я пошелъ подписываться. Посмотря въ книгу, я увидѣлъ, что всѣ подписавшіеся, жертвовали по двѣ тысячи. Я не захотѣлъ уронить себя и подписалъ двѣ тысячи восемь сотъ. Предсѣдатель кивнулъ мнѣ головою и я сѣлъ. Предсѣдатель въ короткихъ словахъ отблагодарилъ насъ за пожертвованіе и, спустя не много времени, члены общества разъѣхались.

Пришедши домой, я кинулся на диванъ, будучи недоволенъ самъ собою. Я вступилъ въ тайное общество, не зная ни цѣли, ни членовъ онаго... это мое первое преступленіе; я неосновательно пожертвовалъ деньги, которыя могли бы имѣть лучшее употребленіе: такъ это умыслы Леонида! Я упрекалъ себя и тысячу разъ раскаявался и проклиналъ Леонида, мнѣ совѣстно было самому себя, я стыдился самъ своей слабости.

Въ такомъ расположеніи духа былъ я, когда услышалъ шумъ въ передней комнатѣ: то былъ Леонидъ.

Что ты такъ блѣденъ? ты болѣнъ вѣрно? или тебя такъ измучили наши испытанія? ты угрюмъ... ты не въ духѣ...

Я. Да, Леонидъ, я не въ духѣ, извини меня, что я говорю такимъ тономъ. Неспокойная душа не хладнокровна. Вступивъ въ ваше общество, я лишился спокойствія — и все это приписываю тебѣ. Ты вовлекъ меня въ эти сѣти. Вотъ слѣдствіе нашей дружбы — вотъ цѣль твоей ложной искренности!... Обманщикъ!!!

Леон. Что это все значитъ, Александръ! Ты съ ума сошелъ, успокойся, ты болѣнъ.

Я. Да, я болѣнъ твоимъ обманомъ, меня свела съ ума личина, которую ты на себя надѣваешь.

Леон. Успокойся, Александръ, не ужели это въ благодарность за то, что я ввелъ тебя въ...

Я. Въ общество бездѣльниковъ, грабителей!

Леон. Прощай, Александръ, жаль, что разстаюсь съ тобою не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Прощай, другъ мой, но

помни Грека! я любилъ тебя. Прости, прости!... Онъ хлопнулъ дверью и скрылся.

Лишившись денегъ и друга, я пришелъ въ отчаяніе. Сколько я любилъ прежде Леонида, столько сталъ его ненавидѣть. Но что сказалъ онъ, уходя отъ меня: «Помни Грека.» — Какъ, не уже ли Леонидъ — Турчан. Грекъ, который мнѣ сдѣлалъ столь много благодѣяній? Не уже ли это тотъ самый драбантъ прекрасной незнакомки въ маскерадѣ у Живалова? и я этимъ отблагодарилъ ему!...

Не зналъ, что со мною дѣлалось. Съ одной стороны упрекала меня совѣсть, съ другой сердце. Нѣтъ, Леонидъ невиненъ, думалъ я, онъ самъ не знаетъ объ этомъ обществѣ, или имѣетъ свои причины, причины благородныя. За что же я такъ тяжко обидѣлъ его? Но да не почтетъ онъ это дѣйствительнымъ: это горячка перваго заблужденія. Какъ желалъ я видѣть Леонида!

Общество Масонское есть глупое, надутое, дѣтское собраніе безумныхъ богачей и пронырливыхъ бѣдняковъ. Торжественность, съ которою они все

производятъ, пышные фразы въ ихъ разговорахъ, вниманіе и вѣра къ безсмысленнымъ напыщеннымъ выраженіямъ до того смѣшны, до того показываютъ совершенное отсутствіе ума, что самый пятилѣтній мальчикъ, въ сравненіи съ ними, кажется премудрымъ. Всѣ эмблеммапическіе ихъ знаки, вопросы и отвѣты вымышленные для профановъ столько же глупы, сколько и поняшны. Срамъ для новѣйшихъ временъ и позоръ для человѣчества! —

ГЛАВА XIX.

Сибиряковъ съ Скорѣшенскимъ по незнанію увозитъ тайно двоюродную сестру свою Юлію. Маланья Амосовна.

Для чего созданъ человѣкъ, думалъ я, — когда опытность приходитъ такъ поздно? Не для того ли, чтобы безпрестанно ошибаться и запасать погрѣшности для того времени, когда онѣ не нужны, когда вмѣсто прекраснаго лица, стройнаго стана и русыхъ волосъ, послушныхъ тупею, явится морщиноватый обликъ, кривая фигура и не разчесуемая власяница, или парикъ, какъ на рунѣ овчина? Старикъ, старикъ! какъ ты жалокъ съ своею запоздалою опытностію! Ты бережешься на черный день, но ты его уже не увидишь, а умная молодежь никакъ не согласится уступить тебѣ авкторитетъ опытности. Цѣлый вѣкъ свой ты попадалъ въ просакъ безпрестанно. Велика горьба тво-

ихъ результатовъ: но къ чему она? Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и отойдешь, что былъ, тѣмъ и будешь, и лишь заботливая родственница, тщательно стараясь о твоемъ поминовеніи, можетъ быть, упомнитъ или вспомянетъ, перекрестясь, сими словами: «*Царствіе ему небесное! — Было умный человѣко.*» — Великихъ судьба другая.

«Diabolus emportus tus! кричалъ Скорѣшенскій, входя въ мою комнату. Гдѣ ты былъ? Десятой часъ, а тебя нѣтъ. Ѣдемъ!»

Зачѣмъ?

«Ѣдемъ, узнаешь.»

Мы уже были у Педотти, гдѣ человѣкъ до десяти молодыхъ людей, — друзей Валера были въ собраніи.

«Знай Сибиряковъ, сказалъ Валеръ, я женюсь... Отца моей невѣсты нѣтъ въ Москвѣ, безъ позволенія не отдаютъ: я увожу прелестную, ибо нѣтъ мочи терпѣть.»

Занятый братскимъ обществомъ, я почти и не понялъ словъ Скорѣшенскаго, и машинально по его приглашенію сѣлъ въ карету и поѣхалъ.

»Стой! стой!« — Экипажъ остановился. — »Ты, Сибиряковъ, останься здѣсь, а я пойду.«

Съ часъ или болѣе не было Валера. Наконецъ онъ показался.

»Сей часъ выдетъ, пересядь Александръ; напротивъ трое не усядемся. Тише! Кажется, идетъ.« — Калитка тихо отворилась и дѣвушка съ покрытоюголовою, въ салопѣ, къ намъ приближилась. Тихо вошла она по ступенямъ и сѣла. Валеръ за нею, человѣкъ хлопнулъ дверью и лошади поскакали. Похищенная не говорила ни слова, и въ такомъ молчаніи пріѣхали мы на кварпиру Скорешенскаго. Мы вошли въ комнаты, гдѣ насъ встрѣтила Маланья Амосовна сими словами: Матушка моя, Юлія Дмитріевна! Здѣсь, сударыня моя, здѣсь ваша уборная-то.

Каково было мое удивленіе, когда въ похищенной я узналъ сестру мою Юлію!

Юлія! вскричалъ я, это ты? . . . Я не могу участвовать въ твоемъ дѣлѣ. Валеръ! Она моя сестра.

»Это милѣе всего. Развѣ увозить не все равно — сестру ли твою, или другую? . . . Такъ ты гнушаешься? . . .«

Ни мало, но кончи все; дядя тебѣ въ томъ не откажетъ.

»Да это такъ скоро: посылай къ дядѣ. Юлія, ты согласна?«

Mais mon frère. . . отвѣчала Юлія. . .

»Что мнѣ ton frère! я знать его не хочу: Александръ, такъ ты желаешь мнѣ? . . .«

Помилуй, Валеріянъ Аполлоновичъ, я радъ душею имѣть тебя своимъ братомъ, но. . .

»Такъ что же еще? Ѣдемъ къ священнику. Ты Юлія останься здѣсь съ Амосовною, а мы чрезъ полчаса воротимся.«

Къ какому священнику? никакой не согласится.

»Э! вздоръ! . . . Ѣдемъ!«

ГЛАВА XX.

Несогласіе приходскаго священника обвѣнчать Скорѣшенскаго съ Юліею. Рѣшительность полковаго Іерея. Раскаяніе Сибирякова. Страшное сновидѣніе. Визитъ новобрачныхъ.

Въ чистой комнатѣ, за круглымъ столомъ, при тускломъ свѣтѣ лампады сидѣлъ отецъ Іоаннъ — священникъ извѣстный своею набожностію, человѣкъ добродѣтельный, умный, ученый, держа въ рукахъ какую-то церковную книгу. Учтиво, со смиреніемъ принялъ онъ насъ и терпѣливо выслушалъ покорную просьбу.

Валерѣ. Невѣста моя Юлія не имѣетъ здѣсь родителей: она препоручена одному другу отца ея. Я не имѣлъ бы отказа, если бы сталъ просить руки ея, но время коротко, и я не въ силахъ терпѣть болѣе. Сдѣлайте милость, отецъ Іоаннъ, обвѣнчайте насъ: во мнѣ вы найдете слишкомъ благодарнаго...

Свящ. Душевно бы радъ соединить васъ, государь мой, съ вашею избранною: но не могу поступить противъ обязанности. Искренно желаю вамъ добраго успѣха и счастія — и жалѣю что. . .

Вал. Помилуйте, батюшка, вотъ двоюродный братъ моей невѣсты, я представлю десять человѣкъ свидѣтелей.

Свящ. Представьте одного, который бы засвидѣтельствовалъ позволеніе родителей, тогда я вамъ найду того, кто согласится обвѣнчать васъ.

Вал. Благодарю васъ покорно: однако время не терпитъ. Прощайте, отче, я буду искать другаго.

Свящ. Не сердитесь, государь мой, я исполняю долгъ свой; но поѣзжайте къ полковому священнику, онъ вѣрно согласится обвѣнчать васъ. Живетъ онъ въ. . . приходѣ, въ. . . домѣ, зовутъ его Игнатій Евсевичь, человѣкъ вдовый, веселый.

»Благодаримъ васъ, батюшка, благодаримъ, говорили мы, сходя по лѣстницѣ, гдѣ положенный холстъ пугалъ наши ноги.«

Въ колпакѣ, съ трубкою, въ одномъ полукафтаньѣ прохаживался отецъ Игнатій въ большой комнатѣ, гдѣ по стѣнамъ были уставлены шкафы съ книгами. Гордо принялъ насъ Игнатій Евсевичь и его отрывистые фразы, перемѣшанные съ Латинскими сентенціями, давали знать, что всякій на своемъ мѣстѣ великій человѣкъ на малыя дѣла. Кто же этотъ Игнатій Евсевичь? Черты знакомыя, а угадать не могу. Окладистая борода его лоснилась, какъ бы наведенная лакомъ. Станъ его былъ невыгодной фигуры — за то глаза блистали какъ уголья.

Отецъ Игнатій! сказалъ я, приближившись, черты лица вашего, кажется, мнѣ знакомы, но не могу припомнить: гдѣ васъ видѣлъ.

Алек. Иван! Не ужели вы не узнаете, съ кѣмъ olim conatus... professor житейской Philosophiae... qui thyrsum praeclare vertit...

Вал. Bene respondere... et cetera, et cetera.

Иг. Евс. Боже мой!...

Вал. Восклицанія въ сторону, а приступимъ къ дѣлу...

Къ дѣлу... Игнатій Евсевичъ согласился обвѣнчашь за тысячу пять сотъ рублей, что, по снаряженіи всего и всѣхъ, тою же ночью въ двѣнадцатомъ часу и было исполнено.

Часу въ четвертомъ возвратился я домой — измученный, отягощенный и весьма недовольный собою. Какія чувствія волновали меня! Весь день — день погрѣшеній и проступковъ. По одному коварному замыслу вступилъ я въ какое-то непонятное, глупое общество; потерялъ деньги и обвѣнчалъ сестру. Совѣсть упрекала меня. Что́ бы сказалъ родитель мой, узнавъ о дѣлахъ моихъ? Что́ бы сказалъ онъ, видя, какъ трачу я деньги безъ цѣли, безъ намѣренія? Тяжело отдавашь отчетъ самому себѣ. Душа всегда способна къ изліянію чувствъ дружбѣ: но дружба — вздоръ, сказалъ и доказалъ мнимый другъ мой Леонидъ Травиловъ. Прости! прости! сказалъ онъ уходя, помни, я Гурчанкинъ Грекъ... такъ по крайней мѣрѣ мнѣ послышалось. Какъ! Леонидъ, котораго случайно узналъ я еще въ городѣ, Леонидъ, котораго по его характеру

я почиталъ человѣкомъ выше другихъ, котораго дружбою я гордился и всегда старался снискать довѣренность, — этотъ Леонидъ, выручавшій меня нѣсколько разъ изъ несчастій, мой благодѣтель, мой таинственный покровитель — Грекъ, близкій Анеты и предметъ моего уваженія!... И такъ за всѣ благодѣянія я отблагодарилъ его неблагодарностію! За одно Масонское общество, куда, можетъ быть, онъ и самъ попалъ по невѣденію, я съ нимъ разссорился!... Юлія! Юлія! Какъ ты малодушна! Но что скажетъ дядя мой, узнавъ, что я былъ свидѣтелемъ ея свадьбы и главнымъ дѣйствующимъ лицемъ оной?... Бьетъ шесть часовъ, продолжительный звонъ раннихъ обѣденъ уже раздавался, и я подъ заунывный гласъ его заснулъ — не помню на какой мысли, а кажется, на любви къ Анетѣ. Ужасныя сновидѣнія тревожили безпокойную душу мою. Я видѣлъ убійство, кровь, смерть, видѣлъ Анету. Она отдала руку свою другому; но оскорбленная любовь требуетъ мести. Дуель рѣшитъ дѣло. На пистолетахъ

или на сабляхъ — все равно, положимъ на первыхъ... вкатилась роковая пуля... звѣнитъ шомполъ и заряды прибиты... размѣрено разстояніе... противникъ мой поднялъ руку... цѣлится... хлопъ!... порохъ вспыхнулъ — и пуля, визжа, пролетѣла съ звономъ... Я проснулся. Громкій бой часовъ окончилъ двѣнадцать и маятникъ одинаково туда и сюда качался. —

Во второмъ часу пріѣхали молодые: Юлія много перемѣнилась. Она очень весела была, но чего-то стыдилась. Вѣроятно тайный бракъ, непріятный ни для ея родителей, ни для Грушиныхъ и меня, смущалъ ее. Скорѣшенскій былъ таковъ же, и если можно почему было узнать, что онъ женился, то потому только, что онъ не коверкалъ Лашыни, впрочемъ прибавлялъ et cetera, et cetera и говорилъ все по Французски.

Мы были уже у Андре-Половиша, сказалъ онъ мнѣ, — представь себѣ: онъ говоритъ, что ты манкировалъ ему визитъ: съѣзди къ нему... а посмотри quelles billets de visites! Видишь готическими буквами: *Юлія Дмитріевна*

Скорѣшенская... ужь я не люблю du mauvais genre...

Mais, il est temps, mon ange, говорила Юлія своему супругу, à présent chez Grouschini... Я думаю не преминутъ... и обращаясь ко мнѣ, прибавила: vous vous fachez contre moi, mon frère... que faire? Она поцѣловала меня и, кажется, раскаевалась въ своемъ поступкѣ. Они уѣхали.—Господи! благослови чету сію!

ГЛАВА XXI.

Посѣщеніе Русскаго — Француза. Забавныя разговоры. Письмо.

Вотъ уже три недѣли прошло со времени пасхи, три недѣли не являлся я къ должности. Что со мною будетъ, если потеряю я мѣсто? я прошелъ, кажется, сквозь огнь и воду, что остается еще для меня? Ничего, кромѣ визита Андре-Половишу: я хотѣлъ къ нему ѣхать въ три, но думалъ, что это неучтиво — я поѣду въ четыре и проведу у него вечеръ. Сказано и сдѣлано. Въ четыре часа я отправился и засталъ его дома.

Ахъ! какъ я радъ видѣть васъ! — Апполлонъ! Дмитрій! подите здѣсь, это Mr. мамбръ нашей фамиліи; и обращаясь къ молодой дѣвушкѣ Mlle. Blasca, c'est un des me connessances — dont j'adore, j'estime, et je n'aime que trop; а потомъ ко мнѣ: это одна этранжерка, которая

демёрируетъ у меня; она была еще при фё моей супругѣ, и я не хотѣлъ ее шанжировать, потому что и дѣти суть абитюированы къ ней. — Какъ себя портируете?

»Очень хорошо.«

Я имѣлъ честь видѣть ново-женатыхъ. Какъ прелестна, жюли! инеспримабильно!... Она рапеллируетъ тѣ красоты древнихъ палашъ, кои не сортировались изъ шамбровъ; инсюрмонтабильныя барьеры плясировались около ихъ демёровъ...

Вошедшій человѣкъ. Французъ фабрикантъ Кокень желаетъ говорить съ вами.

А. П. Французъ суетируетъ палировать со мною?...

Челов. Да-съ, суется... Мы ему говорили: гости... а онъ суется...

А. П. Ну, скажи ему, чтобы онъ саналировалъ.

Челов. (къ Француж.) Каролина Александровна, пожалуйте ключи, баринъ приказалъ наливки дать.

А. П. Какой наливки! Пусть войдетъ (s'en alle.)

Челов. (отворя дверь въ пріемную) Пожалуйте сюда Г. фабрикантъ.

А. П. Ты меня не ком... премируешь, ком... преген...

Челов. Въ приказываете лошадь впрягать?

А. П. Въ.. ступай, coquin... Онъ обратился къ Французу, который съ ловкостію передъ нимъ раскланялся и рекомендуя себя, величалъ Андре-Половища и Генераломъ и Графомъ и Княземъ.

Надобно предъувѣдомить моихъ Читателей, что Анд. Пол. былъ большой охотникъ до фабрикъ и всѣми мѣрами старался усовершенствовать шерстяныя и шелковыя свои заведенія, — не смотря на то, что былъ въ долгу, какъ въ шелку. Французъ началъ объяснять ему, что онъ можетъ дѣлать изъ концевъ шерстяной пряжи, обыкновенно неупотребляемыхъ по своей жесткости, сукно тонкое, добротное и мягкое. Анд. Пол. очень радъ былъ такой находкѣ, почему, призвавъ своего управляющаго Ѳаддея, началъ объяснять ему предложенія Француза, слѣдующимъ

образомъ: Ѳаддей! я хочу луировать этого фабриканта.

Управ. Хоть обзолотите, батюшко, не только вылудите.

А. П. Онъ пропозируетъ дѣлать тонкое, доброе сукно и мягкое изъ эстремитовъ, которыя за свою дюрепость... понимаешь? изъ эстремитовъ...

Управ. Я, батюшка, ничего не понимаю, по Французскому вовсе не знаю, а вашъ фабрикантъ гораздъ.

А. П. Какой ты непонятной!... дра дѣлать изъ экстремитовъ.

Управ. Ничего не понимаю... да ужь догадываюсь: вѣрно о фабрикахъ... Ахъ, Андрей Павловичь! ужь что вы нанимаете этихъ Французовъ! Батюшка вашъ ужь узналъ ихъ.

А. П. Видишь ли ты, вы экстремиты жетируете, онъ изъ нихъ сдѣлаетъ мельёрное сукно.

Управ. Ничего, батюшка, не понимаю; Богъ вѣсть, какъ вы говорите.

Долго спорили они, наконецъ сошлись, и Французъ остался при своемъ предложеніи. Дѣлать сукно изъ верхушекъ, — а не изъ концевъ, какъ прежде говорилъ.

Андре-Половишь, недовольный своимъ управляющимъ, желалъ чѣмъ нибудь запутать его, и извиняясь предо мною, сказалъ ему: мнѣ экрируютъ изъ деревней, что крупъ нѣтъ для дворовыхъ, — отъ чего это?

Управ. Отъ того, что не родилось; а что есть, то для вашего пріѣзда берегутъ. — На сѣмена гречи купить надобно.

А. П. Это хорошо, что консервируютъ для меня, но сколько же грюйо?

Управ. Чего сударь? — Грибовъ? . . . нынѣ ничего не солили.

А. П. Крупъ, а не грибовъ.

Управ. Четвертей сорокъ.

А. П. Зачѣмъ же для сѣменъ ашетировать, я уконшантируюсь одной четвертью.

Управ. Хоть бы словечко понялъ. .,

А. П. Ты говоришь, что осталось сорокъ четвер. крупъ: мнѣ довольно одной, а прочія на сѣмена употребляй.

Управ. Ахъ, Анд. Пол. и ты, батюшка, до сего дня не зналъ, что сѣютъ

гречу!—Ахъ хозяинъ, хозяинъ! вѣкъ свой по иновѣрческимъ городамъ изжилъ.

А. П. Вотъ ты еще меня ассюровать станешь, что не крупу семируюпть, а гречиху; я демерировалъ въ Парижѣ—тамъ такъ, какъ я ордонирую.

Управ. Ей Богу, родимый, ничего не понимаю. Какъ сѣять крупу!... ахъ Анд. Павл...

А. П. Ты меня ирритируешь...

Управ. Что сударь?

А. П. Я въ колеръ впадаю, ты ирритируешь...

Управ. Право, ничего не понимаю.

А. П. Выдь вонъ!—

Управитель ушелъ, а Анд. Пол. началъ жаловаться на безтолковость слугъ и національную ненависть одного народа къ другому. Особенно Французовъ къ Англичанамъ и Русскихъ къ Французамъ.

Послѣ сего рѣчь зашла о службѣ. Гдѣ вы служите? спросилъ меня А. П. Не уже ли въ Приказѣ Общ. Призрѣнія? Я отвѣчалъ, что служу въ N. Онъ удивлялся, какъ рѣшился я вступить въ эту низкую службу, наконецъ такими сло-

вами изъяснялся и о себѣ: «Я сервировалъ съ младости, но по обстоятельствамъ не такъ счастливо. Теперь я занимаю почетное мѣсто: оно безъ жалованья, да за то какова честь!... дай Богъ, чтобы и дѣти мои имѣли такое мѣсто — не выгодное, — намъ о выгодахъ пансировать — значитъ пешировать, а просто почетное, респектабильное.» А гдѣ вы изволите служить, спросилъ я, зная вѣрно, что онъ въ отставкѣ и все время проводитъ въ Англійскомъ Клубѣ, переливая изъ пустаго въ порожнее и перетолкивая уже перетолкованное. Я сервирую, отвѣчалъ онъ, — я сервирую въ Англійскомъ Клубѣ, я членъ Англійскаго Клуба... Я сервирую, или, какъ говорятъ, я привязанъ къ Англійскому Клубу... Вы знаете, что этой чести не всякой удостоится, выбираютъ однихъ мельёрныхъ...

Я просидѣлъ у Анд. Пол. до восьми часовъ и долженъ былъ выдержать жестокій искусъ. Терпѣнія моего недоставало экутировать его конверсаціи. — Я уѣхалъ домой. Здѣсь дожидалось меня

письмо отъ маминьки, отъ которой я уже почти съ мѣсяцъ не получалъ извѣстія. Она писала:

Милый Другъ!

Любезный сынъ мой Сашинька!

Богу угодно испытывать меня мірскими нещастіями. Я виноватa, я преступна, но сострадай мнѣ. Ты одинъ на землѣ, который принадлежишь мнѣ: ты мой сынъ. Выслушай злощастную мать твою. По волѣ покойнаго отца твоего Ивана Ивановича я изъ ничтожества сдѣлалась съ именемъ, и будучи хорошею, честною женою, я возрастила ему сына и была доброю матерью. Супругъ мой померъ, ты остался въ молодости, я по неопытности не могла управлять имѣньемъ, и для твоего блага избрала себѣ супругомъ... Тебѣ былъ непріятенъ бракъ сей. Но помысли — и ты найдешь его необходимымъ. Послѣдній супругъ мой умеръ. Я не за себя жалѣю о немъ. Я любила его какъ друга нашей фамиліи, любила какъ человѣка, добровольно принявшаго участіе въ на-

шемъ положеніи: но воля Всевышняго... Потеря его не такъ тягостна для тебя. Но, другъ мой, я признаюсь тебѣ въ своей слабости... Предъ олтаремъ Всевѣдущаго я дала ему клятву любить его. Краткое время насъ сблизило. Онъ былъ кротокъ, смиренъ, миролюбивъ. Ты помнишь ссору? Но оставимъ прошедшее. Я люблю его, ибо клялась любить его, онъ совершенно былъ достоинъ этаго; теперь мнѣ ничего не осталось, кромѣ твоей любви. Какъ преступница — я могу сомнѣваться въ оной, какъ мать — я имѣю на оную права неотъемлемыя. Люби меня, я добра; люби — я мать твоя. Послѣднія минуты жизни моей я посвящу Богу, буду безвыѣздно жить въ деревнѣ и ожидать тебя. Пріѣзжай скорѣе и отри слезы нещастной. Но я желала бы тебя видѣть уже съ избранною... Воля отца теперь уже не имѣетъ силы. Прошу тебя, избери себѣ друга по собственной своей волѣ. Тебѣ двадцать четвертый годъ, время заняться дѣлами. Если ты при мѣстѣ, то не ѣзди ко мнѣ: для сына я готова жертвовать жизнію.

Извини, другъ мой, безпорядокъ письма моего; если бы ты видѣлъ сердце мое, ты бы извинилъ — для тебя одного живущую

Мать твою.

На это письмо я отвѣчалъ слѣдующее.

Милая, несравненная Маминька!

Вмѣстѣ съ вами грущу я о смерти почтеннаго Луки Артемьича, который, по васъ, замѣнялъ мнѣ моего родителя. Вы побѣдили меня своею материнскою любовію, вы забыли поступокъ мой — мой побѣгъ... безъ вашего вѣдома. Я виноватъ, маминька, и не смѣю оправдываться. Я помню, что послѣ смерти моего отца вы писали ко мнѣ, чтобы я не грустилъ: теперь позвольте и мнѣ, въ свою очередь, просить васъ, беречь драгоцѣнное ваше здоровье и спокойствіе. Ибо вы неразлучны съ моимъ щастіемъ. Не будетъ васъ — для меня не будетъ щастія. Вотъ голосъ сына, всемъ сердцемъ васъ любящаго и по гробъ преданнаго —

Александра.

ГЛАВА XXII.

Сибиряковъ въ щастіи. Объясніе съ Анетою. Нерѣшительность. Супружеское состояніе. Заключеніе.

Du soleil la celeste flamme
Avec les jours revient et fuit,
Mais mon amour n'a pas de nuit
Et tu luis toujours sur mon ame.

La Martine.

Вотъ уже пять мѣсяцовъ, какъ я въ Москвѣ и уже три мѣсяца какъ началъ отправлять какъ должно свою службу. Письма матери моей успокоивали меня, а милая Анета болѣе и болѣе привязывала къ себѣ и принуждала, такъ сказать, не оставлять Москвы. Я видѣлся съ нею почти каждый день, и каждый день находилъ въ ней болѣе и болѣе прелестей. Объ Леонидѣ, сколько ни старался узнать я, не могъ ничего вывѣдать. Не знаю, куда скрылся онъ,— а очень бы желалъ его видѣть. Со вре-

менемъ его не добрые поступки уменьшались въ глазахъ моихъ и я въ немъ видѣлъ Леонида-друга и Грека-благотворителя. Пониньковъ уѣхалъ въ Санктпетербургъ и его мѣсто, по хлопотамъ Гаврила Тимоф., было доставлено мнѣ; и такъ въ двадцать пять лѣтъ я занималъ очень хорошее мѣсто и былъ восьмаго класса... Пора приступить къ Анетѣ.

Гаврило Тимофѣевичь возвратился изъ Петербурга; наступила роковая минута, когда Анета, съ позволенія своихъ родителей, должна будетъ сдѣлаться моею супругою, наступило время, столь много желанное... Но я боялся... Я зналъ, или по крайней мѣрѣ, полагалъ на вѣрное, что не могу имѣть отказа; но при всемъ томъ робостъ влюбленнаго, робость, происходящая отъ колеблющагося ожиданія, отлагала срокъ приступа далѣе и далѣе и дѣлала меня нерѣшительнымъ. Я любилъ Анету, любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Но эта любовь была уже не та, которая вертѣла осмнадцатилѣтняго мальчика, эта любовь была основана на долговременныхъ

наблюденіяхъ надъ человѣческимъ сердцемъ, это было душевное влеченіе, уже вытертаго, такъ сказать, молодаго человѣка, которой насмотрѣлся, наглядѣлся, узналъ всему цѣну, узналъ дружбу, былъ вѣпрѣнъ, неопытенъ... Я уже пять мѣсяцевъ смотрѣлъ на Анету зоркимъ глазомъ изслѣдователя, но чѣмъ углублялся въ мелочныя подробности своего изысканія — находилъ болѣе и болѣе добраго, прекраснаго; Анета была съ добрымъ сердцемъ, съ душею, которой, кажется, кромѣ небеснаго, ничего не было извѣстно, съ волею покорною волѣ разсудка, съ наклонностями благородными, съ образованіемъ... а красота? спроситъ Читатель,—прочтите начальныя страницы, теперь красота въ глазахъ моихъ ниже души... Свободная отъ зависти, не потому что всемъ обладала, — нечему завидовать, но потому что таково было направленіе ея душевныхъ способностей,—всѣми любимая, ибо сама всѣхъ любила, Анета съ женскою хитростію хотѣла казаться ко мнѣ равнодушною, но я проникъ въ ея сердце, я видѣлъ, что искорка, запав-

шая во время оно, начинаетъ раздуваться, вспыхнуло легкое пламя... Время терять не должно. Сего дня балъ у дяди Анеты, я званъ, я объяснюсь съ несравненной: да, или бацъ Лепажа рѣшатъ мою участь!...

Что будетъ, то будетъ, что будетъ, то будетъ, а то будетъ, что Богъ дастъ, говаривалъ Гетманъ Хмельницкій: я повторилъ слова его въ моей крѣпкой думѣ, повторилъ и рѣшился при первомъ случаѣ приступить къ дѣлу. Желанный случай не замедлился. Дядя Анеты по матери, сановитый мужъ, извѣстное лице въ столицѣ, давалъ балъ, на которой, къ моему счастію, былъ приглашенъ и я.

Протяжный Польскій гремѣлъ съ хоръ круглой залы, богато убранной и ярко освѣщенной, паръ до сорока проходили изъ залы въ гостиную и въ угольную. Я съ Анетою шелъ въ срединѣ и, какъ наелектризованный, тресся будто листъ на деревѣ. Трудно изъяснить, что́ я чувствовалъ... волненіе непонятное!

Робко кидалъ я страстные взоры на свою даму... Анета замѣтила мое смущеніе, мнѣ же казалось, что всѣ замѣчали оное — это еще болѣе отнимало бодрости. Наконецъ я собрался съ духомъ, съ рѣшительностію — но робкою, боязливо началъ разговоръ такъ: «нынѣшній вечеръ есть одинъ изъ счастливѣйшихъ вечеровъ моей жизни.» Да, кажется, балъ очень веселъ, отвѣчала Анета; но почему же вы заключаете о цѣломъ вечерѣ, когда онъ только начинается? — «Потому, сударыня, что я съ вами.»

Что это значитъ? Я этаго не понимаю... à propos, а что ваша сестрица?

«Слава Богу здорова, она уже съ мѣсяцъ какъ пріѣхала домой; дядюшка простилъ ее и они надѣются скоро быть въ Москвѣ,» отвѣчалъ я, невольно перемѣнивъ разговоръ.

Я еще хотѣлъ сказать что-то, но Польскій кончился и я досадовалъ на себя, что не умѣлъ ничего сдѣлать.

Это странно! Ѣдешь въ домъ К. къ прекрасной Анетѣ, дома, дорогою выду-

маешь фразы для начатія разговора, предполагаешь rendez-vous — и завести разговоръ о томъ, о семъ и обинякомъ довести до дѣла... пріѣдешь — все позабыто, только непремѣнныя: bon jour, bon soire, au revoir — остаются на своемъ мѣстѣ... Но поспѣшимъ къ дѣлу. Началась мазурка, а я еще не ангажировалъ дамы.

Разбитной, вертляный — фешюнабль-дженгельменъ А. подошелъ къ Анетѣ. Ахъ злодѣй! онъ отнимаетъ у меня ее! а я только и ждалъ мазурки... «Я чрезвычайно устала, Мг. А., отвѣчала Анета, притомъ же я ангажирована на мазурку и котильонъ Алек. Иван.»

Куй желѣзо, пока горячо — вспомнилъ я и полетѣлъ къ Анетѣ. Отказа не было; но она просила меня стать во второй или третьей парѣ: ибо нѣсколько устала отъ вальса и кадрили. Я сталъ въ третьей парѣ, подвинулъ стулъ для своей дамы и, какъ хранитель, занялъ боковое правое мѣсто возлѣ онаго. Наконецъ насталъ благопріятный случай. Я началъ говорить о быломъ, о прошломъ... Анета слушала, иногда прерывала меня,

но я уже зналъ эту стратегію. Напомянулъ о Пансіонѣ, о нашихъ танцахъ въ городѣ, — это, кажется, восхищало Анету; напомянулъ о долгой разлукѣ и перемѣнѣ нашего обращенія, — это ей не нравилось, а почему? я не знаю. Снова ударилъ я по прежней струнѣ, припомнилъ ей нѣсколько анекдотовъ дѣтства, припомнилъ игры въ саду и знакомыхъ на родинѣ, я коснулся и первой встрѣчи нашей въ саду Пансіона. Анета нѣсколько смутилась, радостная улыбка показалась на устахъ ея. Не надобно терять случая. Теперь нападу со всѣми правилами любовнаго искуства. Мило смотрѣла она на меня, когда я кончилъ свои разсказы, какъ будто ожидая признанія... Оно готово вылиться, но проклятый А. все разрушилъ. Sibiriakoff, c'est à vous! сказалъ онъ мнѣ, между тѣмъ какъ вторая пара оканчивала. Я пошелъ. Мазурка не имѣетъ тѣхъ прелестей для волокитовъ, какія были при изысканныхъ па и сентиментальныхъ фигурахъ; нынѣ

И мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ...

ходишь просто безъ всякихъ затѣйливыхъ фигуръ. Гдѣ тѣ времена прежнія, когда каблучки, да еще со шпорами, играли важную роль въ этомъ танцѣ. Мы кончили и снова начали свои разговоры. Но романтическое расположеніе моей героини уже прошло и на всѣ мои вопросы, на всѣ мои разсказы она отвѣчала просто и холодно. Oui cela c'etait jadis. . . Я и досадовалъ и сердился: а гдѣ сердце, гдѣ досада — тамъ любви не бываетъ; посему балъ прошелъ обыкновенно: я веселился, забывъ на время свою думу, и въ три часа поѣхалъ отъ А. довольный и собою и Анетою.

Что за романтизмъ — изъясняться въ страсти! думалъ я; турниры были и рыцарство болѣе не существуетъ. Я люблю Анету, чувствую или вижу, что и я не противенъ ей: чего же ждать болѣе? предложеніе! — и концы въ воду. Меня любитъ Анета? . . . Но кто же въ этомъ меня увѣритъ? Женское сердце, какъ Хамелеонъ, перемѣнчиво: въ этомъ случаѣ хотя бы я видѣлъ и очень явственно признаки соотвѣтственности

я бы сказалъ, вижу, но не вѣрю.—Если мнѣ откажутъ?... Но за что? спрашиваю я. Отказъ не бѣда, попытка не шутка.

Долго размышлялъ я, долго разсуждалъ о началѣ предложенія и всѣ приступы казались мнѣ несообразственны; я не сомнѣвался въ Анетѣ, сердце говорило мнѣ, что она меня любитъ; не сомнѣвался въ согласіи Гавр. Тимоф., но не смѣлъ приступить къ дѣлу, не зналъ съ кого начать — съ Анеты или съ отца. Такъ носился я въ недоумѣніи.

Быть щастливымъ есть наслаждаться самимъ собою; гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? И что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? —

Жуковскій.

Три года протекло съ того времени, какъ Сибиряковъ танцевалъ на балѣ дяди Анеты, — три года прошли, какъ три мѣсяца... Время летитъ для щастливыхъ. Ни одной тучки не было на горизонтѣ его блаженства; чистое, какъ стекло, лазурное небо дивно сливалось съ бирюзовымъ небосклономъ его жизни.

Онъ достигъ руки Анеты. Кроткая какъ Ангелъ, непорочная какъ Геній небесный — Анета сдѣлалась прекрасною заботливою матерью. Милый какъ Амуръ, прелестенъ какъ Грація — сынъ ихъ Николинька, залогъ будущаго щастія, радовалъ двухъ супругъ, дышавшихъ одинъ для другаго. Никогда я не видѣлъ плѣнительнѣе и усладительнѣе сей картины: доброй отецъ, воспитанный, образованный, нѣжный супругъ — кроткій, мирный Сибиряковъ жилъ Анетою, которая, въ свою очередь, нашла щастіе и друга въ своемъ супругѣ. Милый Николинька, рѣзвый, забавный — былъ осыпаемъ ласками своихъ родителей. Порядокъ въ имѣніи, щастливая служба и семейственное согласіе, все способствовало благоденствію Сибирякова.

Кроткая, милая, добродѣтельная, прелестная Анета сдѣлалась супругою Александра. Любимый начальствомъ, обожаемый женою, въ которой нашелъ совершеннаго, искренняго друга, участника въ щастіи и нещастіи, — Сибиряковъ уже былъ отцемъ прекраснаго, какъ Херувимъ, мальчика. Двухлѣтній Нико-

линька составлялъ предметъ попеченій матери и удовольствія родителей. Какъ часто примѣрные супруги, сидя на диванѣ, любовались своимъ малюткою! Съ наивною безпечностію сей перебиралъ своими игрушками, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ отецъ и мать смотрѣли на каждую мину ребенка, на каждое его движеніе, въ которыхъ были видны добрые уроки и примѣры родителей. Вся жизнь Сибирякова была цѣпь радостей и мирныхъ, душевныхъ наслажденій. Ничто не возмущало его спокойствія, все способствовало и споспѣшествовало его благополучію.

Избранный кругъ знакомства былъ свидѣтелемъ священнаго семейственнаго щастія. Одинъ только Леонидъ, презрѣвъ міръ, подъ схимою въ монастырѣ, мирился съ столь ненавистными ему людьми. Искренность и откровенность одушевляла бесѣды друзей, умъ и образованіе всегда представляли богатый источникъ разговора.

Простота убранства въ жилищѣ, чистота и опрятность замѣняли роскошь и великолѣпіе. Важность и надмѣнность

— эти паспорты невѣжества — не проходили въ домъ Сибирякова, ибо застава была въ рукахъ доброты и чистосердечія. Рано съ солнцемъ вставалъ Александръ и начиналъ работу. Вечеромъ читалъ, или былъ въ обществѣ. Онъ твердилъ себѣ и всѣмъ — слова Жуковскаго:

»Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ, всѣ призраки изчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ коротких, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ, не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться единымъ, скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ щастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы, свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ, никому кромѣ себя не даетъ отчета, и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ

кругу любезныхъ, когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества, когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ, когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое щастіе, когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь: — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ щастливъ. —

Быть щастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе щастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце?

Ты ищешь вѣрнаго щастія? почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства. Если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное щастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимно-

стію, съ такимъ забвеніемъ самаго себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь, образуй для него свою душу, помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца: благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ спутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ!»

Такъ повторялъ Сибиряковъ слова Поэта, который, кажется, обрисовалъ, описалъ истинное щастіе по опыту. Слезы умиленія, слезы радостныя, отрадныя, текли по его ланитамъ. Анета блаженствовала упоенная любовію супруга. Она рыдала вмѣстѣ съ нимъ, прижимая къ груди своей рѣзваго, бойкаго, остраго Николиньку.

«Maman, maman! закричалъ малютка, увидя слезы на глазахъ отца своего, Папа плачетъ...» Онъ плачетъ, ду-

шенька, отвѣчала мать, цѣлуя сына; да, душенька, онъ плачетъ. . . Молись Богу, чтобы онъ всегда такъ плакалъ; молись же душенька! »Дай Богъ, лепеталъ малютка, жить папинькѣ и маминькѣ долго, долго!» Перекрестясь, онъ упалъ на землю, какъ будто дѣлая земные поклоны. А супруги-родители, вопреки укоренившемуся предразсудку, что желаніямъ человѣка нѣтъ конца, казалось, спрашивали: »Боже! чего недостаетъ намъ?»

Сколько разъ бывало подобныхъ сценъ? Зачѣмъ же и послѣ сего новѣйшіе Діогены твердятъ міру, что щастіе, какъ и квадратура круга, неразрѣшимы? Зачѣмъ сіи люди, постигнувшіе всю сферу человѣческихъ знаній, не обратятся къ душѣ, дабы узнать истинное щастіе и убѣдить жалкій міръ въ аксіомѣ:

Щастіе человѣка состоитъ въ любви дружбѣ и семейственномъ благополучіи.

Конецъ второй и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Губернаторъ. Сибиряковъ у него въ милости. Ученыя занятія. Нещастный случай. Отставка Сибирякова. Неожиданный переворотъ семейныхъ обстоятельствъ. — Пріѣздъ матери Сибирякова..... 1

—— II. Забавное сватовство. Валерь Скорѣшенскій. Приглашеніе къ Лорнетовымъ. Непріятная переписка..... 8

—— III. Внезапное приготовленіе Сибирякова къ отъѣзду въ Москву. Ссора съ Предсѣдателемъ. Забавный тостъ. Визитъ помолвленныхъ. Письма..... 15

—— IV. Вечеръ у Лорнетовыхъ. Женихъ Ассессоръ и Кавалеръ Попиньковъ. Удачное тайное свиданіе Сибирякова съ помолвленною.... 24

—— V. Альбомъ. Взаимный залогъ вѣчной любви. Знакомство съ Попиньковымъ. Неожиданный бракъ матери Сибирякова съ Предсѣдателемъ. Секретарь. Отъѣздъ Сибирякова въ Москву..... 29

Стр.

Глава VI. Ночлегъ въ Ковяловкахъ. Разсказы постояльцевъ. Нещастіе съ Сибиряковымъ. Встрѣча съ Леонидомъ. Характеръ его..... 39

—— VII. Пріѣздъ Сибирякова съ Леонидомъ въ Москву. Чувствованія Русскаго..... 46

—— VIII. Обозрѣніе Москвы и ея окрестностей..... 60

—— IX. Гостинница Яра. Встрѣча съ Валеромъ. Московская молодежь. Знакомство. Извѣстіе о Грушиныхъ..... 71

—— X. Попиньковъ. Компаніонка Маланья Амосовна..... 78

—— XI. Первый день праздника Воскресенія Христова. Утренніе визиты. Сибиряковъ неожиданно получаетъ мѣсто помощника Попинькова. Услужливость Маланьи Амосовны въ любовныхъ дѣлахъ. Неудачное любовное похожденіе Сибирякова..... 81

—— XII. Скорѣшенскій и Князь Вяловъ. Извѣстія объ Юліи и Анетѣ. Любовныя вѣсти Маланьи Амосовны..... 93

—— XIII. Домъ Князя Вялова. Барскія сужденія о воспитаніи и просвѣщеніи. Анета..... 102

Стр.

Глава XIV. Гулянье подъ Новинскимъ. Французская Венера Шарлота. Графъ Агудаевъ. Цыгане. Несчастная попытка Сибирякова въ карточной игрѣ..... 112
—— XV. Сибиряковъ въ отчаяніи. Физическое разслабленіе. Развлеченіе..... 129
—— XVI. Бесѣда съ Ученымъ. Толки о Россійской Литтературѣ. Забавные уроки стихосложенія..... 141
—— XVII. Радостное извѣстіе. Любомудріе Леонида..... 159
—— XVIII. Карточный долгъ. Обѣщаніе Скорѣшенскому. Посѣщеніе Вяловыхъ. Масонское общество. Испытаніе и обряды. Сибиряковъ посвящается въ число собратовъ. Грустныя думы. Неожиданное открытіе..... 178
—— XIX. Сибиряковъ съ Скорѣшенскимъ по незнанію увозитъ тайно двоюродную сестру свою Юлію. Маланья Амосовна..... 199
—— XX. Несогласіе приходскаго священника обвѣнчать Скорѣшенскаго съ Юліею. Рѣшительность полковаго іерея. Раскаяніе Сибирякова. Странное сновидѣніе. Визитъ новобрачныхъ..... 203

Стр.

Глава XXI. Посѣщеніе Русскаго-Француза. Забавные разговоры. Письма..... 210

—— XXII. Сибиряковъ въ щастіи. Объясненіе съ Анетою. Перѣшимость. Супружеское состояніе Заключеніе..... 220

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025293939